

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

**Посвящается памяти
заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора
Мальцева Геннадия Васильевича**

Белгород, 2020

ББК 67+66.02
УДК 342
П 68

Ответственный редактор –
профессор Мархгейм М.В.

П 68 Право и государство в современном мире: состояние, проблемы, тенденции развития : Материалы международной научно-теоретической конференции – VII Международные «Мальцевские чтения» – памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича (Белгород, 24-25 апреля 2020 г.). – Белгород, 2020. 233 с.

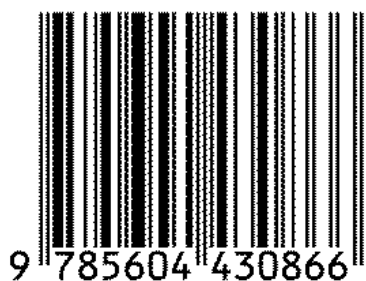
ISBN 978-5-6044308-6-6

В данном издании систематизированы статьи участников VII Международной научно-теоретической конференции («Мальцевские чтения»), ежегодно проводимой в апреле в знак уважения и памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича.

Материалы адресованы научным и практическим работникам, аспирантам, магистрантам, студентам, а также всем, кто интересуется теоретическими и практическими проблемами юриспруденции.

ISBN 978-5-6044308-6-6

ISBN 978-5-6044308-6-6

© Авторы статей, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Тонков Е.Е.	СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ПРИНЦИП ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА СОЗИДАЮЩЕГО	6
Носов С.И.	НОРМАТИВНОСТЬ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬ- НОГО И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	12
Беляев В.П. Беляева Г.С.	К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВО- ВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНО- МИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	26
Куксин И.Н.	НОВЫЕ ПРАВИЛА ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН В СУДЕ	31
Макогон Б.В.	ОТКРЫТОСТЬ ПРАВОСУДИЯ: ПРАВОВАЯ ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ	38
Макогон Б.В. Петербургский А.П.	КОНТРОЛЬ И НАДЗОР: ТРАКТОВКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ	43
Мархгейм М.В.	ОБНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ: ПЕРЕМЕННОЕ В ПОСТОЯННОМ	48
Сафронова Е.В. Насандратра Л.	ИСТОРИЯ МАЛАГАСИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В XV-XIX ВВ.	57
Стус Н.В. Кулишенко Е.	УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: В КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВКАХ «ЗАМОЛВЛЕНО СЛОВО»	62
Таболин В.В. Расихина Л.А.	ГОРОД КАК ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	65
Туранин В.Ю. Подольский А.В.	К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЛЬГОТНЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ	79
Алонцева Д.В.	КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО- ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ АВГУСТИНА БЛАЖЕННОГО	84
Безуглая А.А. Сорокина Е.Ю.	ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТОГЕНЕЗ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ ПРАВА	89
Косолапова Н.А.	ПРАВОВАЯ ПРИРОДА АКТОВ КОНСТИТУЦИОННЫХ СУДОВ (НА ПРИМЕРЕ НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН)	94

Кротов А.В.	ВИДЫ И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ ПОДОТРАСЛИ ПРАВА ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ	97
Никонова Л.И. Колосов Г.Ю.	ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ МЕХАНИЗМА МИРОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ООН	102
Нинциева Т.М.	ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРОЦЕССУАЛЬНО- ПРАВОВЫХ НОРМ	110
Новикова А.Е.	ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРАМЕТР МИНИМИЗАЦИИ ПРАВООЗАЩИТНЫХ РИСКОВ: КОНСТИТУЦИОННЫЙ ОПЫТ АМЕРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ	114
Новикова А.Е. Махлис В.А.	МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ	119
Пожарова Л.А.	ПРАВО НА ОХРАНУ И ЗАЩИТУ ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯТИВНОЙ СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВА	125
Хабиева З.Д.	К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СТАДИЙ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	131
Шухов Ф.Г.	ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОГО ВОЛОНТЕРСТВА В РОССИИ	133
Гелуненко В.В. Овчиев И.П.	КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО	140
Грицюк М.	ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	143
Дорофеев А.В.	ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ СТИМУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ РОССИИ	151
Еньшина Е.Н.	Ф.Ф. КОКОШКИН О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ	156
Земляной А.В.	ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СУБИНСТИТУТА ГАРАНТИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН РОССИИ, ПОСТОЯННО ПРОЖИВАЮЩИХ (ВРЕМЕННО НАХОДЯЩИХСЯ) ЗА РУБЕЖОМ	160
Конарева И.А.	СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ КАК ПОТРЕБНОСТЬ В УЧЕНИИ П.Л. ЛАВРОВА	166

Русин И.А.	ПРАВООЗАЩИТНАЯ МИССИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ	170
Сушков П.А.	ОГРАНИЧЕНИЯ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И ПРАВОО ПРИМЕНТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ	175
Тофан М.	К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ПРИНЯТИЯ КОНСТИТУЦИИ СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 1950 г.	180
Троян В.А.	МАТЕРИАЛЬНЫЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В РОССИИ: СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	183
Тульнев М.А.	РОССИЙСКИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ СВОБОДЫ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ	187
Ченцов С.Д.	ПРАВО НА НАЦИОНАЛЬНУЮ САМОИДЕНТИФИКАЦИЮ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ	193
Абарон В.В.	ПРОБЛЕМА МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	197
Басов О.Е.	ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ ОТ ВСЕХ ФОРМ НАСИЛИЯ В АФРИКЕ	201
Голубева С.Ю.	НАРОДНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ИДЕАЛ	207
Коссова А.В.	ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ «ПРЕОБРАЗОВАНИЯ» КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ	213
Крайнюкова А.А.	КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ И ДОСТУП К КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ИНВАЛИДОВ НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ	216
Педько М.С.	АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ПРИЗНАНИЯ ГОСУДАРСТВ	220
Рощупкин И.Н.	ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ	223
Черепанов М.А.	ГЕНЕЗИС КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	228

Тонков Евгений Евгеньевич,
директор юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
(Белгород)

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ПРИНЦИП ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА СОЗИДАЮЩЕГО

«Нет никакой отдельной юридической справедливости, политической или иной справедливости, есть только нравственная ценность справедливости, воздействующая через нравственное сознание на различные сферы социальной регуляции, приносящая в них определенную тональность и элементы гармонии» (Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 108).

Аннотация. В статье представлены доводы в пользу признания социальной справедливости в качестве принципа функционирования государства созидającego. Подчеркнуто, что цель правового регулирования фактически опосредована множеством целей и интересов субъектов правоотношений. В силу этого государство созидające стремится не только консолидировать их и привести в соответствие с общественными потребностями, но и поддерживать, обеспечив правовым инструментарием реализации.

Ключевые слова: социальная справедливость, государство созидające, правовое регулирование, правоотношения, государственная деятельность.

Спровоцированная коронавирусной пандемией тревожная социально-экономическая обстановка в России в совокупности с беспрецедентным падением цен на нефть и экономическими санкциями со стороны западных стран нарушила атмосферу благоденствия государственных органов, многие из которых оказались не готовы к буквально обрушившимся на общество испытаниям. Оказалось, что институциональная система государства в России пронизана коррозией и дефектами, а уроки из исторического прошлого представителями региональных и федеральных структур, увлекшимися построением собственного локального мироздания, не извлечены.

Социальное неравенство современного государства не только легко прослеживается при анализе деклараций о доходах и недвижимости чиновников и представителей депутатского корпуса, которые публично представляют деление на «низших» и «высших». Приходится констатировать и нередко откровенно демонстрируемое неравенство прав и обязанностей в различных

слоях формирующейся социальной стратификации. Фактически мы возвращаемся к ситуации, уходящей своими корнями еще в эпоху разложения родового строя и постепенного классовообразования, в основе которого лежала неравная мера воздаяния лицам и сословиям в зависимости от социального статуса и приближенности к государю. Принцип иерархии вытесняет с поля принцип справедливости и вновь, спустя столетия, становится важнейшей ценностной установкой общественного сознания.

Геннадий Васильевич Мальцев, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, крайне отрицательно относился к тому, что «крупному бизнесу, мощным финансовым и промышленным корпорациям, достигшим высочайшей концентрации экономической власти, сходят с рук и противозаконные действия, и аморальное поведение, и политические аферы» [1, с. 165].

Справедливость в цивилизованном обществе не должна трактоваться как таким образом искаженная нравственно-правовая и религиозная гармония, при которой каждому, как у древних греков, воздается в зависимости от места, занимаемого в социальной страте.

Г.В. Мальцев последовательно отстаивал идею исторического единства происхождения религии, морали и права «в результате дифференцирования синкретической соционормативной сферы первобытности на отдельные виды нормативно-регулятивных систем» [1, с. 105].

Поэтому трансформация нравственных ценностей, патерналистская нравственность неизбежно влечет за собой и изменения юридических конструкций, которые в нынешней системе государственных координат находятся под воздействием морального кода власть имущих, отнюдь не всегда соотносимого с гуманистическими идеалами.

Как отмечал Э. Роттердамский, «множество людей ставят зажженные свечи перед образом Богородицы, часто среди бела дня, когда нет нужды в освещении; зато как мало таких, которые стараются подражать ей чистотой жизни, кротостью и любовью к неземному» [2, с. 126].

Теория правового регулирования, созданная при социализме и лишь немного скорректированная в последние десятилетия, не может объяснить происшедшие перемены в политической и правовой системе России и (что более опасно), не обременена желанием объективного прогнозного анализа. Трудно не заметить, что под предлогом обороны от коварного вируса страну подстерегает вероятность трансформации в автократическое государство, в котором фактически нет гражданского общества, а все его декорации находятся под

жестким государственным контролем – профессиональные и творческие союзы, некоммерческие и религиозные организации. При такой расстановке сил по-настоящему социальное государство функционировать не в состоянии.

Как мы уже неоднократно подчеркивали в своих предыдущих работах, противостоять угрозе авторитарической перспективы развития страны может только государство созидающее, которому по силам выполнить роль мощного активатора общественной жизни, организовать эффективное управление обществом, обеспечить реализацию социальных обязательств, создание стимулов для развития частного сектора и повышения деловой активности. Именно в этом заключается основной смысл государства созидающего и его рациональное зерно. Многообразие задач и функций государства созидающего обуславливает существование различных форм государственной деятельности, которые предусматриваются законами и иными правовыми актами, основанными на принципе социальной справедливости.

Созидательная деятельность государства является одновременно насущной потребностью и содержательной характеристикой всей правовой системы общества. В конце XX века мы наблюдали беспрепятственное разрушение монополии государственной собственности, сопровождавшееся процессом полулегальной приватизации, ухудшение общего экономического положения страны, снижение уровня жизни значительной части населения. Сегодня наблюдается очередное перераспределение прав собственности при очевидном государственном вмешательстве в этот процесс.

Вопрос о характере взаимоотношений государства и гражданского общества в России приобретает в последнее время ключевое значение, что объясняется осложнением отношений с Западом и неизбежными в связи с этим трансформациями во внутренней политике. Рассуждая о генезисе диалога между государством и гражданским обществом, мы пришли к выводу, что причинами очевидного рассогласования стали обстоятельства как объективного, так и субъективного порядка.

Вероятно, к объективным причинам можно отнести самые различные факторы, начиная от внешнеполитической ситуации и заканчивая конкретными условиями жизни индивидуума, ощущающего все большее давление государственного пресса. Не секрет, что в число субъективных причин входят и индивидуально-психологические особенности граждан, и их взаимоотношения, в том числе, актуальное состояние психики отдельных лиц, пытающихся добиться справедливости, которую каждый из нас понимает по-своему.

Способы осуществления отдельных видов государственной деятельности выражают не структурные, а функциональные различия между государ-

ственными органами. Хотя проблема совершенствования государственной деятельности имеет специальный характер, но ее разрешение требует выхода на общеметодологический уровень научного ее освоения для выработки общей концепции государства созидającego и его институциональных компонентов.

Г.В. Мальцев обращал внимание, что «в юридическом смысле институционализация означает процесс превращения социальных требований к поведению людей в юридически обязательные нормы посредством законодательных (правотворческих) процедур» [1, с. 148].

Это может стать некоторой гарантией того, чтобы право в случае политической целесообразности не сочеталось с произволом, как бывало неоднократно в нашей истории. Ведь, по мнению Ф. Ницше, которое, не прочь поддерживать некоторые современные политики, «произвольное право необходимо...у всех у нас нет уже традиционного правового чувства, поэтому мы должны помириться с произвольными правами, которые суть выражения необходимости права вообще» [3, с. 431].

Политика в отличие от формальной определенности права рассматривается как сфера фактических взаимоотношений и взаимодействий личности, социальных общностей, политических институтов, создающая структуры, нормы, отношения, политическую среду, в пределах которых определяются стратегия и тактика развития общества и государства.

Политика «материализуется» в нормативном компоненте в системе государственных институтов и форм, но и, разумеется, политических, экономических, социальных и других структурах, участвующих в процессе управления государством. При этом мы не склонны преувеличивать возможности государственной деятельности. Она в цивилизованном государстве в любом случае формируется и осуществляется в рамках и под влиянием абсолютных общечеловеческих ценностей (свободы, равенства, справедливости), т.е. в пределах и границах правового контекста этих ценностей, а также соответствующих им других институтов и форм.

Избыточная политизация различных сторон жизни деструктурирует, дестабилизирует общество. Для государства и права это особенно опасно. Исторический опыт убедительно демонстрирует, что сравнительно легкое манипулирование основами государственности в угоду политическим амбициям и узкоэгоистическим интересам, в конечном счете, неизменно оборачивается болезненным и длительным возвращением к общецивилизованным началам, стабильности и равновесию в жизни общества и государства. Поэтому для политики исходными являются фактор преемственности и юридические пределы, основанные на общецивилизационных принципах.

Жизнь гражданского общества не существует вне государства. Однако при фактической диффузии государства в российские общественные структуры становится все более иллюзорной граница, разделяющая государство и общество. В результате этого облик мифа приобретает и само гражданское общество. Как бы ни пытались некоторые государственные политики и «огосударствленные» средства массовой информации придать системной оппозиции образ демократических институтов гражданского общества, они все более обрастают рудиментами правящей партии.

Государство созидаящее инициирует предпосылки для формирования новых отношений, преодоления кризиса и стабилизации экономического положения. Трансформация природы отношений собственности неизбежно влечет за собой видоизменение отношений правового регулирования. Государственная деятельность в условиях рыночной экономики не может осуществляться в тех же юридических формах и пределах, что и прежде.

Поэтому одной из задач созидаящего государства является адаптация политической, социально-экономической и правовой систем к новой ситуации. Совершенствование государственной деятельности должно придать необходимый динамизм и результативность действиям органов власти по преодолению кризиса, стать одним из определяющих факторов развития демократии, становления гражданского общества, построения правового государства.

Решающее значение имеет переосмысление фундаментальных правовых подходов к взаимоотношениям государства и личности, гражданина и права. Устаревшие идеологические стереотипы до настоящего времени преобладают в общественном правосознании, что не способствует современному пониманию юридических форм государственной деятельности как способа обеспечения приоритета прав человека в сфере публичной власти. Хотя активных дискуссий по этой проблеме в научных кругах сегодня практически нет, единое мнение так и не сложилось, что дает нам основания на собственное представление о ней. Особое значение имеют новые подходы к оценке и формированию государственной деятельности. В любом государстве, как и в любой науке, должен существовать ведущий методологический подход, национальная идея, которая сегодня в России утрачена.

С.С. Алексеева беспокоила мысль о том, в России происходит «суровое явление — это крушение права в его общецивилизационном, высоком значении. И это должно быть большой тревогой для общества. Потому что крушение права означает, что общество теряет одну из важнейших ценностей цивилизации, которая может вывести его на новые ступени прогресса» [4, с. 16].

На этом печальном фоне приходится с сожалением констатировать неэффективность современной государственной деятельности. Попытки политического руководства страны начать активную работу по ее совершенствованию успешно блокируются бизнес-бюрократией, узурпировавшей власть в ряде регионов и федеральных ведомств России.

Подобная ситуация возможна там, где имеются управленческие просчёты, так называемые «глухие» места властной вертикали, где «сила права» ничего не может поделать с «правом силы», с всеподавляющим господством административного ресурса. Ведущим стратегическим направлением становления государства созидающего является формирование системы активного воздействия граждан на государство через институты гражданского общества. Граждане видят результат своей деятельности в преобразованных предметах и правовых явлениях (тех или иных юридических фактах), удовлетворении персональных притязаний, а для государства эти результаты имеют качественно другую ценность, выступая в виде частных показателей эффективности процесса правового регулирования. Прямая зависимость правового регулирования от характера его цели проявляется при любом масштабе государственной деятельности (абстрактная ли это цель – правовой идеал, или же – конкретная правоприменительная практика).

Современные весьма противоречивые тенденции в различных сферах жизни российского общества не могут не найти своего отражения в праве, которое является универсальной системой нормативного регулирования социальных процессов, вследствие чего противоречия пронизывают сегодня все уровни системы отечественного законодательства. Потребности, цели, интересы и мотивы участников процесса правового регулирования, как правило, находятся в противоречии, но в то же время они взаимно обусловлены. На самом деле, цель правового регулирования фактически опосредована множеством целей и интересов субъектов правоотношений, зависит от них. Вот почему государство созидающее стремится не только консолидировать их и привести в соответствие с общественными потребностями, но и поддержать, обеспечив правовым инструментарием реализации.

Соответствие целей государственной деятельности общественному идеалу целей, потребностей, интересов, мотивов участников общественных отношений, урегулированных нормами права, представляет собой важнейшую особенность процесса правового регулирования. Цели участников правоотношений в государстве созидающем приближаются по своей общественной характеристике к целям государственной деятельности. Чем адекватнее это соответствие, тем более эффективным является процесс правового регулирования. Именно в этом, в «усовершенствовании совместной жизни посредством

установления и поддержания справедливого правопорядка» [5, с. 112] видел задачу государства И.А. Ильин. Поэтому «восстановление в правах» принципа социальной справедливости видится нам основным предназначением государства созидającego.

Литература:

1. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008.
2. Роттердамский Э. Похвала глупости. СПб, 2016.
3. Ницше Ф. Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1990.
4. Алексеев С.С. Право – одно из самых высоких достижений человеческой цивилизации // Закон. 2009. № 7.
5. Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 т. Т.4. М.: Русская книга, 1994.

Носов Сергей Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного права
Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и
Государственной службы при Президенте
Российской Федерации (РАНХиГС)
(Москва)

НОРМАТИВНОСТЬ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

«Подобно тому, как математики могут оперировать числами, не углубляясь в суть понятия числа, юристы способны заниматься нормами, руководствуясь самыми общими представлениями о них. Большого вреда, наверное, в этом нет, поскольку ориентированная на повседневность практика, если она имеет рациональные цели, может в известных пределах и на определенный срок стать независимой от теории, тем более глубокой теории» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 513).

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы нормативности в системе социального регулирования в целом и правового регулирования, в частности. Исследуется природа нормативности. Нормативность рассматривается как универсальное средство социального регулирования, как глубинное свойство, присущее различным регулятивным системам (правовой, моральной, религиозной, этической). Рассматриваются роль и место в системе социального

регулирования технических и технологических норм. Исследуются различные подходы ученых в юридической науке на природу социальной нормы. Особое внимание уделяется анализу научных исследований члена-корреспондента РАН Г.В. Мальцева и члена-корреспондента РАН Е.А. Лукашевой, их взгляды на проблемы социального и правового регулирования, природу социальных и правовых норм, единство должного и сущего в социальной норме. Рассматриваются особенности и взаимодействие различных нормативно-регулятивных систем.

Ключевые слова: норма, нормативность, природа социальной нормы, социальное и правовое регулирование, нормативно-регулятивные системы, нормы морали, этики, религиозные, нормы, технические, технологические нормы, категории сущего и должного в социальной норме, категория справедливости, социальная ответственность.

Нормативность является универсальным средством социального регулирования. Это глубинное свойство, присущее различным социальным регулятивным системам (правовой, моральной, религиозной, этической). Всестороннее исследование социальной природы нормативности способствует выявлению специфических особенностей указанных социальных регуляторов. Социальное бытие людей тесно связано с такими категориями как «норма», «нормативность». Как справедливо отмечается в юридической науке, норма «органично вплетена» в деятельность человека и выражает наиболее типичные и устойчивые общественные связи. Нормативность является отражением объективно необходимых «способов взаимодействия явлений и событий как результата предметной практической деятельности людей» [1, с. 7, 13].

Нормативность общественных отношений складывается в процессе социальной деятельности людей, являясь важной закономерностью развития и свойством общественного бытия. При этом данная категория не остается неизменной, данной раз и навсегда. Эта категория производна от общественных отношений, следовательно, нормативность может изменяться по мере развития и изменения этих отношений, общественного бытия.

Возникновение социальных норм означает стремление общества к самосохранению, самоподдержанию и развитию, а сформированные в обществе нормативно-ценностные системы отражают сложившиеся в нем устойчивые социальные связи. Эти ценностно-нормативные системы на определенных этапах исторического развития могут вступать в противоречие с динамично развивающимися общественными отношениями, что является свидетельством относительной стабильности таких ценностно-нормативных систем. Вместе с тем, относительная стабильность нормативно-регулятивных систем

не снижает их важности и значимости в поддержании стабильности общества в целом. Это позволяет сделать вывод о том, что нормативность является важнейшим фактором социального развития, способом закрепления закономерностей человеческой деятельности (человеческого бытия).

В научной литературе подчеркивается объективный характер социальных норм. Так, по мнению члена-корреспондента РАН Лукашевой Е.А. объективный характер социальных норм определяется тем, что: социальные нормы возникают из объективных потребностей социальных систем в саморегулировании, в поддержании стабильности и порядка; норма возникает в процессе жизнедеятельности людей; материальные и духовные блага, выступающие объектом общественных отношений, не произвольны, а заданы соответствующими экономическими и социально-культурными условиями [1, с. 15]. Автором формулируется вывод о том, что объективные социальные нормы есть повторяющиеся и устойчивые социальные связи, возникающие в процессе деятельности людей по обмену материальными и духовными благами и выражающие потребность социальных систем в саморегуляции.

Представляются обоснованными высказываемые в юридической науке мнения о том, что нормативность как объективное свойство социального бытия, природа нормативности являются недостаточно исследованными в юридической науке.

Нормативность является важнейшим признаком права и правовой системы в целом, вследствие чего рассмотрение природы нормативности будет способствовать раскрытию специфики права как социального регулятора, особенностей его взаимодействия с иными социальными регуляторами.

Вместе с тем, категория нормативности является универсальной для всех видов общественных отношений. При исследовании природы категории нормы следует использовать данные не только юридической, но и социологической, политологической, психологической наук, этики, эстетики, и иных областей научных знаний.

От точного уяснения природы нормы зависит определение пределов нормотворчества, выбор способов воздействия норм на общественные отношения, на сознание и поведение людей.

В понимании генезиса и природы социальных норм нет единства мнений. Так, по мнению одних ученых, фактически складывающееся взаимодействие людей образует общепринятую форму поведения, которая становится «нормой», «правилом», эталоном для индивида и «массы людей» [2, с. 237]. По мнению других, в социальной действительности существуют повторяющиеся отношения, подпадающие под понятие объективной нормы. Совокупность действий, составляющих значительное большинство среди данного

рода действий и характеризующихся высокой степенью однородности составляющих их элементов, предлагается обозначать понятием «объективная социальная норма» [3, с. 21].

По мнению третьих ученых, социальная норма выступает элементом общественного и индивидуального сознания, имеющего свои особенности, проявляющиеся в соответствующем реальном поведении людей, их общественных отношениях (нравственных, правовых, семейных) [4, с. 47-48].

Профессор В.Н. Кудрявцев обоснованно полагал, что в большинстве случаев сложившиеся в реальной жизни нормы поведения «генетически предшествуют правовым, нравственным или иным предписаниям». Вместе с тем возможна и иная ситуация, когда сначала издается нормативное предписание, которое впоследствии реализуется в практическом поведении [5, с. 17-18].

Приведенные различные точки зрения на понимание природы и сущности социальных норм свидетельствует о важном методологическом значении данного вопроса для определения роли и места социальных норм в системе общественных отношений, пределов их воздействия на различные сферы общественной жизни, определению границ нормотворческой деятельности.

Профессор Е.А. Лукашева отмечает, что следует различать с одной стороны – реально существующие процессы, к которым относится формирование объективных норм как устойчивых социальных связей, возникающих в результате закономерной повторяемости явлений, и, с другой – процессы субъективного осознания указанных социальных связей и их отражение в различных системах правил и предписаний. И далее автор указывает, что «нормативность социального бытия есть непреложное условие функционирования социальной системы», а специальная нормотворческая деятельность, связанная с осознанием и различными формами закрепления действующих объективных норм есть закономерный процесс, связанный с потребностью формирования соционормативных комплексов, выражающих интересы различных групп общества или всего общества в целом [1, с. 19-20].

Потребности общества в управлении социальными процессами предопределяют необходимость нормотворчества. Вместе с тем, мир нормативных явлений, в котором, на первый взгляд все должно быть упорядочено, стабильно и согласовано, в реальной действительности противоречив и неустойчив. Эти противоречия связаны не только и не столько с несоответствием между новыми и устаревшими нормами, между нормами различных регулятивных систем, сколько с противоречиями самой социальной реальности, в самих общественных отношениях, в которых формируются различные нормативные комплексы.

В отечественной юридической литературе обстоятельно рассматривался вопрос о возможности применения критериев истинности или ложности применительно к социальным нормам. Некоторыми авторами вообще отрицалась возможность применения указанных критериев. Профессор А.Ф. Черданцев, в частности, отмечал, что именно потому, что «нормы не слепок, не копия действительности, а инструмент активного на нее воздействия, они не являются ни истинными, ни ложными» [6, с. 104]. Не все ученые согласны с такой позицией. Более верной представляется позиция профессора Р.О. Халфиной, по мнению которой на каждом из этапов формирования нормы суждение, представление соотносится с реальностью и, следовательно, может быть истинным или ложным. От этого, в конечном счете, зависит действенность и эффективность нормы [7, с. 23].

Как справедливо отмечает Е.А. Лукашева, при решении вопроса о применении критерия истинности следует исходить из всего комплекса характеристик нормы, которая: всегда выражает оценку социальной реальности, общественных отношений, подлежащих правовому воздействию, фиксирует ценностные характеристики связей и отношений, охраняемых этой нормой, выступает компонентом психологического воздействия на поведение людей. При этом подчеркивается, что формально-логический способ выражения социальной нормы не должен заслонять его глубинного содержания, в котором всегда сочетаются элементы сущего и должного [1, с. 30-31].

Является актуальным вопрос о возможности и целесообразности опережающего нормативного закрепления (отражения), в результате чего могли бы быть созданы так называемые «идеальные нормы» в целях формирования общественных отношений, не имеющих место в реальности. Здесь возникает еще один, встречный вопрос: насколько результативными на практике будут указанные «идеальные нормы», если они не опираются на реальные общественные отношения? В практической деятельности правотворческие органы нередко включают в правовые акты нормы, которые не соответствуют сложившимся реальным общественным отношениям. При этом не учитывается, что даже закон как акт высшей юридической силы не всесилен и попытки создать некую новую «идеальную» социальную реальность без учета реально сложившихся общественных отношений имеют весьма мало шансов на успех. Это в полной мере относится и к процессу формирования прогнозов развития, в том числе и нормативных комплексов, которые должны опираться на глубинные основы социальных процессов.

Эффективность социальных норм вообще и правовых норм, в частности, неотделима от необходимости их соответствия социальной действитель-

ности. Член-корреспондент РАН профессор Д.А. Керимов в этой связи отмечает, что «именно развитие социальной действительности ставит вопрос о необходимости возникновения, изменения или отмены правового регулирования соответствующих общественных отношений» [8, с. 345].

Полное игнорирование правотворческим органом реально сложившихся общественных отношений фактически означает стремление возложить на право несвойственные для него функции изменения закономерностей общественного развития [3, с. 32, 38-39].

Вместе с тем было бы неверно говорить только о «пассивной» роли и значении правовых норм. Возможны ситуации, когда правовая норма либо создает новый вид социального поведения, либо полностью перестраивает сложившиеся общественные отношения. В действительности возможны различные взаимосвязи между поведением человека и нормой, в том числе и случаи, когда, учитывая общественную потребность, вначале принимается нормативный правовой акт, а затем он реализуется в фактическом поведении. Так, профессор В.Н. Кудрявцев отмечал, что «если бы правовые нормы всякий раз создавались на базе сложившихся форм поведения, их творческая роль была бы ограничена ... Закон призван не только закреплять и охранять уже сложившиеся общественные отношения, но и способствовать зарождению новых, к которым законодатель сознательно стремится, – разумеется на основе объективно существующих для этого предпосылок» [5, с. 18].

Несомненно, творческая роль права обусловлена потребностями, формируемыми в процессе социальной деятельности людей, в способности выявить и придать юридическую форму возникающим новым общественным отношениям, определить тенденции их развития.

В системе социального регулирования правовые нормы действуют наряду с другими нормами – морали, нравственности, религиозными нормами, этики, эстетики и другими. Указанные нормы представляют собой самостоятельные нормативно-регулятивные системы, обладающие собственной спецификой, которая определяется характером и особенностями их воздействия на общественные отношения.

Особенно тесно в системе регулирования общественных отношений нормы право взаимодействуют с нормами морали. В этой связи представляется важным рассмотрение взаимосвязи права и морали как системы социальной регуляции, имеющей много общего с правом. При рассмотрении права и морали следует обращать внимание на то, какую специфику имеет каждая из указанных регулятивных систем при регулировании общественных отношений, в чем состоят особенности правовых норм и норм морали.

Как неоднократно отмечалось в юридической науке нормы права и морали обладают способностью проникать в самые разные области общественной жизни. При этом они никак не ограничены ни предметно, ни пространственно какой-либо обособленной сферой общественных отношений. Это и определяет общность и взаимодействие норм права и морали. Правовая и моральная регулятивные системы – многомерные образования, состоящие из таких входящих в них элементов как: общественные отношения, общественное сознание и нормы. Как отмечал член-корреспондент РАН Г.В. Мальцев, нормативно-регулятивные системы имеют сложную и динамичную структуру, объединяющие отношения, нормы и идеи в комплекс, который и составляет содержание этих систем [9, с. 222].

Норма воплощает в себе как общественные отношения, выступающие формой социальной деятельности людей, так и общественное сознание. При этом нормативность характерна для различных форм сознания (политического, правового, морального, эстетического) формирующих общие принципы, ценности, оценки, которые «вплетаются» в общественные отношения и выступают регулятором поведения людей.

Отмечая общие черты норм права и морали как социальных регуляторов, следует иметь в виду, что как правовые, так и моральные нормы являются фиксацией сущего и формулированием должного.

В любой социальной норме можно проследить единство должного и сущего. Категория должного наиболее отчетливо в концентрированном виде выражается в правовой норме. Вместе с тем в ней также содержится не только предписывающее суждение, но и информация о сущем.

Должное представляет собой не только систему императивов, но и некие притязания субъектов «социального общения на определенный порядок отношений». Должное находит свое выражение через права и обязанности, что формирует реальные связи с общественными отношениями, то есть с сущим. При этом должное не может рассматриваться только как требование определенного поведения, как обязанность, ему всегда сопутствует притязание на определенный порядок действий [1, с. 82].

Должное предполагает оценку существующих общественных отношений и направлено на то, чтобы их упорядочить. Выраженное в норме должное выступает, с одной стороны, как результат оценки, а с другой – как образец форм социального поведения в будущем. Таким образом, социальные нормы выступают своеобразной системой оценок сложившихся общественных отношений.

Применительно к праву и морали такие системы оценок общественных отношений хотя и являются близкими по содержанию, но не во всем совпадают. Имеются общественные отношения, которые оцениваются с различных позиций нормами права и морали. Моральные оценки являются более широкими по своему содержанию. Общепринятыми категориями морали являются добро, зло, честь, совесть, честность, порядочность. Между тем, содержание этих категорий не оставалось неизменным в различные исторические эпохи. Каждая историческая эпоха формировала свои представления о добре и зле и основанных на них категориях.

При соотношении норм права и норм морали следует исходить из того, что все правовые явления подлежат моральным оценкам, а мораль является важной стороной правовых отношений.

В социальных системах, в том числе и в правовой, имеются и организационные, технические нормы, не несущие какой-либо этической нагрузки. Вместе с тем, соблюдение указанных норм в большинстве случаев не может быть безразличным для морали.

Представляет интерес проблема моральных и правовых оценок категорий добра и зла, правомерности и противоправности с точки зрения их воплощения в общей для указанных социальных регуляторов категории справедливости. Справедливость является одновременно важнейшей этической и правовой категорией. По мнению профессора В.Н. Кудрявцева «право утрачивает свое нравственное значение, если оно не обеспечивает справедливость» [10, с. 111].

В своем первоначальном виде категория справедливости была выражена как принцип равного воздаяния за равные поступки (что нашло свое воплощение в «принципе талиона»). Как отмечал Г.В. Мальцев, в основе справедливости лежит принцип обмена, взаимного учета действий [9, с. 43]. Идея справедливости как «взаимного воздаяния» используется в качестве важного оценочного критерия правовой и моральной систем социального регулирования.

На всех этапах исторического развития различных государств категория справедливости всегда использовалась в качестве критерия оценки действующих правовых институтов. Нередко такие оценки мистифицировались, облекались в «красивые одежды», искажая и извращая суть категории справедливости.

Право в силу своей природы очерчивает свободу внешних действий индивида. Мораль же определяет не только внешние границы, но и внутренние мотивы поведения человека. Норма является не только мерой свободы, но и

мерой ответственности. Различие правовой сферы и сферы морали обуславливают различие в правовой и моральной ответственности. Социальная ответственность присутствует в структуре различных общественных отношений – правовых, моральных, религиозных, политических и иных. Нормативность как единство сущего и должного неотделимо от ответственности. Вместе с тем, в правовых и моральных системах формы проявления ответственности, как и свободы различны.

Правовые нормы всегда связаны с государством, устанавливаются и обеспечиваются им. При этом, государство, обеспечивая поведение, установленное правовой нормой, относится безразлично к мотивации правомерных действий индивида. Внутренняя мотивация с точки зрения права может иметь значение при определении меры ответственности за нарушение юридических норм. Юридическая ответственность имеет четкие правовые основания, определяет конкретные последствия нарушения установленных предписаний. Должное в юридической ответственности получает государственное признание. Критерием оценки поведения индивида является соблюдение требований должного, содержащихся в правовых нормах. Должное выступает в форме обязанности соблюдения установленного в правовом предписании варианта поведения.

Юридическая ответственность всегда сопряжена с обязанностями, она существует постольку, поскольку такие обязанности установлены государством.

Моральная и юридическая ответственность непосредственно связана с должным, которое непосредственно выражается в обязанностях. Особенность моральной ответственности состоит в ее направленности на стабильную ориентацию индивида на моральные ценности общества, группы, на совершение проступков в соответствии с этими ценностями и моральными ориентирами.

Мотивы правомерного поведения безразличны для права. Соблюдение индивидом норм права, какими бы причинами это не мотивировалось (например, боязнью быть привлеченным к ответственности) не свидетельствует о противоправности таких действий.

Таким образом, если в основе моральной ответственности лежит глубокое убеждение в важности и правильности варианта поведения в соответствии с нравственными нормами, то юридическая ответственность основывается не только и не столько на таких убеждениях (что даже не является обязательным), сколько на неотвратимости и угрозе применения неблагоприятных последствий за нарушение правовых норм.

В отличие от моральной ответственности юридическая ответственность всегда конкретно определена и нарушение правовых предписаний влечет за

собой обязательное применение предусмотренных законодательством санкций. Моральные санкции, как правило, менее определены, формально не закреплены, а отражены в моральных принципах, представлениях. Различны и формы выражения моральных санкций, к которым относятся: общественное осуждение, порицание, исключение из социальной группы, объявление бойкота и т. д. Моральные санкции многообразны, обусловлены конкретно-историческими условиями, особенностями взаимоотношений в тех или иных социальных общностях. В основе моральных санкций лежат такие критерии оценки как добро и зло, честь и бесчестие, справедливость и несправедливость. В основе применения юридических санкций лежит оценка действий (бездействия) с позиций правомерности и неправомерности.

Моральная и юридическая ответственность различаются и по субъектам, применяющим нравственные и правовые санкции. Субъектом применения юридических санкций является государство в лице его уполномоченных органов, субъектами же применения моральных санкций в случае нарушения соответствующих предписаний и запретов являются социальные общности, организации (например, религиозные), отдельные индивиды.

Моральная и юридическая ответственность имеют общие и специфические черты. Общим для правовой и моральной ответственности является то, что должное получает нормативное выражение в виде обязанности (правовой или моральной соответственно). Таким образом, различия правовой и моральной ответственности обусловлены: во-первых, различием мотивации совершаемых поступков; во-вторых, различием характера правовых и моральных санкций; в-третьих, различием субъектов, применяющих указанные санкции.

Специфические свойства права определяются его непосредственной связью с государством, что находит свое выражение в принятии законов и иных правовых актов, обеспечиваемых государством. Мораль в отличие от права снабжена иными механизмами обеспечения, такими как сила общественного мнения, стереотипы, традиции. Различие в способах обеспечения норм морали и норм права, впрочем, не позволяет сделать однозначный вывод о том, что мораль менее защищена, чем право. Механизмы поддержания моральных норм зачастую весьма эффективны и успешно обеспечиваются арсеналом морального воздействия.

Взаимодействие правовых и моральных санкций, их сочетание может быть различным. В стабильных обществах они подкрепляют и дополняют друг друга, применение юридического наказания поддерживается моральным осуждением. В нестабильных обществах, при противоречивости правовой и моральных систем регулирования нередко возникает ситуация, когда далеко не все правовые санкции мораль поддерживает и признает справедливыми.

До каких пределов может развиваться право в стремлении урегулировать все новые и новые пласты общественных отношений? Возможно ли определить такие пределы вообще? Какое будущее ожидает нормативно-регулятивные системы? Претерпят ли изменения нормы различных ценностно-регулятивных систем и какие? Какие изменения ожидают правовую норму как первичный элемент системы права? Для того, чтобы ответить на эти и другие, возникающие вопросы необходимо тщательно разобраться в природе нормы как регулятора общественных отношений и насколько адекватно она отражает состояние и уровень развития этих отношений. Важно, чтобы правовая норма из регулятора, побуждающего и стимулирующего развитие общественных отношений не превращалась в преграду, тормозящую такому развитию, что в условиях динамичного развития общественных отношений происходит нередко.

Общеизвестно, что нормы права, являясь основным элементом системы права, вырабатываются обществом. Как было отмечено выше, у правовых норм имеется много общего с моральными, религиозными, эстетическими и иными нормами. Сами нормативно-регулятивные системы не действуют в одиночку, они нередко включают в себя нормы разных видов и происхождения. Так, действующее законодательство о статусе судей содержит положения, предусматривающие наложение на судью дисциплинарного взыскания, в том числе за нарушение Кодекса судейской этики, утвержденный Всероссийским съездом судей.

Правовые нормы относятся к числу таких социальных норм, которые программируют поведение людей, устанавливают координационные и субординационные связи в обществе. По мнению профессора Г.В. Мальцева социальные нормы можно сравнить с нотными знаками «посредством которых записываются многообразные партитуры человеческого поведения». Автор отмечает, что в зависимости от того правильно или нет используются эти знаки получается «гармоничный либо дисгармоничный эффект». Разные нормативно-регулятивные системы (политическая, моральная, религиозная, правовая) могут выражать общие ценности основных групп общества. Вместе с тем, если общество противоречиво и неоднородно, то нормы этих систем могут находиться в противоречии друг другу [11, с. 514].

Возникает вопрос: как создается и становится действительной социальной норма?

Профессор Г.В. Мальцев в своем фундаментальном научном труде «Социальные основания права» детально рассматривает вопрос возникновения и действия социальной нормы. При исследовании данного вопроса автор об-

ращается к природе человека и природе вещей. При обращении к природе человека норма выводится из механизмов мотивации внутренних потребностей и является «регулярно воспроизводимой мерой удовлетворения длящейся, либо многократно повторяющейся внутренней потребности». После этого наступает преобразование этой внутренней меры во внутреннюю норму, а впоследствии трансформации внутренней нормы во внешнюю норму. За этой стадией трансформаций наступает другая, а именно: норма становится мерой поведения индивида, а затем – мерой группового и общественного поведения. Автором отмечается, что связь между мерой и нормой выражается в мотивации потребностей развития, самовыражения человека, оказывающих значительное влияние на динамику целей и средств человеческого поведения [11, с. 516-519].

Также выделяются нормы, вытекающие из природы вещей и из природы артефактов. Природа вещей включает физическую природу (эта природа существовала без человека и может обходиться без человека), которая заставляет людей соблюдать свои законы и нормы. Как обоснованно отмечает Е.А. Лукашева «нормативность выступает не только формой объективно-необходимых связей и способов взаимодействия людей, но и формой развития природных процессов» [1, с. 13]. Природа артефактов представляет собой синтез элементов физической природы и преобразований, совершенных многими поколениями людей. Это нашло свое выражение в строительстве городов, дорог, коммуникаций, энергетических объектов, произведений искусства и так далее. Г.В. Мальцев в этой связи обоснованно отмечает, что усилиями многих поколений человечество создало «вторую природу», без которой уже трудно представить себе первую. При этом с эволюцией второй природы все более возрастает необходимость рассматривать отношение людей к природе в нормативной плоскости [11, с. 519].

Физические законы природы (процессы плавления металла, разложения химических элементов, земного тяготения и т.д.) действуют независимо от человека, но вместе с тем должны учитываться людьми при взаимодействии с природными объектами.

Общество должно стремиться оптимально использовать естественные законы природы. Многие природные нормы уже включены в соционормативную сферу в виде технических и биологических норм. Изучение и познание природы вещей используется человеком для установления порядка, основанного как на объективных законах природы, так и природы артефактов.

Как обоснованно отмечается в юридической литературе, с технологическим развитием возникает все более острая потребность в формировании новых нормативно-регулятивных комплексов на базе технических и социальных норм.

Почему называют нормами требования объективных законов природы наряду с нормами социальными? Известный русский ученый-юрист Б.А. Кистяковский, исследовавший значение технических нормативов в системе социальных наук, отмечал, что технические и социальные нормы выражают «долженствующее быть». Техника и технология – нормативные явления, «ведь техника, оперируя тем, что необходимо совершается, создает долженствующее быть» [12, с. 687-688].

По мнению Г.В. Мальцева на определенном этапе исторического развития (с созданием человеком машин, различных технических сооружений и т.д.) технические нормы или нормы технологических процессов стали предметом особого внимания человека. Указанные нормы функционируют не сами по себе, а как элементы функционирующего технологического процесса. При этом, многие нормы технологических процессов стали включаться в арсенал средств правового регулирования [11, с. 522]. Автор также обращает на то, что нормы и нормативы, регламентирующие биологические, медицинские процессы, хотя и не носят технического характера, но вполне технологичны по своему содержанию. В этой связи автором предлагается использовать термин «технологическая норма», ввиду того, что указанная категория объединяет технические, биологические, медицинские и иные нормы, являющиеся общим выражением естественных норм и нормативов.

В правовой сфере такие нормы и нормативы могут облекаться в различные юридические формы в виде законов и подзаконных актов (инструкций, правил, регламентов и т.д.).

Особенностью технических и технологических норм является то, что они сохраняют самостоятельное значение вне зависимости от того, облечены они в юридическую форму или нет.

Стремительный рост в современном мире техногенных катастроф и различных природных катаклизмов обуславливают повышение роли и значения выработки технических норм и нормативов в законодательстве различных стран. Так, в настоящее время резко возрастает значение технических норм в сфере строительства, эксплуатации технических объектов, реконструкции зданий, сооружений, норм в области транспорта, связи, в сфере информационной безопасности, в иных сферах. Особенно остро стоят проблемы своевре-

менного формирования адекватных, соответствующих возникающим вызовам и угрозам как социальных, так и технических норм и нормативов в сфере информационных технологий и искусственного интеллекта.

Серьезным вызовом для многих стран мира стало стремительное и массовое распространение с конца 2019 г. пандемии короновирусной инфекции (COVID 19). Перед человечеством возникла острая необходимость не только быстрой разработки норм технологического биологического и медицинского характера, но и объединения усилий в синхронных, согласованных (чего не было ранее) действиях органов власти различных стран по предотвращению, выявлению, выработке биологических препаратов для лечения инфекции.

Ухудшение экологической ситуации в мире обуславливает необходимость формирования (совершенствования) законодательства, связанного с установлением нормирования качества окружающей природной среды, нормативов использования природных ресурсов (земли, недр, лесов, вод, воздуха и т.д.).

Изложенное свидетельствует о непрерывном возрастании роли и значении нормативности в сфере социального и правового регулирования, необходимости продолжения активных научных исследований по этой проблематике.

Литература

1. Лукашева Е.А. Право, мораль, личность. Монография. М., 1986.
2. Дробницкий О.Г. Понятие морали. М., 1974.
3. Яковлев А.М. Право и объективные социальные нормы. М., 1974, Т. 1.
4. Пеньков Е.М. Социальные нормы-регуляторы поведения личности. М., 1972.
5. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология М., 1982.
6. Черданцев А.Ф. Специфика правового отражения // Правоведение. 1973. № 2.
7. Халфина Р.О. Критерий истинности в правовой науке // Советское государство и право. 1979. № 9.
8. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972.
9. Мальцев Г.В. Социальная справедливость и право. М., 1977.
10. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978.
11. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007.
12. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М. 1916.

Беляев Валерий Петрович,

профессор кафедры теории и истории государства и права
Юго-Западного государственного университета
доктор юридических наук, профессор
(Курск)

Беляева Галина Серафимовна,

профессор кафедры административного права и процесса
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород)

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

«С идеей государственного суверенитета каждый народ воспринимает себя как некий геополитический центр, где формулируются национальные идеи и претензии, происходит постоянная оценка и переоценка статуса того или иного государства в неизменно иерархическом мировом сообществе» (Г.В. Мальцев Права человека в свете современных представлений о государственном суверенитете // Сборник трудов конференции: Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов М., 2009. С. 107).

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические, нормативные и практические проблемы цифровизации различных сфер жизни общества. Отмечено, что в России и в мире существует неопределенность и фрагментарность в правовом регулировании институтов цифровой экономики, порождающие проблемы и на международном уровне.

Ключевые слова: цифровизация, информационные технологии, цифровая экономика, правовое регулирование институтов цифровой экономики.

Необходимо отметить, что в настоящее время в Российской Федерации и в мире наблюдается цифровизация различных сфер жизни общества, связанная с активным применением информационных технологий в рамках развития информационного общества. Одним из сегментов общей цифровизации выступает цифровая экономика, эффективное функционирование которой в целом и отдельных ее институтов представляется невозможным без качественного (беспробельного и неколлизионного) правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений. Между тем, необходимо конста-

тировать, что в действующей правовой системе Российской Федерации отношения, связанные с развитием цифровых процессов, урегулированы недостаточно комплексно и системно. В частности, как на законодательном, так и подзаконном уровне, неурегулированными в должной мере остаются такие институты цифровой экономики, как «блокчейн», «криптовалюта», «стартап», «смарт-контактинг», «ICO» (первичное размещение обязательств на рынке криптовалют) и некоторые другие. Данная ситуация, что подтверждается рядом ученых [1, с. 69], вызывает пробелы в правовом регулировании цифровой экономики, а также разнообразные правовые коллизии, приводящие фактически к вытеснению ряда цифровых трансакций, осуществляемых, в первую очередь, субъектами малого и среднего бизнеса, в нелегальное финансово-экономическое поле. Более того, ресурсы, привлеченные отечественными субъектами предпринимательской деятельности на виртуальных мировых рынках капитала, к примеру, в результате эмиссии криптовалют, квалифицируются правоохранными органами РФ как «операции по незаконному ввозу капитала», что является основанием для привлечения к административной и уголовной ответственности.

В зарубежных странах также правовой вакуум в регулировании цифровой экономики вызывает серьезные проблемы в социальной сфере. Так, Н. Джонс, как пример подобной ситуации, приводит внедрение в сфере предоставления услуг такой инновационной технологии, как Убер, в результате чего традиционная модель правового регулирования предоставления услуг перевозки оказалась неприменима в ряде стран, в частности, в Индии [2]. Более того, некоторые западные ученые полагают, что развитие цифровой экономики может существенно изменять сложившиеся цели, задачи и функции деятельности органов публичной власти и даже влиять на национальный суверенитет [3].

В этой связи представляется целесообразным обратиться в рамках настоящей статьи к определению особенностей правового регулирования цифровой экономики в России и в мире, выделить некоторые дискуссионные и проблемные моменты по данной проблеме и высказать собственную позицию на предмет их решения.

Что касается понятия «цифровая экономика», то появление соответствующей концепции в 90-е годы связано с именем Н. Негропonte, который, используя метафору о «переходе от обработки атомов к обработке битов», отметил недостаток классических товаров в их «физическом» воплощении таком, как вес, сырьё, транспорт, и заявил о преимуществах новой экономики, основанной на отсутствии веса товаров, виртуальности, отсутствии потребности в сырье, мгновенном глобальном перемещении [4]. В юридической литературе,

параллельно с понятием «цифровая экономика», также встречается термин «интеллектуальная экономика», авторы которого связывают функционирование данного типа экономики с широким использованием инноваций, включая искусственный интеллект [5].

Следует отметить, что специфические характеристики цифровой экономики, отличающиеся от постиндустриальной модели последнего времени [6], требуют качественно иной модели нормативно-правового регулирования, к особенностям которой мы предлагаем обратиться более подробно.

Вначале обратим внимание на тот факт, что цифровая экономика, по сравнению с традиционными моделями экономических отношений, отличается большей глобализированностью, в связи с чем можно найти определенные закономерности и универсальные принципы ее правового регулирования на международном и национальных уровнях в различных странах в силу чего пути решения возникающих проблем в правовом регулировании, найденные в различных странах, также будут отличаться идентичностью. Так, в России и в мире существует неопределенность и фрагментарность в правовом регулировании институтов цифровой экономики, порождающие проблемы и на международном уровне.

Основная сложность в данном вопросе состоит в специфике предмета правового регулирования. Дело в том, что цифровая экономика не может быть охарактеризована, как единая структурированная система, и, следовательно, не может быть урегулирована «пакетом» законов или путем реформы государственного управления в этой сфере. Данная система носит комплексный характер и объединяет в себе самые разнообразные институты и направления деятельности, носит собирательный характер, при этом не охватывая totally все отрасли экономической деятельности.

Основным стратегическим документом, закрепившим легальное определение цифровой экономики в Российской Федерации, является Указ Президента РФ от 09 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации с 2017 по 2030 годы», в которой закрепляющим цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленные на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов. Согласно данному нормативно-правовому акту, цифровая экономика – это «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование

результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [7].

Конкретизирующим Стратегию документом, в части цифровой экономики, является Постановление Правительства РФ от 02 марта 2019 г. № 234 «О системе управления реализацией национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации"» [8], в котором были определены функциональная структура системы управления; порядок разработки, мониторинга и контроля выполнения федеральных проектов; ответственные органы и организации. Данный документ «заменил» действующую ранее одноименную программу, однако сохранил большинство ее недостатков, а именно: отсутствие в тексте определения понятия цифровой экономики и ее структуры; неполная разработанность количественных показателей перспективного развития ее национального сектора; низкая проработанность вопросов интеграции отечественных субъектов экономической отношений в виртуальном сегменте (отсутствие указания на институт «блокчейн»); декларативность, необеспеченность конкретными правовым предписаниями.

Определенный интерес в рамках данного исследования вызывает зарубежный опыт в правовом регулировании рассматриваемой проблемы. Так, в частности, с 2016 года в США разработана и реализуется комплексная программа развития цифровой экономики «Digital Economy Agenda» [9], которая регламентирует одновременно либерализацию доступа и обеспечение информационной безопасности граждан в сети Интернет, а также ряд вопросов поддержки деятельности производителей и продавцов ИКТ на североамериканском и мировом отраслевых рынках. Анализ основных положений данного документа показывает, что он, в определенной степени, имеет протекционистскую направленность по отношению к производителям цифровых технологий. Вместе с тем, названная программа направлена на: а) повышение эффективности антимонопольного законодательства в сфере цифровых технологий и отраслей виртуальной экономики; б) стимулирование экономических субъектов, осуществляющих свою деятельности на этих рынках; в) совершенствование правового статуса субъектов виртуального сектора цифровой экономики, таких как виртуальные корпорации, финансово-кредитные организации (интернет-банки) и инвестиционные фонды и т.д.; г) развитие правового регулирования финансово-экономических трансакций, осуществляющихся с использованием криптовалют; д) оптимизацию комплексного нормативно-правового обеспечения института смарт-контрактов.

Соответственно, позитивный опыт такого правового регулирования может быть воспринят и отечественной системой правового регулирования ИКТ рынка по таким направлениям, например, как: обеспечение конкурентоспособности и открытости производства и продажи ИКТ для государственных и муниципальных нужд; полноценное внедрение антимонопольного комплаенса в деятельность субъектов экономической деятельности; системное и комплексное обеспечение государственно-частного партнерства в сфере ИКТ; продвижение отечественных технологий на развивающихся ИКТ рынках «дружественных» государств в рамках таких экономических блоков, как ЕАЭС и БРИКС.

Литература:

1. Никитенкова М.А. Анализ проблем правового регулирования отношений, формирующихся в цифровой экономике // Инновации и инвестиции. 2019. № 11.
2. Johns N. Regulating the Digital Economy / Observer Research Foundation. 2015 // [https:// www.orfonline.org/wp-content/uploads/2015/12/ SR_06.pdf](https://www.orfonline.org/wp-content/uploads/2015/12/SR_06.pdf).
3. L'Hoest R. The European Dimension of the Digital Economy // INTERECONOMICS. 2001. January / February. P. 44-50. P. 50 // <https://archive.intereconomics.eu/downloads/getfile.php?id=141>
4. Negroponte Nicholas Bits & Atoms. University of Phoenix. <https://web.archive.org/web/20131016092846/https://www.phoenix.edu/lectures/nicholas-negroponte/bits-and-atoms.html>.
5. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд / Институт государственно-конфессиональных отношений и права. М.: Буки Веди, 2017. 257 с.
6. Finck M. Digital Regulation: Designing a Supranational Legal Framework for the Platform Economy // LSE Law, Society and Economy Working Papers. 2017. 15. 29 p. P. 4 // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2990043.
7. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации с 2017 по 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. № 20.
8. Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 «О системе управления реализацией национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 11. Ст. 1119.
9. Tapscott D. The digital economy. NY, 2019. 449 p.

Куксин Иван Николаевич,
 профессор кафедры теории и истории государства и права
 института права и управления МГПУ,
 заслуженный юрист России
 доктор юридических наук, профессор
 (Москва)

НОВЫЕ ПРАВИЛА ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН В СУДЕ*

«Право рассчитано на добропорядочного человека, честного и совестливого, но никак не на героя либо святого» (Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 111).

Аннотация. В статье раскрывается понятие примирительной процедуры ее роль и значение для российского судопроизводства. В связи с вступлением в силу Федерального закона от 26 июля 2019 года № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные акты Российской Федерации» дана общая характеристика новым поправкам внесенных в ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, которые значительно расширяют возможность судов применять примирительные процедуры. Автор обосновывается предложение распространить перечисленные в законе примирительные процедуры и на уголовное судопроизводство.

Ключевые слова: примирительная процедура в праве, медиация, судебное примирение, Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R(86)12.

Одной из главных предназначений права в обществе не только регулировать общественные отношения между субъектами, но и быть основой достижения взаимного согласия в деятельности людей. Достичь согласия, особенно при возникших юридических конфликтах, можно только через примирения. Исследователь древнего права Г.Дж. Берман отмечал: «Право, как искусство, как миф и религия, как сам язык, было для народов Европы на ранних этапах их истории отнюдь не способом применения правил для определения вины и вынесения приговора, не средством разделения людей на основе набора принципов, – право было средством удержать людей вместе, оно было *инструментом примирения* (курсив мой И.К.). Право воспринималось, прежде всего, как процесс посредничества, способ общения, а не как процесс создания норм и принятия решений» [1, с. 87]. Автором приведенной цитаты выражен главный смысл института примирения в праве.

* Подготовлено при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс

Категория «примирение» является одной из центральных не только в общественных науках (философии, социологии, политологии), но и в юридических, например, в теории права и государства, поскольку примирительные процедуры играют существенную роль в организации связей между субъектами в обществе. Ценность понимания процедуры примирения заключается в том, что она помогает в рамках правового поля находить согласия при разнородных социальных притязаниях, погашать конфликты и находить взаимоприемлемые способы разрешения спорных ситуаций.

Примирительная процедура в праве — это «комплексный институт, объединяющий нормы материальных и процессуальных отраслей права, регулирующих общественные отношения, возникающие в связи с разрешением конфликта посредством добровольного достижения сторонами соглашения о взаимоприемлемых юридических и (или) фактических действиях (бездействиях), направленных на устранение противоречия, лежащего в основе конфликта» [2, с. 60-61].

На необходимость внедрения процедур примирения сторон в судебную практику в целях сокращения количества рассматриваемых судами юридических дел и улучшения качества отправления правосудия указано и в принятой в 1986 г. Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R(86)12 о мерах по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды [3].

В данном документе Комитет министров предлагает правительствам государств-членов Совета Европы изучить целесообразность одной из задач — содействовать, где это необходимо, примирению сторон, как вне судебной системы, так и до или в ходе судебного разбирательства. С этой целью необходимо рассмотреть следующие меры: а) предусмотреть процедуры примирения до судебного разбирательства или иные способы урегулирования споров вне его рамок; б) возложить на судей в качестве одной из основных задач ответственность добиваться примирения сторон и заключения мирового соглашения по всем соответствующим вопросам до начала или на любой соответствующей стадии судебного разбирательства. Кроме того, сказано в Рекомендациях, принять меры для упрощения доступа к альтернативным способам разрешения споров и повышения их эффективности в качестве процедуры, заменяющей судебное разбирательство [3].

Положения данного документа свидетельствует, что судебная система Европы, начиная с 80-годов прошлого столетия, начала интенсивный поиск альтернативных способов разрешения юридических споров.

Для России институт примирения по юридическим делам не является чемто новым. Его формирование и развитие связывается с судебными реформами 1864 г., предпринятыми императором Александром II. Поэтому суды

России, опираясь на прошлый исторический опыт, обладают собственными традициями применения данного института по юридическим делам, в том числе и при их участии. Примером может служить практика коммерческих судов России середины XIX – начала XX веков в части разрешения споров в данной области. «Особый интерес для нас представляет «Устав гражданского судопроизводства», в котором имелаась отдельная глава «О примирительном разбирательстве» (книга 3 «Изъятия из общего порядка гражданского судопроизводства»), статьи 1357-1366 которой касались примирения сторон и заключения ими мировой сделки. По Уставу гражданского судопроизводства спорящие стороны могли прекратить процесс по взаимному соглашению. Для этого истец, как правило, должен был заявить суду, что отказывается от своих требований, а ответчик, что он согласен на прекращение дела» [4, с. 4]. Свое развитие примирительные процедуры также получают и в нормативных актах советского периода. Так «Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, принятый ВЦИК 10 июля 1923 г. и вступивший в действие с 1 сентября 1923 г., стал первым актом, затрагивающим регламентацию вопросов мирового соглашения» [4, с. 6].

В Российской Федерации примирительные процедуры стали активно развиваться с момента вступления в силу Федерального закона от 27 июля 2010 года № 193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

Законодатель, на основании принятого Федерального закона от 27 июля 2010 года № 193 внес изменения в ряд нормативных актов: в Гражданский процессуальный кодекс РФ (ГПК РФ), в Арбитражный процессуальный кодекс РФ (АПК РФ), в Кодекс административного судопроизводства РФ (КАС РФ), в Федеральный закон от 24 июля 2002 года № 102 «О третейских судах в Российской Федерации», в Федеральный закон от 13 марта 2006 года № 38 «О рекламе», вступившие в юридическую силу с 1 января 2011 г.

Однако, как показала последующая правоприменительная практика, внесенные изменения в указанные нормативные акты не позволили в силу объективных и субъективных причин стать данному институту эффективным инструментом при урегулировании конфликтов (споров). Более того, не произошло ожидаемого снижения судебной нагрузки на судей.

Вместе с тем, в российском обществе запрос на доступные механизмы урегулирования конфликтов не только не снизился, а, наоборот, увеличился. Подтверждением данного вывода является встреча Президента Российской Федерации В.В. Путина с деловыми кругами 21 сентября 2017 года, где были высказаны пожелания о необходимости совершенствования примирительных процедур. По ее итогам был подготовлен законопроект и принят Федеральный

закон от 26 июля 2019 года № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные акты Российской Федерации» [5].

Цель данного Закона – инициировать суды для более широкого внедрения способов урегулирования споров в сферу осуществления правосудия посредством использования примирительных процедур в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве. Принятие данного Закона также соответствует задачам и принципам судопроизводства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, а также общим тенденциям развития процессуального законодательства, определенным в том числе в постановлении IX Всероссийского съезда судей от 8 декабря 2016 года № 1 «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе».

Таким образом, внесенные законодателем поправки в указанные виды судопроизводства с 1 октября 2019 года положили начало новым правилам примирительных процедур. Их активное внедрение в судебную практику позволит при разрешении юридических конфликтов избежать преследования и негативных последствий для тех лиц, которые раскаялись в содеянном и возместили причиненный ущерб.

Например, участники спора, после предложения суда о проведении примирительной процедуры, могли выбрать как негосударственного примирителя, так и примирителя из состава данного суда. Причем эта практика в России была широко распространенной, когда судьи коммерческих судов часто использовали примирительные процедуры, в том числе и посредничество (медиацию).

Институт судебного примирения при активном участии суда стал широко внедряться во второй половине XX столетия и начале XXI века, как в Европе, так и в других странах мира. В качестве примера можно привести такие государства как Республику Беларусь, Республику Казахстан, Словению, Германию, Королевство Нидерландов, Канаду и др.

Принятый закон от 26 июля 2019 года № 197-ФЗ максимально создает возможность сторонам на взаимной основе урегулировать юридический конфликт (спор) и предусматривает гибкую и многоплановую модель по примирению, которое может осуществляться в таких процедурных формах как: переговоры, посредничество, медиация, судебное примирение. В законе сделана оговорка, что могут применяться и иные примирительные процедуры, если они не противоречат федеральному закону. Это означает, что перечень примирительных процедур является открытым.

Помимо указания на разновидности примирительных процедур, в законе сформулированы общие положения о примирительных процедурах, как

процессуальном институте, раскрыты принципы судебного примирения (равноправие, конфиденциальность, независимость, беспристрастность), полномочия судебного примирителя и требования сторон (стороны) его замены судом, если это необходимо для достижения примирения.

Закон закрепляет широкий перечень возможных результатов примирения, к которым могут прийти стороны в процессе примирительной процедуры. К числу таких результатов относятся: мировое соглашение, заключаемое в отношении всех или части требований, частичный или полный отказ от иска, его частичное или полное признание, полный или частичный отказ от апелляционной, кассационной жалобы, надзорной жалобы (представления), признание обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, соглашение по обстоятельствам дела, подписание письма-согласия на государственную регистрацию товарного знака.

Закон позволяет сторонам инициировать проведение процедуры примирения на любой стадии судебного процесса и при исполнении судебного акта, если иное не предусмотрено положениями ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ и иных федеральных законов. Если в процессе примирительной процедуры стороны не достигнут взаимоприемлемого результата примирения, судебное разбирательство возобновляется.

Принятыми поправками внесена ясность, кто может осуществлять функции судебного примирителя и медиатора. Им может быть только судья, пребывающий в отставке. Это требование закреплено статьей 3 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», пунктом 5-тым в котором четко прописано, что: «Судья, пребывающий в отставке, вправе быть медиатором, судебным примирителем». Список судебных примирителей утверждается постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации на основе предложений судов о кандидатурах судебных примирителей.

При этом стороны не ограничены в выборе посредника и могут прибегнуть к услугам медиатора либо избрать судебного примирителя, который утверждается судом.

Закон, принятыми поправками, дает возможность внедрять примирительные процедуры в судебную практику и по тем уголовным делам, которые относятся к преступлениям небольшой или средней тяжести, совершенными в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности. Это предложение основано на ст. 190 АПК РФ пункта 1, согласно которому «экономические споры, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, могут быть урегулированы сторонами путем использования примирительных процедур». В УК РФ имеется глава 11, в которой изложены

условия освобождения от уголовной ответственности, в том числе, например, в связи с примирением с потерпевшим (ст. 79 УК РФ), в связи с возмещением вреда (ст. 76.1 УК РФ), с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ). По названным статьям вполне может применима процедура, например, судебного примирения, с учетом, что виновная сторона выполнила все те условия, которые содержит уголовный закон.

Примирение, и медиация могут инициироваться как участвующими сторонами, так и судьей.

Обобщая зарубежный опыт, где процедура судебной медиации (примирения) носит обязательный характер и может быть предписано судьей (например, в Словении), закон закрепляет возможность суда в целях примирения сторон откладывать судебное разбирательство или приостанавливать производство по делу по своей инициативе и в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством, предложив сторонам использовать примирительную процедуру, в том числе с участием судебного примирителя. Такие действия могут совершаться судом и в процессе рассмотрения уголовных дел, где, например, субъектами преступления являются несовершеннолетние.

Представляется, что в современный период развития российского общества, государство, в лице суда, должно расширять возможности использования примирительных процедур для эффективного урегулирования споров со своим участием, в том числе и в целях укрепления авторитета самого суда, повышения доверия к нему. Разумеется, что суд, откладывая судебное разбирательство или приостанавливая производство по делу по своей инициативе, не принуждает стороны к примирению, а лишь предлагает им попытаться урегулировать спор самим, оценить все положительные стороны данного способа. В случае не достижения согласия по спорным вопросам рассмотрение дела судом будет продолжено.

Не преувеличивая достоинства примирительных процедур надо отметить, что их рамки весьма ограничены, особенно в сфере уголовного судопроизводства. Например, далеко не все уголовно-правовые конфликты могут быть разрешены на основе примирения, да и не должны разрешаться таким образом. Однако нельзя не признать, что эта концепция учитывает многие недостатки современного уголовного судопроизводства и предлагает свой подход к их преодолению. Поэтому она может вписаться в уголовное судопроизводство, не подрывая его сущности и основных принципов и выступать дополнительной гарантией достижения целей правосудия.

Таким образом, изложенная характеристика тех новелл, которые внесены в текущее законодательство свидетельствуют о том, что современное действующее российское законодательство предоставляет конфликтующим

сторонам широкие возможности урегулировать конфликт по обоюдному согласию. Следовательно, в рамках правового поля правоприменитель, не прибегая к уголовному преследованию и наказанию, способен удовлетворить интересы потерпевшего, избрав индивидуальный подход к каждому случаю совершения противоправного деяния, который порождает уголовно-правовой конфликт. Достичь нейтрализации негативных последствий совершенного преступления можно при определенных, установленных законом условиях, когда государству нет надобности применять меры государственного принуждения.

Таким образом, принятые поправки в гражданское, арбитражное и административное законодательство направлены на дальнейшее внедрение и популяризацию в России примирительных процедур, в том числе медиации, судебного примирения, а также повышение их эффективности. Эти поправки заложили правовую основу постепенного внедрения судебного примирения в практику судов по преступлениям небольшой или средней тяжести с последующим освобождением их от уголовной ответственности. Такая уголовная политика позволила только в 2019 году прекратить по ходатайству следствия 33 тысячи уголовных дел и еще 16 тысяч дел по инициативе суда [6].

Литература:

1. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998. – 624 с.
2. Гущева Ю.В. Примирительная процедура в праве (доктрина, практика, техника): дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2013. – 267 с.
3. Рекомендация № R (86) 12 Комитета министров государствам-членам относительно мер по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды / Принята Комитетом министров 16 сентября 1986 года// [URL:https://www.germany.ru/wwwthreads/files/4-17798904-86_12_.pdf](https://www.germany.ru/wwwthreads/files/4-17798904-86_12_.pdf) (дата обращения: 01.04.2020).
4. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
5. Чегодаева Е.А. Эволюция примирительных процедур в России: историко-правовой аспект // URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/20590/1/Chegodaeva_Evolution.pdf (дата обращения: 01.04.2020).
6. Куликов В. Несудимы по суду // Российская газета. 2020, 25 февраля.

Макогон Борис Валерьевич

доцент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук
(Белгород)

ОТКРЫТОСТЬ ПРАВОСУДИЯ: ПРАВОВАЯ ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ

«Социальный порядок, на который направлены все виды и формы общественного регулирования... представляют собой совокупность институционализированных структур, т.е. систему институтов, организованных на нормативной базе. Из таких социальных институтов складывается общественный и государственный строй, экономическая и политическая системы, конституционный строй, правопорядок, федеративное устройство и многие другие «суперсистемы» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 391).

Аннотация. В статье на основе анализа и синтеза широкого круга доктринальных и легальных источников представлена авторская позиция по поводу актуализации правовых форм и практико-юридического содержания института и принципа открытости правосудия в современных условиях.

Ключевые слова: правосудие, судебная система, открытость, гласность.

На конституционном уровне в ч. 1 ст. 123 определено, что во всех судах разбирательство дел является открытым, а закрытые заседания допускаются лишь в случаях, установленных федеральным законодательством. Данная формулировка продублирована и в федеральном законодательстве (например, федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации»), а также отраслевые процессуальные кодексы).

В теории вопроса понятия «открытость», «гласность» и «транспарентность» не нашли унифицированного подхода к их определению. Поэтому можно встретить позиции ученых, отождествляющие указанные термины или же воспринимающие их в качестве смежных, но не идентичных.

Не вдаваясь в существо споров по указанным интерпретациям, солидаризируемся с мнением, что целесообразно использовать термин «гласность» применительно к судебному разбирательству – в узком смысле, а в широком – к различным процедурам в деятельности всех властных публичных структур. Открытость связана с деятельностью суда как государственного органа в

целом (узкое понимание), а в широком значении – деятельность любой публичной властной структуры [1].

Заметим, что термины «гласность», «открытость» больше ассоциируются все-таки с правосудием, конечно, осуществляющимся в юридической процессуальной форме [2; 3; 4], что и объясняет акцентуацию нашего внимания именно на данную сферу.

Хотя существуют различные правозащитные и правореализационные институты [5], граждане все же лишены возможности эффективно осуществлять свои субъективные права и свободы, в том числе как собирательный образ [6; 7; 8], вследствие отсутствия развитой системы информационной открытости правосудия. Это сказывается и на качестве задачи эффективной реализации судопроизводства. В целом правовому просвещению и образованию населения, а также реализации определенных законодательством задач судопроизводства будет способствовать повышение степени открытости правосудия [9].

На необходимость в обеспечении прозрачности деятельности судебных органов посредством опубликования любых принятых ими решений, их доступности для населения, включая ресурсы сети Интернет, неоднократно обращал внимание В.Ф. Яковлев. По его мнению, возможность по осуществлению общественного контроля за качеством правосудия является залогом формирования доверия к судам.

Для обеспечения открытости судебной системы, воплощения юридической ответственности в широком ее понимании [10; 11; 12] 22 декабря 2008 г. был принят Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации».

Признано, что в условиях глобализации ключевое влияние на формирование тенденций и векторов модернизаций в государственно-правовой сфере опосредованно различными способами интернационализации национального права оказывает развитие информационных технологий [13; 14; 15; 16; 17; 18]. Активное внедрение в судопроизводство информационных технологий дало возможность получать информацию и иными способами, такими как: автоматизированные информационные системы судов, ресурсы Интернет, справочные правовые системы «Гарант», «КонсультантПлюс», «Кодекс» и др. [19].

Гласность также является одним из принципов деятельности органов судейского сообщества. В соответствии с ч. 1 ст. 5 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» их деятельность является гласной, реализуется коллегиально на основе неукоснительного соблюдения принципов независимости судей и невмешательства в судебную деятельность.

Здесь понимание гласности предполагается в более абстрактном, общеупотребительном значении этого слова: в качестве доступности широкому общественному обсуждению различных вопросов, подлежащих рассмотрению тем или иным органом судейского сообщества и, в частности, квалификационными коллегиями судей [20]. Определенные шаги на этом пути уже сделаны. Например, в составы квалификационных коллегий судей субъектов Федерации и Высшую квалификационную коллегия судей Российской Федерации введены представители общественности. Их правовой статус не содержит никаких отличий от правового статуса членов коллегии, избранных по правилам ст. 11 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации». Опыт работы коллегий с участием представителей общественности вполне себя оправдал.

Отметим, что предложение о введении в состав квалификационных коллегий судей представителей общественности вызвало негативную реакцию судейского корпуса, хотя, в целом, согласуется с некоторыми версиями интересов гражданского общества [21].

В этой связи появилось Определение Конституционного Суда РФ, уточняющее, что участие представителей общественности в деятельности квалификационных коллегий судей является дополнительной гарантией самостоятельности в решении задач, поставленных перед квалификационной коллегией судей как органом судейского сообщества [22].

Да, и опыт указанной деятельности позволяет утверждать о положительности включения общественного элемента в судейское сообщество. Представители общественности, не включенные и связанные корпоративными интересами, вносят в работу квалификационной коллегии свое профессиональное мнение, основанное на собственных специальных знаниях и жизненной практике. В юридическом процессе [23] указанные институциональные комплексы играют, в том числе, роль ограничений для публичной власти [24; 25].

Квалификационные коллегии вынуждены постоянно обращаться к услугам средств массовой информации для подачи объявлений об открытии вакантных должностей председателей, их заместителей, федеральных и мировых судей. В свою очередь, отвечающий определенным требованиям гражданин Российской Федерации, узнав из публикаций об открытой вакансии, может предоставить искомые документы для участия в конкурсе. В последующем у населения имеется право на информацию о том, кто представил документы на конкурс. И в этом случае мы присоединяемся к мнению С.П. Гришина и считаем, что о гласности в работе квалификационной коллегии судей можно говорить, если граждане получают информацию о кандидатах, претен-

дующих на вакантные должности. Это является особенно значимым при открытии новых судебных участков мировых судей, а также вакансий в районных и городских судах, инстанциях, находящихся максимально близко к населению. Жителям этих муниципалитетов совсем не безразличны личности, претендующие на занятие должности судьи [20].

В заключение отметим, что открытость в деятельности судебных органов видится важным параметром оценки функционирования публичных властных структур, в значительной мере характеризующим состояние всей государственно-социальной системы.

Литература:

1. Аносова Л.С. Соотношение понятий гласности, открытости и транспарентности судопроизводства: конституционно-правовые аспекты // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 21. С. 25-29.
2. Макогон Б.В. Научная конструкция юридической процессуальной формы и ее виды // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (60). С. 17-22.
3. Макогон Б.В., Гусева А.А. Структура юридической процессуальной формы // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 16-19.
4. Makogon B.V. et al. Legal form of action: the issues of content and methodology. 2019.
5. Мархгейм М.В., Новикова А.Е. Формы и способы деятельности уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 5. С. 38-42.
6. Мархгейм М.В. Право на протест: конституционный абрис собирательного образа // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 3 (70). С. 29-31.
7. Смоленский М.Б. Трудовое право Российской Федерации. Общество с ограниченной ответственностью Феникс, 2009.
8. Смоленский, М.Б., Мархгейм, М.В., Тонков, Е.Е., & Грабовский, И.А. (2011). Трудовое право Российской Федерации.
9. Малешин Д.Я. Концепция реформы открытости правосудия // Законодательство. 2006. № 5. С. 45-46.
10. Макогон Б.В. Компонент юридической ответственности в процессуально-ограничительной деятельности публичных властных субъектов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 6 (49). С. 74-80.
11. Макогон Б.В. Синтез понятия юридической ответственности в среде процессуально-ограничительного регулирования публичных правоотношений //

Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 11 (78). С. 61-64.

12. Makogon B.V. et al. Interpretation of legal responsibility as a universal instrument of procedural legal restrictions // Turkish Online Journal of Design Art and Communication. 2017. Т. 7. С. 328-332.

13. Макогон Б.В. Общая характеристика процессов глобализации в правовой сфере // История государства и права. 2007. № 3. С. 2-4.

14. Макогон Б.В. Современное государство в условиях глобализации // Проблемы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 29-31.

15. Макогон Б.В. Тенденции развития национального законодательства в условиях глобализации // Бизнес в законе. Международный экономико-юридический журнал. 2012. № 2. С. 32-35.

16. Макогон Б.В. Способы интернационализационного национального права в условиях глобализации // Общество и право. 2012. № 2 (39). С. 36-41.

17. Макогон Б.В. Особенности трансформации национального законодательства в условиях глобализации // Закон и право. 2012. № 5. С. 15-18.

18. Макогон Б.В. К вопросу о сущности глобализации // Закон и право. 2012. № 6. С. 29-32.

19. Вдовина Е. Развитие принципа гласности в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 10. С. 8-12.

20. Гришин С.П. О гласности в деятельности квалификационных коллегий судей // Российский судья. 2005. № 3.

21. Мархгейм М.В. Партийная версия интересов гражданского общества современной России // Власть. 2004. № 7. С. 41-47.

22. Определение Конституционного Суда РФ от 5 ноября 2003 г. № 412-О «По жалобе гражданина Новикова А.Д. на нарушение его конституционных прав п. 8 ст. 11 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 2. Ст. 161.

23. Макогон Б.В. Методологически опорная трактовка юридического процесса // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 1 (80). С. 32-35.

24. Макогон Б.В. Понятие и процессуальные виды правовых ограничений // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 8 (39). С. 40-46.

25. Belyaeva, G.S., Makogon, B.V., Bezugly, S.N., Prokhorova, M.L., & Szpoper, D. (2017). Basic Ideas of State Power Limitation in Political and Legal Doctrine. J. Pol. & L., 10, 197.

Макогон Борис Валерьевич,
доцент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук
Петербургский Андрей Павлович,
аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород)

КОНТРОЛЬ И НАДЗОР: ТРАКТОВКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

«Проходя этапы апробации в юридической среде, интерес-регулятор находит краткий путь к юридической институционализации, становится фактором роста права. Например, те же принципы диспозитивности и дискреции дают возможность субъекту правоприменения свободно выбирать вариант действия в широких рамках юридической нормы. Легко предположить, что выбирается вариант, который в наибольшей мере отвечает интересам действующих лиц» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 387).

Аннотация. В статье на основе анализа широкого круга источников представлена авторская позиция по вопросу соотношения понятий «контроль» и «надзор» с современных телеологических позиций.

Ключевые слова: контроль, надзор, контрольно-надзорная деятельность.

Продолжающиеся трансформации оказывают непосредственное влияние на законодательное развитие, а также институциональную инфраструктуру и обуславливают непрекращающийся интерес со стороны представителей юридической науки. В данной связи не является исключением и сфера контроля и надзора.

Контроль и надзор изначально выступают как виды процессуальной юридической формы деятельности государства.

Контроль» и надзор представляются категориями, актуальными как с доктринальных, так и с практических позиций. Соответствующая деятельность играет важнейшую роль в юридическом процессе ограничения государственной власти [1; 2]. В целях исключения терминологической путаницы обратимся к установлению смысловой нагрузки терминов «контроль» и «надзор».

Конечно, и контроль, и надзор мы смело относим к критичным элементам юридической инфраструктуры процессуально-ограничительного регулирования публичных отношений [3].

Исходя из лингвистических интерпретаций термин «контроль» происходит из слова в старофранцузском языке, обозначающем встречную вторичную запись с целью проверки первой. В современный период понимание контроля сопоставимо с этимологией приведенного слова и тождественно наблюдению, надзору над чем-либо с целью проверки и обеспечения правильности тех или иных действий в различных областях деятельности подконтрольного объекта.

Во всем интерпретационном толковании контроль типично сводится к проверке.

Что же касается общедоступных распространенных подходов к трактовке надзора, то таковой выступает, как правило, наблюдением, присмотром за кем-либо, чем-либо с целью контроля, охраны. То есть здесь мы можем наблюдать отношение к надзору как к одной из форм деятельности публичной власти, направленной, в первую очередь, на обеспечение законности (режима законности).

Таким образом, применительно к надзору появляется позиция, «стыкующая» его с контролем. Кроме того, мы не можем отрицать роль контроля и надзора в обслуживании интересов гражданского общества [4]. К примеру, в реализации права на протест как собирательного образа [5], в развитии юридического содержания права граждан на информацию [6], в защите актуальных трудовых и системно значимых трудовых прав [7; 8] и др.

Отметим, что в юридической литературе, несмотря на непрекращающийся научный интерес, также отсутствует унифицированный подход к определению понятий «контроль» и «надзор». Имеющееся многообразие мы можем разделить на следующие разновидности.

Итак, сепарирующий подход предполагает содержательное обособление понятий «контроль» и «надзор». По мнению М.Р. Стерлинга, наличие общей природы контроля и надзора вовсе не предусматривает их отождествление ни в организационном, ни в юридическом понимании. Так, считает автор, говоря о контроле, в первую очередь рассматривается внутриорганизационная, управленческая структура функционирования органов государственной власти, объединяющая различные виды деятельности по выявлению нарушений и государственного реагирования на них.

Следовательно, контроль направлен прежде всего на постоянную проверку деятельности по осуществлению управленческих решений и нормативно-правовых предписаний, а также обнаружение и устранение негативных

явлений в деятельности органов управления и должностных лиц, отступающих от установленного порядка функционирования [9].

В то же время М.Р. Стерлинг констатирует: надзор выступает разновидностью деятельности, ориентированной на постоянное наблюдение и проверку соблюдения правовых норм и установленных правил поведения, а также деятельности субъектов правоотношений, осуществляемой, как правило, в рамках установленных правовых процедур и сопровождаемой мерами административно-правового принуждения предупредительного, пресекающего, восстановительного, обеспечительного и наказательного характера [9].

Применительно к органам исполнительной власти, с точки зрения Ф.Н. Зейналова, контролем является деятельность, периодически осуществляемая должностными лицами, органами исполнительной власти, у которых наличествуют полномочия по установлению соответствия законодательным требованиям действия физических и юридических лиц и вмешивающаяся в функционирование организационно подчиненного подконтрольного объекта с целью установления законности и целесообразности его деятельности. По мнению автора, надзор – это деятельность органов исполнительной власти, реализуемая непрерывно в пределах определенной компетенции, в целях проверки соблюдения законности деятельности организационно неподчиненных поднадзорных объектов, предполагающая возможность применения мер административного воздействия в адрес последних [10].

В.П. Беляевым аргументированно обосновано, что надзор выступает автономной правовой формой деятельности управомоченных субъектов, которая существует вместе с иными властно-организационными формами [11]. По мнению автора, надзор является правовой формой деятельности управомоченных субъектов, выражающейся в совершении юридически значимых действий, строго соответствующих предписаниям закона; разрешении конкретных юридических дел на поднадзорных объектах в целях обеспечения режима законности и правопорядка [11].

Комбинированную позицию, предполагающую частичное включение одного из рассматриваемых терминов в другой, разделяют, например, Г.В. Барабашев и С.А. Авакьян. Они включают прокурорский надзор в так называемый общий контроль [12, с. 14].

Противоположна позиция А.В. Мицкевича, который объединяет данные понятия в единый термин «надзор», его реализуют прокуратура, суд, органы народного контроля и другие правоохранительные органы [13].

Комплексной позиции, согласно которой симбиотически появляется конструкция «контрольно-надзорная деятельность» придерживается Л.А. Галанина. Она считает, что контрольные и надзорные органы зачастую именуют

«контрольно-надзорными», так как в большинстве своем контрольные полномочия сложно отличить от надзорных. По данной причине в правовых источниках и литературе не всегда отчетливо проведено разграничение контрольных и надзорных полномочий [14].

Учитывая, что, для условий современного периода [15; 16; 17; 18] характерно усиление рассматриваемых составляющих, что, как мы полагаем, без именно контрольно-надзорной деятельности не представляется возможным реализация института юридической ответственности (в широком ее понимании) [19; 20; 21], несмотря на то, что, по нашему мнению, термины контроль и надзор содержательно имеют разное наполнение, в рамках данной работы считаем целесообразным использование конструкции «контрольно-надзорная деятельность» ввиду важности этих процессуальных форм в общем контексте режима законности в государстве.

Думается, контрольно-надзорная деятельность – это цементирующая скрепа всего государственного каркаса, связывающая ветви власти

Литература:

1. Belyaeva G.S., Makogon B.V., Bezugly S.N., Prokhorova M.L., Szpopper D. Basic Ideas of State Power Limitation in Political and Legal Doctrine // Journal of Politics and Law. 2017. Т. 10. № 4. С. 197-200.
2. Макогон Б.В. Методологически опорная трактовка юридического процесса // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 1 (80). С. 32-35.
3. Макогон Б.В. Понятие и процессуальные виды правовых ограничений // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 8 (39). С. 40-46.
4. Мархгейм М.В. Партийная версия интересов гражданского общества современной России // Власть. 2004. № 7. С. 41-47.
5. Мархгейм М.В. Право на протест: конституционный абрис собирательного образа // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 3 (70). С. 29-31.
6. Мархгейм М.В., Гавришов Д.В. Проблемы развития юридического содержания права граждан на информацию // История государства и права. 2008. № 10. С. 4-5.
7. Смоленский М.Б. Трудовое право Российской Федерации. – Общество с ограниченной ответственностью Феникс, 2009.
8. Смоленский, М.Б., Мархгейм, М.В., Тонков, Е.Е., & Грабовский, И.А. (2011). Трудовое право Российской Федерации.

9. Стерлинг М.Р. Правовое регулирование организации контрольной и надзорной деятельности федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2004. – 195 с.
10. Зейналов Ф.Н. Проблемы контрольно-надзорной деятельности в сфере потребительского рынка: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Орел, 2007. – 27 с.
11. Беляев В.П. Надзор как правовая форма государственной деятельности: Общетеоретические проблемы: Дис. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2000. – 436 с.
12. Авакьян С.А., Барабашев Г.В. Советы и совершенствование деятельности местных контрольных органов // Вестник МГУ. Право. 1984. № 1.
13. Основы теории государства и права: Советское государственное право. М., 1990.
14. Галанина Л.А. Организационно-правовое обеспечение контроля за исполнением нормативно-правовых актов в субъектах Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. 184 с.
15. Макогон Б.В. Тенденции развития национального законодательства в условиях глобализации // Бизнес в законе. Международный экономико-юридический журнал. 2012. № 2. С. 32-35.
16. Макогон Б.В. Особенности трансформации национального законодательства в условиях глобализации // Закон и право. 2012. № 5. С. 15-18.
17. Макогон Б. В. Глобализация и переходный период государственно-правового развития России // Евразийский юридический журнал. 2012. № 4. С. 150-151.
18. Макогон Б.В. К вопросу о сущности глобализации // Закон и право. 2012. № 6. С. 29-32.
19. Makogon, B.V., Savel'eva, I.V., Lyahkova, A.I., Parshina, A.A., Emel'anov, A.S. Interpretation of legal responsibility as a universal instrument of procedural legal restrictions // The Turkish Online Journal of Design Art and Communication. 2017. T. 7. С. 328-332.
20. Макогон Б.В. Компонент юридической ответственности в процессуально-ограничительной деятельности публичных властных субъектов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 6 (49). С. 74-80.
21. Макогон Б.В. Синтез понятия юридической ответственности в среде процессуально-ограничительного регулирования публичных правоотношений // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 11 (78). С. 61-64.

Мархгейм Марина Васильевна
заведующая кафедрой конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород)

ОБНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ: ПЕРЕМЕННОЕ В ПОСТОЯННОМ

«Интерес, с одной стороны, принадлежит субъекту, т.е. он субъектен, а с другой – заключает в себе момент интерессубъектности, который состоит в том, что интерес способен развернуть всю эту вызванную потребностями субъективную энергию вовне, связать, соединить ее с общественной ситуацией, но прежде всего, конечно, с аналогичными потребностями других субъектов. В интересе как объективной категории мы должны видеть средство соединения людей, обладающих одинаковыми или примерно одинаковыми потребностями, наконец, ту силу скрепления людей друг с другом, которая всегда была присуща обществу. Сцепляющее действие интересов имеет огромное значение в регулировании общественной жизни, политической и иной деятельности» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 282).

Аннотация. В статье рассмотрены варианты обновления российской Конституции. Выделены «бесконтактный» и «контактный» разновидности данного процесса. Первый связан с научной интерпретацией конституционных положений и официальным толкованием со стороны Конституционного Суда России без текстуальных изменений. Второй – отражает типичные поправочные процессы, коснувшиеся конституционных положений глав 3-8 в 2008 и 2014 г.г. Проанализированы этапы, свершившиеся и ожидающие своей очереди, в процессе «поправочного» обновления Конституции России в 2020 г.

Ключевые слова: конституция, динамизм конституции, поправки к конституции, общероссийское голосование, закон о поправке к Конституции, Президент России, заключение Конституционного Суда.

Известное и очень древнее гераклитовское выражение «Все течет, все изменяется...» («Все движется...») оказалось вполне приложимым к современной российской Конституции, принятой в конце прошлого века на изломе и государственных, и людских судеб. По замыслу, ей предстояло стабилизировать государственное строительство, установить константы российского общества и государства. В качестве таковых всенародным голосованием 12

декабря 1993 г. были признаны три конституционные главы, именуемые «Основы конституционного строя», «Права и свободы человека и гражданина» и «Конституционные поправки и пересмотр Конституции». Наряду с «неприкасаемыми» нормами предусмотрены и иные. Таким образом, конституционный текст объединил «постоянные» и «переменные» нормы.

По мнению С.А. Авакьяна, сегодня в Конституции России «содержится столько неясных, двусмысленных и многосмысленных норм, что количество переходит в качество и только «латанием» Основного закона не обойтись» [1, с. 283]. В.Д. Зорькин, реагируя на аналогичные выводы, отмечал, что «Нет и не может быть «достаточно хорошего» или, тем более, идеального текста Конституции, идеальных конституций не бывает. Как не может быть конституционного текста, удовлетворяющего критериям юридической безупречности, т.е. в принципе не допускающих неоднозначных толкований» [2].

Конституция России, как метко означил Б.С. Эбзеев, «выступала не своеобразным итогом экономического, социального, политического, духовного и юридического развития общества, а была моделью настоящего и будущего» [3].

Вплоть до 2008 года обновление конституционных положений происходило, скажем так, «бесконтактно», без касательства конституционных формулировок, путем постижения их смысла, раздвижения / сужения содержательных рамок, уточнения нормативных сопряжений и др. Так называемый динамизм Конституции России того периода, обеспечиваемый посредством принятия федеральных конституционных и федеральных законов, указного регулирования главой государства, силами доктринальных трактовок [4] и официального толкования Конституционным Судом, вполне успешно покрывал реальные запросы на развитие российского общества и государства. Как фактор развития Конституции России расценивались и внутрифедеративные договоры, поскольку в некоторых из них содержались положения, «действительно перераспределяющие конституционно установленные предметы ведения» [5, с. 102]. Одновременно конституционно-правовая доктрина, подпитываемая в том числе диссертационными исследованиями, не скупилась на предложения «поправить» конституционные нормы, распространяя свое рвение и убежденность даже на те положения, которые не подлежат поправкам. Высказывались и радикальные мнения о принятии новой Конституции [6]. И, видимо, накопилась их «критическая масса». «Бесконтактный» способ обновления Конституции России дополнился своей противоположностью.

«Контактный» вариант обновления Конституции России был осуществлен в два этапа (конец 2008 г., начало и середина 2014 г.) за счет ресурсов,

предусмотренных самой Конституцией России (ст. 136) и конкретизированных Федеральным законом от 4 марта 1998 г. № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации». Юридической формой такого обновления является закон о поправке к Конституции Российской Федерации.

Закономерен вопрос об употреблении термина «поправка» в единственном числе в наименовании закона о них, но во множественном числе в названии Федерального закона № 33-ФЗ. Представляется, это связано с возможностью принятия соответствующим законом единой по смыслу поправки, которая при этом может касаться ряда содержательно сопряженных положений Конституции России. Например, если бы часто употребляемое средствами массовой информации наименование должности «Премьер-министр» как синоним «Председатель Правительства» было решено конституировать, то одна эта поправка коснулась бы десятка конституционных норм. При этом поправка осталась бы одна. Если бы терминологический выбор был сделан в пользу его множественного числа, а именно закон о «поправках», то это не соответствовало бы варианту внесения единственной поправки (к примеру, если бы изменилась столица России, то изменение коснулось бы только ч. 2 ст. 70). В силу приведенных доводов, полагаем верным наименование закона о поправке (в единственном числе) к Конституции России.

На первом этапе реализации «контактного» способа обновления Конституции она чуть-чуть «поправилась» за счет изменений, внесенных Законами Российской Федерации о поправке к Конституции от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации». Если содержание «второй» поправки не вызывало дискуссии, а очень даже поддерживалось российскими гражданами, то «первая» оказалась более полемичной. Однако вскоре все умиротворилось, и увеличенный срок полномочий до 6 и 5 лет для главы государства и депутатов Государственной Думы соответственно стал восприниматься как вполне обоснованный, в том числе ввиду масштабности обозначаемых для воплощения задач, которые в четыре «полномочных» года никак не уместались. Произошел перелом в восприятии Конституции России как неприкосновенного акта. Прикосновенный, но в установленном порядке.

Второй этап «контактного» обновления Конституции России оказался более решительным, хотя также уложился в два закона, но принятых не одновременно, как это было в предыдущий раз. Конституция «поправилась» за счет изменений, внесенных Законами Российской Федерации о поправке к

Конституции от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде и прокуратуре Российской Федерации» и от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации». «Освежение» конституционного текста, да еще и по очевидному делу (например, приведение в соответствие наименования Главы 7 с ее содержанием – «Судебная власть и прокуратура») обрело черты плановой законодательной работы палат Федерального Собрания во взаимодействии с субъектами права законодательной инициативы (ч. 1 ст. 104), с законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации (ст. 136) и главой государства, обладающего прерогативной подписания и обнародования законов (п. «д» ст. 84). Напомним, что в отношении федерального конституционного закона Президент России не обладает правом вето. Конституционно определено, что «Принятый федеральный конституционный закон в течение четырнадцати дней подлежит подписанию и обнародованию» (ч. 2 ст. 108).

Свершившиеся факты поправок к Конституции России помимо прочего показали, что авторитет главного закона страны из-за них не пошатнулся, а внесенные изменения, как и ожидалось, обновили формы и основания контактов между федеральными государственными органами. Однако в дальнейшем выяснилось, что нуждается в конституционном «поправочном» внимании продуктивность не только организации, но функционирования органов власти всех ветвей и уровней.

Подход к конституционному решению данной задачи можно признать беспрецедентным по кругу вовлеченных в «поправочный» процесс субъектов, по оперативности и слаженности их взаимодействия, по предложенному главой государства порядку обновления конституционного текста. В означенные сроки реализовать запланированное не удалось ввиду острой необходимости принимать в России меры эпидемиологического назначения вследствие разбушевавшейся в мире пандемии COVID-19.

В ожидании спада коронавирусного натиска, а также возвращения страны к обычному ритму жизни и намеченным делам конституционно-поправочного толка, присмотримся повнимательнее к правовым истокам и шагам обновления Конституции России в 2020 г.

Отметим, что к 2020 г. идеи обновления конституционного текста витали в диапазоне от «чуть подправить» до «принять новый». В конституционно-правовых исследованиях в пользу каждого из подходов находились свои аргументы. В этом и заключается прелесть юридической науки: вроде вдалеке от объективных законов природы, вроде прирастает интерпретациями, но способна через рукотворный закон установить правила взаимоотношений «венцов природы» в интересах личности, общества и государства.

На официальном уровне вопрос о поправках к Конституции России как назревший был обозначен в послании Президента Федеральному Собранию 15 января 2020 г. [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/]. По словам главы государства, «Потенциал Конституции 1993 года далеко не исчерпан, а фундаментальные основы конституционного строя, права и свободы человека, надеюсь, еще многие десятилетия будут оставаться прочной ценностной базой для российского общества». Тем самым был определен приоритет «поправочного» механизма обновления Конституции Российской Федерации.

При этом Президент обозначил собственную позицию о возможности вынесения на обсуждение ряда конституционных поправок, которые он счел «вполне обоснованными и важными для дальнейшего развития России как правового социального государства, в котором высшей ценностью являются свободы и права граждан, достоинство человека, его благополучие». Поскольку, как мы ранее акцентировали, «контактное» внесение поправок в Конституцию России стало плановой законодательной деятельностью, слова главы государства (как субъекта права законодательной инициативы) о востребованных поправках к Конституции были восприняты делово, как поправочный импульс. Тем более, что прозвучавшие предложения, прямо скажем, впечатлили. По предложениям из разных содержательных блоков оценки звучали разные. Но определенно одно – равнодушием они не отозвались.

При этом тезис о «вынесении на обсуждение ряда конституционных поправок», дополненный версиями о его субъектах (общественные объединения, партии, регионы, юридическое сообщество, граждане страны) и процедуре одобрения (голосование граждан страны), превзошел все дискуссионные ожидания. Такой эффект обусловлен тем, что предложенный вариант обновления Конституции России не вписывается ни в один из предусмотренных российским законодательством способов. Так, всенародное голосование в качестве способа принятия Конституции России (изначально или в порядке пересмотра глав 1, 2, 9) не предусмотрено для принятия поправок к главам 3-8, в диапазон которых и укладываются внесенные Президентом России предложения.

Всенародное голосование в соответствии с Федеральным конституционным законом от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» [<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base>] по проекту новой Конституции России может проводиться по инициативе Конституционного Собрания, федерального конституционного закона о котором не принято. Соответственно, заявленное главой государства голосование граж-

дан страны «по всему пакету предложенных поправок в Конституции Российской Федерации», по итогам которого предстоит «принимать окончательное решение», должно обрести новую юридическую форму.

Ее учреждение состоялось спустя месяц со дня ежегодного послания. Президент Российской Федерации своим Распоряжением от 14 февраля 2020 г. № 32-рп определил, что по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации будет проведено общероссийское голосование. Эта новелла, полагаем, поддержит еще не один «мозговой штурм».

Указанный акт Президента Российской Федерации активизировал Правительство, которое 2 марта 2020 г. приняло Распоряжение № 487-р «О поручениях органам государственной власти, органам местного самоуправления, иным государственным органам и организациям в целях оказания содействия избирательным комиссиям в организации подготовки и проведения общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ». «Опорным пунктом» здесь закономерно были определены избирательные комиссии как хранители народовластных волеизъявлений российских граждан.

Параллельно изложенному масштабно и содержательно трудилась рабочая группа, состав которой был утвержден Распоряжением Президента Российской Федерации от 15 января 2020 г. № 5-рп «О рабочей группе по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации». Интегрируя аргументы *pro et contra*, оттачивая «поправочные» формулировки, рабочая группа способствовала подготовке текста конституционных поправок.

Право законодательной инициативы по этому поводу реализовал Президент России, который 20 января внес в Государственную Думу проект Закона о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти». Данный проект был зарегистрирован под № 885214-7 и проголосован в первом чтении 23 января. Ко второму чтению 10 марта данный проект получил уточненное наименование «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Одобрение закона Государственной Думой в третьем чтении состоялось 11 марта. И в этот же день Совет Федерации на пленарном заседании одобрил его, что позволило считать его принятым в силу ч. 2 ст. 108 Конституции России.

В период с 11 по 13 марта Закон о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» получил одобрение законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов

Российской Федерации, что было установлено Постановлением Совета Федерации от 13 марта 2020 г. №98-СФ. Рассматриваемый Закон был направлен Президенту России для подписания и обнародования, что и осуществилось 14 марта 2020 г.: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

Статьи 2 и 3 данного Закона предусмотрели ряд положений, связанных с инициативой, назначением, организацией и проведением общероссийского голосования и адресованных как российским гражданам в качестве участников общероссийского голосования, так и публичным органам. В их числе Президент России, Центральная и иные избирательные комиссии, федеральные и региональные органы исполнительной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления. В контексте назначения наблюдателей оказались уполномоченными Общественная палата Российской Федерации и общественные палаты ее субъектов.

Нетипичная роль данным Законом отведена Конституционному Суду Российской Федерации. Прежде всего, это выражается в том, что в соответствии с действующей Конституцией России участие Конституционного Суда в принятии закона о поправке к Конституции России не предусмотрено, равно как и нет таких норм в Федеральном конституционном законе от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Помимо этого, такой акт как заключение дается по конкретному вопросу и по запросу Совета Федерации (ч. 7 ст. 125 Конституции России и абз. третий ст. 71 ФКЗ № 1-ФКЗ). Кроме того, Конституционный Суд России по смыслу п.п. «а» и «г» ч. 2 ст. 125 осуществляет оценку конституционности вступивших в силу федеральных законов (и иных актов). В качестве не вступившего в силу объекта оценки конституционности названы только международные договоры Российской Федерации.

Казалось бы, налицо рассогласованность с текстом Конституции России. Однако, вникнув и углубившись в конституционный смысл положений п. «а» ч. 2 ст. 125, где Президент России обладает правом обращения в Конституционный Суд с запросом о конституционности федеральных законов (т.е. актов, принятых федеральным парламентом), а Закон о поправке к Конституции Российской Федерации является именно таким, бесспорны и право главы государства, и полномочие Конституционного Суда дать оценку конституционности указанного Закона.

По поводу оценки конституционности не вступившего в силу федерального закона и вида решения, принимаемого в данной связи, Конституционный

Суд получил полномочия в силу ч. 3 ст. 125 Конституции России: «полномочия, порядок образования и деятельности Конституционного Суда ... устанавливается федеральным конституционным законом». Здесь явен Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», к которому мы обращались выше. Но ведь Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» изначально принимался как федеральный конституционный закон, что подтверждается и в его «реквизитах» – № 1-ФКЗ. Следовательно, содержащиеся в нем положения, касающиеся Конституционного Суда, являются обязательными для исполнения им. Так, согласно ч. 1 ст. 2 и ст. 3 Закона о поправке к Конституции России от 14 марта 2020 г., Конституционному Суду Российской Федерации предписано по запросу Президента России «дать заключение о соответствии (несоответствии) положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений ... Закона, а также о соответствии (несоответствии) Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 ... Закона». Отметим также, что положительное заключение Конституционного Суда является условием вступления в силу ст. 2 и 3 Закон о поправке к Конституции России от 14 марта 2020 г.

Эксклюзивное (единственное) под номером «№ 1-3» Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347691/] в своей резолютивной части содержит аргументированные и не подлежащие обжалованию выводы, что порядок вступления в силу ст. 1 Закона Российской Федерации о поправке к Конституции «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» соответствует Конституции России; что не вступившие в силу положения указанного Закона соответствуют положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации. Со всеми доводами есть основания согласиться, а их осмыслению и обсуждению будет посвящена не одна научная публикация.

Однако остается открытым один немаловажный вопрос, не отраженный в Заклучении Конституционного Суда № 1-3. Это касается ст. 134 Конституции России (Глава 9, внесение изменений в которую поправочным путем не предусмотрено) в части такого коллективного субъекта внесения предложений «о поправках и пересмотре положений Конституции...», как «группа численностью не менее одной пятой членов Совета Федерации». По Закону о поправках... от 14 марта 2020 г. члены Совета Федерации именуются «сенаторами Российской Федерации», а положения о равнозначности терминов «член Совета Федерации» и «сенатор Российской Федерации» (как это исполнено в ч. 2 ст. 1 Конституции «Наименования Российская Федерация и Россия равнозначны») не предусмотрено. Очевидного конституционного способа согласования данных положений нет. Пока «неочевидный», но результативный способ, полагаем, со временем найдется. Возможно, здесь в очередной раз сослужит добрую службу официальное толкование Конституционного Суда Российской Федерации.

Принятое Конституционным Судом Заключение было «незамедлительно» направлено Президенту Российской Федерации, с учетом которого 17 марта 2020 года им был издан Указ № 188 «О назначении общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации». Днем голосования было определено 22 апреля 2020 г. Но сложнейшая эпидемиологическая обстановка нарушила планы: включенный «народовластный» этап обновления Конституции России в условиях необходимого «социального разобщения» и «самоизоляции» оказался бы опасным для российских граждан. Осознание этой пока непреодолимой опасности привело к принятию 25 марта 2020 г. Президентом Российской Федерации Указа «О переносе даты общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации».

Здесь логично отметить, что через общероссийское голосование по пакету поправок к Конституции у Президента России возникает право вето, конституционно не предусмотренное в отношении федеральных конституционных законов. На такое голосование вынесена ст. 1 Закона о поправке к Конституции от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ. Она вступит в силу при одобрении со стороны граждан изменений и после ее подписания и обнародования Президентом России. В ином случае указанная статья не обретет юридической силы.

Итак, общероссийское голосование как народовластный шаг «поправочного» пути обновления Конституции России по «версии – 2020» юридически и организационно подготовлено, но отложено до безопасных для здоровья

времен. Пусть бы эта опасная «переменная» в нашей жизни не превратилась в свою противоположность!

Литература:

1. Авакьян С.А. Размышления конституционалиста. Избранные статьи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. 560 с.
2. Зорькин В.Д. Десять лет без переписки // Журнал российского права. 2003. № 11.
3. Эбзеев Б.С. Введение в Конституцию России : монография. – М. : Норма : Инфра-М, 2013. 560 с.
4. Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. – М.: Юристъ, 1998. 245 с.
5. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. – М.: Норма, 2005. 320 с.
6. Авакьян С.А. Конституцию надо не поправлять, а менять // Российская Федерация сегодня. 1999. № 5. С. 32-34.

Сафронова Елена Викторовна,

профессор кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород)

Насандратра Лаурита,

аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Мадагаскар)

ИСТОРИЯ МАЛАГАСИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В XV-XIX ВВ.

«Наше время не требует отказа от суверенитета национальных государств, но оно меняет акценты в понимании и применении соответствующего принципа. Поскольку судьба национальных интересов все чаще решается на интернациональном уровне, в международных организациях и на мировых форумах, государство должно быть во всеоружии суверенных средств и возможностей... Долг каждого суверенного государства – блюсти при этом свои национальные интересы, следить за тем, чтобы они не потерпели

какого-либо ущерба, не подверглись дискриминации в сравнении с аналогичными интересами других стран» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 503-504).

Аннотация: статья посвящена истории малагасийской государственности в ранний доколониальный период

Ключевые слова: Мадагаскар, государственный строй, государство, государственность, Имерина, Малагашское государство.

Первые упоминания о Мадагаскаре относятся к седьмому веку, когда в арабских источниках появляются первые письменные упоминания о Мадагаскаре. В историографии доминирует мнение, что распространившееся в Европе название острова, впервые появилось в записках Марко Поло, а первое посещение Мадагаскара европейцами произошло в начале XVI в.

Появление европейцев на Мадагаскаре связывают с именем Диогу Диаша – португальского путешественника, который летом 1550 года, направляясь в Индию и отклонившись от маршрута, попал на остров, который он назвал островом Святого Лаврентия [1].

Необходимо отметить, что туземные государственные образования возникли на Мадагаскаре предположительно в XIV веке. Этническую основу исторического государства, обобщенно называемого Мерины (Имерина), составляли мерины – центрально-восточная группа малагасийцев. Государство Имерина располагалось в горах на высокогорном плато Анджафи. По преданию столица государства Аналаманга (позднее Антананариву) основана в XVII в., а в истории этого государственного образования, основываясь на династическом принципе, выделяют четыре периода: Царство Аласура (XIV в. – 1710 гг.); Царство Амбохидрабиби (ок. 1710-1720 гг.); Царство Антананариву (1710-1794 гг.); Королевство Имерина (1787-1818 гг.) [2, с. 220].

Объединение государства относится к началу XVIII в. Королю Андриамасинавалуне удалось объединить народ мерины под своей властью, однако после его смерти Имерина вступила в период феодальной раздробленности. Политику, направленную на и централизацию, связывают с именем короля Андрианампуйнимерина (1787–1810 гг.), которому удалось остановить междоусобную войну и в 1803 г. распространить свою власть на всю Имерику. В Советской исторической энциклопедии говорится: «А. объединил Имерику после столетия феодальных войн и междоусобиц и положил начало политике собирания всех земель Мадагаскара в единое централизованное Малагашское государство» [3].

Присоединение прибрежных районов и французских владений на острове относится к периоду правления его сына – короля Радама I (1810-1828 гг.). Завершил процесс объединения образованием Малагасийского королевства и объявлением Радамы в 1818 г. королем Мадагаскара. Необходимо отметить, что Радаме удалось не только подчинить себе местные племена, сыграв на противоречиях между Францией и Великобританией, но и присоединить французские владения за исключением крохотного острова Сент-Мари, расположенного в семи километрах от восточного побережья Мадагаскара [4, с. 549].

В период правления Радамы на острове под влиянием английских миссионеров начинает распространяться христианство, столицей провозглашается город Тананариву, где открывается первый в стране университет.

Династия Радамы правила Мадагаскаром до 1896 г. Данный период в истории Малагасийского государства можно признать вполне суверенным. Так, преемница Радамы королева Ранавалуна I (годы правления: 1829-1861) запретила миссионерскую деятельность европейцев, попыталась взять под свой контроль торговлю в портах страны, что вызвало недовольство со стороны Великобритании и Франции. Их экспедиционные корпуса не раз обстреливали порт Танатаве [5].

Ситуация коренным образом изменилась в период правления сына Ранавалуны – короля Радамы II (годы правления 1861-1863 гг.), взявшего курс на политику европеизации, заключив соглашения о мире и дружбе с Францией и Великобританией [6, с. 56]. Заключенные договоры устанавливали капитуляционный режим – правовой порядок, в соответствии с которым иностранным подданным предоставляются большие права по сравнению с местным населением.

Правившие после Радамы II жены (Расухерина и Ранавалуна II) сохраняли курс на проевропейскую политику.

Последней королевой Имерины стала Ранавалуна III (годы правления: 1863-1895 гг.). Фактически власть в стране принадлежала ее мужу премьер-министру Райнилайаривуни – мужу всех трех последних королей. Известный мальгашевед Л.А. Карташова отмечает при нем началась кодификация законодательства. «Райнилайаривуни стремился превратить Мадагаскар в просвещенную и развитую страну. При нём были приняты «Кодекс 101 статьи» и «Кодекс 305 статей». Они устанавливали нормы гражданского и уголовного законодательства, содержали статьи, ограничивавшие рабство, деятельность иностранцев, регулировавшие торговлю, устанавливавшие охрану собственности, земельное, семейное и финансовое право» [7, с. 41].

Премьер-министр провел судебную и административную реформы. Новое административно-территориальное деление Имерины включало шесть провинций, возглавляемых губернаторами, назначаемыми монархом. Губернаторы наделялись судебными и правоохрнительными функциями, а также регистрировали акты гражданского состояния. Провинции в свою очередь делились на округа. В 1889 г. был введен «Устав губернаторов Имерины [7, с. 57]. Кроме того, при Райнилайаривуни было введено всеобщее начальное бесплатное образование, создан ряд новых профессиональных учебных заведений, государственной религией был объявлен протестантизм.

Во внешней политике Райнилайаривуни стремился к международному признанию и достижению фактического суверенитета. Он предпринял немало усилий направленных на денонсацию неравноправных соглашений с европейскими странами, заключенных в период правления Радама II. Ему удалось заключить ряд соглашений с Великобританией (1865 г.), Францией (1868 г.), США (1881 г.), Германией и Италией (1882 г.), в которых признавался суверенитет королевства [7, с. 57-59].

Однако усиление местной администрации не удовлетворяло колонизаторские амбиции европейцев. Мадагаскар был стратегически значимым пунктом на морском пути в Индию. Борьба между Великобританией и Францией за доминирование в этом регионе продолжалась весь период существования государства Имерина. Этим противоборством пользовалась местная политическая элита, которой удавалось сохранять суверенитет практически до конца XIX в.

Решающую роль к колонизации острова сыграли франко-малагасийские войны (1883-1885 гг. и 1894-1896 гг.) и признание со стороны Британии французского протектората над Имериной.

Целью франко-малагасийских войн была колонизация острова. Правительство Франции видело Мадагаскар исключительно в зоне своего влияния. Тем более, что Франция владела близлежащими островами Сент-Мари и Носи-Бе. В условиях активизации конкурентной германо-английской колониальной борьбы Франция начала наступление на Мадагаскар. Французам удалось закрепиться на части побережья, но продвижение вглубь острова встретило жесточайшее сопротивление.

Результатом Первой франко-малагасийской войны стало подписание мирного договора в декабре 1885 г. мирного договора, в котором французы отказывались от большинства своих претензий, а малагасийцы от части своего суверенитета. Французы установили контроль над стратегически важной бухтой Диего-Суарес и получили компенсацию. «Малагасийское правительство

лишалось права проведения самостоятельной внешней политики. Французское правительство должно было теперь представлять Мадагаскар во всех внешних сношениях, на Мадагаскаре размещался резидент, который должен был осуществлять контроль за внешними сношениями страны» [8, с. 116].

Половинчатый характер договора не устраивал обе стороны, что стало причиной Второй франко-малагасийской войны, успех которой во многом был определен британской поддержкой Франции. В 1890 г. Великобритания в обмен на французское признание своего контроля над Занзибаром признала протекторат Франции над Мадагаскаром. В октябре 1895 г. был подписан договор, в соответствии с которым над Мадагаскаром устанавливался французский протекторат. Первым актом французского резидента стало отстранение Райнилайаривуни. Свержение королевы Ранавалуны III произошло несколько позже в 1897 г.

С 1897 г. по 1958 гг. продолжался колониальный период в истории Мадагаскара. Остров был частью французской колониальной империи.

Таким образом, государственные образования возникли на Мадагаскаре предположительно в XIV веке. Государство Имерина располагалось в горах на высокогорном плато Анджафи. В истории этого государственного образования, основываясь на династическом принципе, выделяют четыре периода: Царство Аласура (XIV в. – 1710 гг.); Царство Амбохидрабиби (ок. 1710-1720 гг.); Царство Антананариву (1710-1794 гг.); Королевство Имерина (1787-1818 гг.). Объединение Мадагаскара и централизация управления связана с образованием Малагасийского королевства (1818-1897 гг.). В этот период были приняты первые национальные кодифицированные акты – «Кодекс 101 статьи», «Кодекс 305 статей», «Устав губернаторов Имерины», проведена административно-территориальная и судебная реформы.

Литература

1. Диаш Диогу // https://ru.wikipedia.org/wiki/Диаш,_Диогу.
2. Излучение плазмы – Исламский фронт спасения // Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов; 2004-2017. Т. 11. – М., 2008. 766 с.
3. Советская историческая энциклопедия в 16 т. / под ред. М.Е. Жукова. – Т. 1. – М.: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1961.
4. Сент-Мари // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1900. Т. XXIXа.

5. Орлова А. С. Национально-освободительная борьба на Мадагаскаре // Национально-освободительная борьба народов Африки в новое время. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1976. С. 591-629.
6. Мадагаскар: справочник. – М.: Восточная литература, 2005.
7. Карташова Л.А. Мадагаскар и я. – Москва: Экон-Информ, 2011. – 271 с.
8. Емельянов А. Л. Новая история Африки южнее Сахары. – М.: МГИМО-Университет, 2009.

Стус Нина Владимировна,
 профессор кафедры конституционного и
 международного права
 юридического института НИУ «БелГУ»,
 доктор юридических наук
Кулишенко Екатерина Алексеевна,
 аспирант кафедры конституционного и
 международного права
 юридического института НИУ «БелГУ»
 (Краснодар)

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: В КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВКАХ «ЗАМОЛВЛЕНО СЛОВО»

«Мы видим, что правовые ситуации таковы, что они едва ли находятся в «фокусе» синергетики, но вместе с тем они не оказываются за гранью ее внимания, поскольку праву нужны новации, оно тоже переживает времена перестраивания, интенсивного процесса создания новых структур, реформирования. На субъектов юридического сознания в такие периоды ложится особенно тяжкий груз ответственности за состояние правовой системы, которую, несмотря на все перестройки и новации, необходимо уберечь от разрешения, сохранив преемственность в развитии правовых отношений» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 102-103).

Аннотация. В статье обращено внимание на действующую норму об Уполномоченном по правам человека, на доктринальную характеристику его предназначения и «поправочные» черты его конституционного статуса. Сделан вывод, что последние могут стать дополнительной правозащитной гарантией в лице института, убедительно освоившегося на территории России в ранге федерального и региональных омбудсменов.

Ключевые слова: конституция, защита прав человека, государственные гарантии прав человека, уполномоченный по правам человека.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами учреждена должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. С одной стороны, это расценивалось как правозащитный прорыв, сближение с демократическими странами, где данный институт имеет более чем вековую историю, с другой, – являлось предметом критики, поскольку об Уполномоченном по правам человека упомянуто в контексте полномочий Государственной Думы, а значит есть основания для сомнений в его значимости и способности выступать самостоятельным правозащитным институтом.

Между тем признано, что институт омбудсмана или государственного правозащитника, выступающего в роли своеобразного адвоката общества перед государством, возник как один из важных механизмов общественного контроля над тем, как государство соблюдает свои обязательства в сфере прав и свобод человека [1, 2].

Особая популярность и авторитет данного института объясняются многими демократическими чертами, характеризующими его статус и обеспечивающими эффективность его деятельности: независимым положением в системе государственных органов; несменяемостью в течение всего срока полномочий парламента, которым он назначается, правом законодательной инициативы; открытостью и доступностью для всех граждан, нуждающихся в защите своих прав и свобод; отсутствием формализованных процедур разбирательства жалоб и обращений; бесплатностью оказания гражданам помощи и т.д. Все эти принципы и процедуры способствуют выполнению омбудсменом функций защиты прав и свобод человека от злоупотреблений и произвола со стороны государственного аппарата и должностных лиц [3, с. 429].

Нельзя не согласиться с высокой оценкой, данной этому институту австрийским профессором, доктором права В. Пиклем: «его создание и деятельность открыли новую главу в отношениях между государством и гражданином, между лицами, наделенными властью, и управляемыми» [4, р. 156-157].

Именно после Второй мировой войны стало очевидно, что без гарантий соблюдения прав человека невозможно существование стабильной демократии. С другой стороны, вне демократии нет и не может быть соблюдения и действенной защиты прав человека. Это два взаимосвязанных и взаимозависимых понятия, и именно поэтому демократическому государству необходим

такой институт как омбудсмен, являющийся стабилизационным фактором и гарантом эффективного функционирования демократической системы.

Сегодня более чем в ста странах мира существуют уполномоченные по правам человека. Опыт их работы в странах Восточной Европы (Польше, Венгрии, Румынии, Словении и др.) показывает, что данные структуры возлагают на себя роль посредника между государственной властью и обществом в деле защиты прав человека, способствуют созданию демократического правового государства и развитию правосознания граждан и должностных лиц.

Следует отметить, что касательно статуса Уполномоченного, то он определяется его особенностями и функциями. Таким образом, Уполномоченный является независимым в осуществлении своих полномочий и неподотчетным другим государственным органам и должностным лицам в его профессиональной деятельности при защите прав человека и гражданина. Уполномоченный является гарантом государственной защиты прав и свобод граждан что в совокупности составляет его статус. Он рассматривает все поступающие жалобы на обращение с гражданами как России, так и иностранных граждан, и лиц без гражданства, актов или бездействия государственных органов, органов местного самоуправления и других должностных лиц, а также государственных служащих.

Уполномоченный в субъекте РФ – должностное лицо, руководящее государственным органом, в состав которого входит аппарат госслужащих, который формируется им самим. Для Уполномоченного факт наличия российского гражданства в рамках избрания или назначения на должность регионального омбудсмана относится к числу обязательных требований. Это объясняется тем, что именно статус гражданина является неперенным условием для приобретения политических прав и возможностей государственной службы в Российской Федерации. Также ему необходимо иметь знания и опыт в области защиты прав и свобод человека и гражданина.

Дополнительные статусные характеристики, адресованные Уполномоченному по правам человека Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г., выражаются в том, что «Уполномоченным по правам человека может быть гражданин Российской Федерации, постоянно проживающий в Российской Федерации, не имеющий гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Уполномоченному по правам человека в порядке, установленном федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за

пределами территории Российской Федерации», что сформулировано в качестве новой редакции п. «е» ч. 1 ст. 103.

Полагаем, что изложенное нововведение будет дополнительной право-защитной гарантией в лице института, убедительно освоившегося на территории России в статусе федерального и региональных омбудсменов.

Литература

1. Хаманева Н. Ю. Уполномоченный по правам человека – защитник права граждан. М., 1998
2. Бойцова В. В. Служба защиты прав человека и гражданина: мировой опыт. М., 1996.
3. Права человека: учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Норма: ИНФРА – М, 2010.
4. Pickl V. The Protection on Human Rights by the Office of the Austrian Ombudsman (Volksanwaltschaft) // Austrian – Soviet Round-Table on the Protection of Human Rights. Arlington, 1992.

Таболин Владимир Викторович

профессор кафедры публичного права и
правового обеспечения управления

Государственного университета управления,
профессор, доктор юридических наук

Расихина Лариса Федоровна

директор проекта Департамента сбора, обработки и хранения
информации ФГБУ «Российское энергетическое агентство»

Министерства энергетики РФ,

кандидат экономических наук, доцент

(Москва)

ГОРОД КАК ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ*

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-011-00720 «Разработка научных основ юридической урбанографии как нового комплексного направления в юридической науке о городах»

«Как и раньше, государство будет создавать экономические, политические и правовые институты для гражданского общества и вместе с ним.

Надо согласиться с выводом, что государство, а не кто-либо другой, ответственно за институциональные трансформации, их социальные последствия, оно должно вырабатывать стратегию институционального развития страны» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 506).

Аннотация. Статья посвящена роли города и городского права в образовании государства, его современном состоянии и значении как объективного процесса развития человечества. Город – был, есть и будет ключевым звеном в возникновении и существовании государств, в развитии человечества и научно-технического прогресса. Рассмотрены важнейшие характеристики органической связи города и государства: историко-правовые, правового единства истоков, функциональной связанности, информационно-правовые, цивилизационные.

Ключевые слова: город, государство, городское право, государственное право, конституционное право, муниципальное право, правовые характеристики города, научно-технический прогресс

Для того чтобы рассматривать город как государствообразующую категорию мы должны выделить и сравнить совокупность характеристик органической связи города и государства. О каких характеристиках может идти речь? Во-первых, историко-правовые, связанные с возникновением и развитием города и государства; во-вторых, их правовая сущность – единство истоков городского и государственного права; в-третьих, функциональную связанность города и государства; в-четвертых, правовые характеристики реализации достижений научно-технического прогресса в городе и государстве.

В качестве постановки проблемы, можно высказать некоторые дискуссионные положения. Государство – это что, кто и где? К сожалению, теория государства не дает конкретных ответов. Более того, известный ученый-правовед В.В. Лазарев, задавая подобные вопросы себе и нам, приходит к выводу, что в каждом конкретном случае государство представляет конкретный орган. Для решения вопроса в общем правиле поведения – правотворческую инстанцию. Для обеспечения безопасности – орган безопасности. Для возложения ответственности – суд и т.д. Однако его определение государства в качестве исторически преходящей, официально признаваемой в данном обществе, освященной (закрепленной) правом национально-территориальной системы власти, обеспечивающей в пределах компетенции ее законодательных, исполнительных и судебных органов взаимную позитивную и негативную ответ-

ственность граждан (подданных) в интересах их коммуникации, благополучия и права [1] вызывает весьма определенный интерес, о котором речь пойдет ниже.

Историко-правовые характеристики представляют собой условия возникновения городов, как «зародышей» государства. Ученые практически всех гуманитарных направлений науки признают главенствующую роль городов-государств в возникновении государства вообще. Так, еще в самом начале XX века немецкий социолог К. Бюхер писал, что если мы обратимся теперь к народам классической древности, к грекам и римлянам, то окажется, что вся их история есть собственно история городов, что их государства – городские государства, их управление – городское управление, и культура – городская культура [2, с. 9].

Развитие (расширение) государства непосредственно связано с системой городов. Они являлись средством овладения территорией, ее закрепления и хозяйственного освоения. Трансформация состава и сети городов в разные периоды времени представляла собой соединение двух противоположных процессов: образования новых городов и выпадение из числа городов тех, которые при изменении условий ситуации утрачивали свое значение [3].

Главной исторической особенностью возникновения древних российских городов в отличие от западноевропейских («выраставших» из сел) является «несельская» форма возникновения – города возникали, в своем большинстве, как городские («огороженные») оборонительные, торговые и ремесленные сооружения, которые уже позже «обрастали» посадами (пригородами) и селами – производителями продуктов. Города возникали на торговых путях (часто на реках) для защиты купцов, взимания дани и торговли. В степных районах – города-крепости защищали границы княжеских вотчин от набегов и определяли границы государства. Князья, а потом и цари, своими указами закладывали новые города и определяли их основные функции для укрепления и приращения новых земель, освоения природных богатств.

Другую важную историческую характеристику отмечает Г.М. Лаппо. Известный географ обращает внимание на то, что молодость преобладающей части городов России очень сильно отличает их от городов западноевропейских стран, где молодые города – исключение, поэтому следует весьма осторожно сопоставлять российские города с зарубежными, у которых иной возраст, иная история [3]. Эта молодость по мнению автора связана еще и со многочисленными бедами, выпавшими на долю нашего народа и государства.

Однако, нельзя сбрасывать со счетов и такой географический фактор как большое количество лесов на территории Древней Руси, а это значит, что в отличие от Западной Европы, строившей свои города из камня, основным

строительным материалом для русских городов было дерево. И как считают археологи, средний срок существования русского города составлял всего 10-15 лет – в связи с высокой плотностью застройки и использованием в быту открытого огня (очаги, лучины, свечи) часто возникали пожары, которые в большинстве случаев приводили к полному уничтожению города. Такая же проблема возникала и при осаде города неприятелем. Отсюда можно сделать вывод, что молодость наших городов не факт того, что они были основаны позже европейских.

Особым государственно-правовым статусом обладали племенные и вотчинные центры – «стольные (старшие) города», которые осуществляли политико-административно-правовые функции княжеской власти. Т.О. Санникова отмечает, что появление государственных образований, начиная с истории древнего мира, если это не были города-государства, означало формирование центра – столицы, и окружающей территории, занимавшей подчиненное положение. При этом, чем более имперский характер носило государственное образование, тем более моноцентричным становилось государственное пространство — у столицы не могло быть соперников ни в каком плане [4].

Рассмотрим два определения понятия «город», которые, по нашему мнению, характеризуют период становления российской государственности и современные его историко-правовые особенности. Первое принадлежит известному советскому историку Б.А. Рыбакову, который определил *древнерусский город* как центр ремесла и торговли, но одновременно – это и административно-хозяйственный центр большой сельской округи (волости), ее военно-политический центр, очаг культурного развития и идеологического господства. В отличие от деревни город – многофункциональное поселение, отвечавшее различным потребностям феодального общества [5]. Другой российский ученый-историк В.Р. Крогиус ввел в научный оборот понятие *исторического города* как возникшее (или основанное) в достаточно отдаленный период времени и продолжающее функционировать городское поселение, игравшее значительную роль и являющееся характерным продуктом истории данной страны, местом высокой концентрации материальных и духовных свидетельств прошлого – самых различных по виду и характеру, но взаимосвязанных друг с другом недвижимых элементов культурного наследия, характерных черт исторически сложившейся городской среды, традиционного образа жизни населения, которые в совокупности (и в связи с природно-ландшафтными характеристиками города и его ближайшего окружения) представляют единый территориальный комплекс культурного и природного наследия, требований к градорегулированию и режиму жизнедеятельности этого города, вплоть до установления его особого правового статуса [6].

Из первого определения ясно видна государствообразующая и государство-обеспечивающая роль древнего города, без которого существование любой формы государства немыслимо, поскольку он фактически реализует все основные функции государства. Вторая дефиниция подчеркивает сохраняющуюся историко-правовую, духовно-патриотическую, этно-историческую и эколого-антропологическую роль городского культурного наследия в рамках реализации культурно-воспитательной, образовательной, социальной и других функций государства.

Единство истоков городского и государственного права прямо связано с древнейшими цивилизациями и городами-государствами. Рассмотрим взгляды некоторых ученых на процесс формирования государственного права и сравним его с городским.

Ж.-Ж. Руссо, по нашему мнению, весьма образно высказал квинтэссенцию правового процесса возникновения города и государства: «Первый, кто огородив участок земли, придумал заявить: «это мое!» и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберег бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: «Остерегитесь слушать этого обманщика; вы погибнете, если забудете, что плоды земли — для всех, а сама она — ничья!» [7, с. 34-35]. В данном случае «огороженный участок» и «ров» можно прямо рассматривать как прообраз города. И все беды, о которых пишет великий мыслитель, — это результат присвоения общей собственности, в том числе и государством.

Важнейшим условием существования формального государственного права является письменность - без материальной фиксации тех или иных правил, условий, процедур и т.п. не могло бы его существовать. Говоря о древней русской письменности (разных вариантах глаголицы, рунах и др. знаках) ученые отмечают, что исследованы сотни образцов раннесредневековой письменности народов России, которые встречаются на археологических находках, относящихся к периодам со времен античности до VIII-IX веков. Однако, многие памятники глаголицы во время тотального иконоборчества этих веков были полностью уничтожены ортодоксами новых вер как «богомерзкие» [8]. Этот факт существенно обеднил российскую историю государства и права, лишив ее достоверных источников гораздо более поздних периодов, чем официально признанные VIII-IX века.

Нельзя не согласиться с С. Сассен, которая считает, что уставы древних городов-государств и главных (старших) городов — это собственно были пер-

вые конституции, заложившие основы народовластия (вече), прав и обязанностей гражданина (горожанина), устройства органов самоуправления и централизованного управления (их функции и соотношение), городского и пригородного территориального устройства, порядка экономической деятельности (хозяйствования, ремесла и торговли), условия и порядок внешних отношений и др. [9]. Примерами подобных источников могут служить такие древнейшие документы как Кодекс Ур-Намму [10, с. 46], законы Хаммурапи [10, с. 51], Новгородская и Псковская судные грамоты, Русская правда [11] и др.

Исследуя антологию государственного права в России Т.В. Кашанина выделяет ряд этапов его возникновения и становления [12], посмотрим на них с точки зрения городского права:

- *архаичное право* (племенное, народное, обычное, варварское, примитивное, вульгарное) – нормы человеческого общежития имеют локальный, местный характер и основаны на обычаях и традициях, регулирующих родоплеменные или протогосударственные отношения. Вот на эти отношения мы и обратим внимание, т.к. они являются «отправной точкой» формирования предмета правового регулирования и городского, и государственного права того периода. Естественно это были отношения, связанные с конкретными формами жизнедеятельности населения города: административные, хозяйственные, торговые, ремесленные, вечевые, религиозные, военные, семейные и т.п.

Города-государства славянских племен (вятичей, кривичей, древлян, полян и др.) начала новой эры, становятся в последствии «стольными и вотчинными центрами» первых русских государств, перенеся свое племенное право в основы государственного. Таким образом, мы можем сказать, что архаичное право – это первая форма городского права, поскольку «деревенские» обычаи и традиции не получили дальнейшего развития в качестве государственно-правовых, ввиду отсутствия княжеской поддержки, так как только города были опорой племенной княжеской власти.

Однако трудно согласиться с Т.В. Кашаниной по поводу использования термина «протогосударства» – в настоящее время многими археологами проведены исследования древнейших цивилизаций, которые показывают их весьма высокий уровень развития и главенствующую роль города в этом процессе [13], это касается и территории Восточной Европы. Также само правовое содержание этого понятия носит весьма дискуссионный характер, поэтому использование данного термина вряд ли оправдано, с точки зрения «незрелости» тогдашней государственности;

- *сословное или корпоративное право* – результат постепенного развития экономики, специализации общественного труда и дифференциации общества на основе выполнения определенных профессиональных или социальных функций. Никакая другая среда так не дифференцирует население по разным признакам, как это происходит в городской среде. Более того, в отличие от сельской среды, в городе постоянно возникают и развиваются новые виды профессиональной и социальной деятельности, т.к. город является местом появления новых идей и приложения результатов научно-технического процесса;

- *общегосударственное право*, обладающее двумя главными особенностями: целенаправленным формулированием норм права преимущественно органами государства (законодательными органами) и защита правовых норм правоохранительными органами. Поскольку современные развитые государства – это высоко урбанизированные образования (в России около 75% населения живет в городах), то это значит, что интересы городского населения преобладают при принятии решений на всех уровнях власти и фактически мы можем говорить о «городском» государстве, что в свою очередь позволяет сделать предположение о постепенном формировании в настоящее время «городского государственного права».

Функциональная связанность города и государства определяется рядом объективных причин.

Во-первых, к функциям древнерусского города (в зависимости от его назначения) можно отнести: *экономическую* (торговля и ремесло), *административную* (осуществление власти князя и управление территорией), *религиозную* (духовное воздействие на население), *военную* (оборона, содержание войска, строительство специальных сооружений и производство оружия), *культурную* (зодчество, письменность, обучение, художественные промыслы), *коммуникационную* (обеспечение транспортных перевозок по рекам и морям, по сухопутным трансконтинентальным и региональным маршрутам: «из варяг в греки», «великий шелковый путь», приднепровский и приволжский торговые пути и др.).

Известный теоретик государства и права А.Б. Венгеров прямо подчеркивает роль ранних городов-государств как первоначальной государственной организации общества, которые берут на себя общезначимые социальные функции, и прежде всего функцию обеспечения производящей экономики (земледелие, скотоводство, металлургия, металлообработка, керамика и т.п.) и тем самым демонстрируют ее социальную ценность [14, с. 169].

Таким образом, в раннегосударственный период функции города и государства фактически совпадают.

Во-вторых, посмотрим эволюцию функций города и государства. Какие традиционные функции города сохранились до настоящего времени? Крупные города по-прежнему остаются административно-правовыми и политическими центрами территорий со статусом столицы или административного центра региона. Оборонительные функции практически утрачены, за исключением размещения органов военного управления и образования, венно-промышленных предприятий и научных учреждений, а также специализированных военных городов, где размещаются крупные военные соединения или военно-морские базы. Развитие экономики и научно-технического прогресса естественно изменило форму экономической функции городов, но они ее не только не утратили, а некоторые города получили статус мировых финансово-экономических и промышленных центров («мировые», «глобальные» города), которые определяют будущее нашей цивилизации. Современные города не утратили совсем своей религиозной функции, некоторые остаются «духовными центрами» тех или иных конфессий (Иерусалим, Мекка, город-государство Ватикан, Сергиев Посад и др.). «Царицей» городов в последние десятилетия стала торговля, получившая беспрецедентное развитие за счет глобальных транснациональных торговых и логистических сетей. К сожалению, культурное наследие претерпевает сильную трансформацию своих духовно-нравственных ценностей в сторону коммерческих и псевдокультурных интересов. Коммуникационные функции стали глобальными с точки зрения возможностей перемещения практически в любой город мира.

Теперь исследуем соотношение перечисленных городских функций и основных функций государства: *экономической, политической, социальной и идеологической*.

В начале третьего тысячелетия мир перешагнул глобальную черту урбанизации: более 50% населения Земли – это горожане. В большинстве случаев это связано с целым комплексом региональных, национальных и мировых проблем. Одними из самых крупных и опасных стали общемировые экологические и эпидемиологические проблемы. Даже такая всегда актуальная тема, как война отошла на третий план, хотя косвенно желание мирового господства, особенно в условиях начинающегося дефицита природных ресурсов, продолжает влиять на первые две.

Современное государство – это система городов, расположенных на определенной территории и заселенная людьми – это главные универсальные признаки любого государства. Утрата городов – утрата государства, т.к. «сельское государство» существовать не может. Нужно собрать всех людей в городах и все сразу встает на свои места – горожанин «зависит» от власти и государства, т.к. он «иждивенец». Правильно говорят современные социологи

– город уже никого не делает свободным, он закабальет, принуждает, обменивая реальные человеческие ценности на искусственные суррогаты.

Известный американский социолог Л. Вирт еще в середине XX века предупреждал, что массы городского населения являются объектом манипуляций символами и стереотипами, управляемыми людьми издалека или действующими невидимо путем контролирования средств коммуникации. Самоуправление в сфере политики, экономики или культурной жизни при данных обстоятельствах сводится просто к речам, или, в лучшем случае превращается в нестабильное равновесие довлеющих групп [15].

В результате, в настоящий момент, мы можем говорить о тенденции «ухода» государств от добросовестного исполнения своих функций. Повсеместно, в угоду модным постиндустриальным теориям, государство практически не регулирует экономическую деятельность либо монетаристская политика превалирует в законодательной практике: чтобы дать кому-то денег, их нужно у кого-то забрать. Коррупция, к сожалению, стала непобедимым признаком государственной бюджетной экономической деятельности.

О политической функции мы уже так или иначе упоминали. Главная проблема в ее реализации – по всему миру мы видим кризис политических систем и институтов, обслуживавших т.н. «элиту» общества и государства, которой как оказалось она не является. Политические партии в своем большинстве никого кроме своих лидеров не представляют – отсутствует социальная основа, т.к. население все более индифферентно к политике.

Крупные города стали полигонами избирательных технологий, позволяющих получать нужный результат без учета реального мнения граждан. Ярким примером этого явились последние президентские выборы в США, когда большинство избирателей проголосовало за Клинтон, а в итоге выборщики избрали президентом Трампа.

Международная политика, как и международное право претерпевает «кризис целей» – мало кто понимает, что нужно делать, какие механизмы использовать? Мировая пандемия показала абсолютную несостоятельность международных организаций и институтов – сотрудничество и взаимопомощь часто рассматривается как вредная для национальных интересов деятельность.

Необходимо согласиться с позицией В. Россмана, что урбанистическая иерархия городов в любой стране, с одной стороны, отражает ее политическую сущность и идентичность и соответствует политическим принципам ее устройства, а с другой – закрепляет эти принципы [16, с. 20].

Военно-политический аспект города отмечал Д. Шефер – будучи средоточием всей политической власти народа и его правителя, он в случае захвата

врагами тождественен с падением самого государства. Разрушение Ниневии, Вавилона, Иерусалима является, по его мнению, одновременно и концом самостоятельных государств: ассирийского, вавилонского, иудейского [17, с. 161].

Социальная функция, по нашему мнению, остается единственной абсолютной прерогативой государства. Многочисленные социальные программы, в условиях высокого уровня нестабильности экономической и политической жизни, обеспечивают определенную социальную стабильность населения. Правовое обеспечение этих программ, правоприменение и правоохранительная деятельность государственных органов, обеспечивающих конституционные гарантии прав граждан – главная задача не только федеральных и региональных уровней власти, но городские муниципальные органы должны наконец понять, что от них зависит будущее конкретных людей и страны в целом.

Идеологическая функция государства, в соответствии с Конституцией РФ, не является официальной и потому мы пока не имеем четких долгосрочных целей социально-экономического развития и государственного строительства. Концепцию повышения уровня жизни населения трудно назвать новой идеологией государства и общества.

Правовые характеристики реализации достижений научно-технического прогресса в городе и государстве представляют собой четко и гарантировано определенные правовые критерии разработки и внедрения результатов четвертой научно-технической революции в жизнь. Информатизация и роботизация не должны стать факторами негативного противостояния интересов крупных транснациональных кампаний и жителей городов, как потребителей продуктов высоких технологий.

Информационные коммуникации вообще сделали мир «безгосударственным» – сотовая связь обеспечивает полный набор аудио-визуальных контактов по всему миру, а такие проекты как «Smart Planet», «Smart Nations» и «Smart City» со временем поставят вопрос о целесообразности существующей формы государства как такового.

Кризис городов [18] порождает кризис государства как формы существования человеческой цивилизации. Развитие научно-технического прогресса, массовое внедрение робототехники и smart-технологий приведет сначала к изменению форм взаимодействия гражданина и государственных структур (что мы уже наблюдаем в крупных городах), а затем и к трансформации самой сущности государственной власти и управления.

На основании всего вышеизложенного, в качестве постановки проблем, выскажем некоторые умозаключения.

Ни одна из существующих теорий возникновения государств [12] или городов [19] не предполагает реализацию интересов людей, проживающих на этой территории. Другими словами, и город и государство являются асоциальными образованиями, но при этом главным признаком их существования является население!

Государство, как и город, имеет главный признак – обязательное наличие граждан (населения). Причем очень важно осознание и правовое понимание жителями государства своего статуса гражданина именно этого государства иначе оно утрачивает свою социальную, а затем и территориальную основу [20].

Создание города, а потом и государства преследует чаще всего частные или групповые («классовые» по К. Марксу) цели, при достижении которых население, экономика, территория, государственный аппарат и прочее являются только инструментами реализации этих интересов. В качестве цели часто используются такие как: захватить территорию богатую природными ресурсами, контролировать торговлю и пути перемещения товаров, построить предприятия и заводы на хорошей ресурсной базе, охранять территорию и держать под контролем население, осуществлять политическое доминирование в регионе и другое.

Город в современном государстве – это далеко не только место для проживания большинства населения, а место приложения научно-технических разработок, правовое (город как субъект права) и социально-экономическое образование, практически монопольно обеспечивающее политическую и экономическую стабильность и развитие государства. Анализируя постиндустриальное общество, Д. Белл определил, что первой и простейшей характеристикой этого общества является то, что большая часть рабочей силы уже не занята в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности, а сосредоточена в сфере услуг, к которой относятся торговля, финансы, транспорт, здравоохранение, индустрия развлечений, а также сферы науки, образования и управления [21, с. 18].

Соглашаясь с перечисленными характеристиками постиндустриального общества, нельзя не отметить, что автор фактически перечисляет основные признаки города, которые присущи ему с древних времен. Таким образом, на современном этапе развития государства и общества Д. Белл выдвигает на первое место город как базовый элемент этого процесса, место зарождения, приложения и развития цивилизации. Однако, необходимо отметить и негативную роль таким постиндустриальных либеральных концепций как: потребительское общество, мультикультуризм, монетизация и др.

«Государство городов» – совокупность высоко урбанизированных территорий как высшая форма города-государства. По сути, государство городов – это экономико-политическая и социально-хозяйственная сеть городских связей, обеспечивающая стабильность всех институтов общества и государства [22]. Федерализм и муниципализм одни из важных принципов функционирования этой сети, которые помогли бы решить проблемы сверхцентрализации власти и «ручного» управления государством.

Еще одно социально-правовое соображение. Город, как и государство, в определенной мере нивелирует различия в людях. Горожанин независимо от того какой он нации, народности или даже расы получает свое социальное положение в городе наряду со всеми остальными горожанами только исходя из его профессиональных, имущественных или административных возможностей. Особенно характерно это в современной ситуации. Понятие толерантности связано прежде всего с культурой, но с другой стороны, проживание людей с различными социально-культурными, политическими, экономическими и прочими обычаями, традициями и взглядами для города почти не имеет никакого значения. Особенно это касается мегаполисов. Городской власти важно какую пользу, какой результат он приносит городу и соответственно такое «поощрение» он получает. Горожанин, становясь частью городской общности, переносит на нее свои «территориально-родовые» обычаи и появляется понятие земляков, родившихся или проживающих в каком-то городе (москвичи, ленинградцы, ростовчане и др.). Однако надо подчеркнуть, что не каждый город формирует такую общность и более того, его рост и превращение в мегаполис приводит почти к полной ее утрате. Более того, как мы видим сейчас в Европе, неуправляемая миграция ничего кроме негативных последствий не приносит.

Система социально-экономического развития нашей страны, по нашему мнению, построена на слишком общих подходах в правовом и экономическом регулировании социальных и хозяйственных вопросов. При этом правовое регулирование на всех уровнях часто носит либо отвлеченно-формальный характер (некое субъективное представление нормотворца о предмете регулирования), либо излишне мелочный и конкретизированный характер (например, в местном самоуправлении), что приводит местные органы власти и население к фактической демотивации участия в процессах социально-экономического развития городов и сельских населенных пунктов или, что еще хуже, к негативным последствиям в виде приоритета частных интересов и коррупции.

И в заключении – самый главный вопрос: так уж ли нужны город и государство человеку? Всего на Земле насчитывается около ста диких племен, не

вступающих или редко вступающих в контакт с внешним миром. Они почему-то «не рвутся» строить города, создавать государство, может потому что они им не нужны? Это наводит на мысль о том, что городская цивилизация и соответственно государственность не является обязательной и естественной формой жизни на Земле, а только необходимым условием и направлением научно-технического прогресса. И возникает другой естественный вопрос – чего больше НТП дает человеку – пользы и добра или вреда и зла?

И что делать теперь: уходить от государства как формы насилия меньшинства (государственного аппарата) над большинством населения или создавать новую общественно-самоуправляемую форму управления суверенными территориями?

Литература:

1. Лазарев В.В. Поиск государства (научно-публицистическое эссе) // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 2 (20). С. 153-167.
2. Бюхер К. Больше города в их прошлом и настоящем/ в сборнике статей: Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение. – С.-Пб.: Книгоиздательское т-во «Просвещение», 1905.
3. Лаппо Г.М. Формирование сети городов на территории России // Проблемы урбанизации на рубеже веков / ответ. ред. А.Г. Махрова - Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 19-34.
4. Санникова Т.О. Традиции и новации в процессах взаимодействия столицы и провинции // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований 2012. № 3. С. 74-83.
5. Рыбаков Б.А. Русский город (проблемы градообразования). Вып. 3. - М.: 1980.
6. Крогиус В.Р. Исторические города России как феномен ее культурного наследия. – М.: Прогресс-Традиция, 2009.
7. Радько Т.Н. Хрестоматия по теории государства и права / под общ. ред. И.И. Лизиковой. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2014.
8. Золин П. Культура и образование наших пращуров. (От античности к средневековью). – М., Высшее образование в России, 2001, №5. С. 125-138
9. Сассен С. Город как призма для социальной теории: новые исследовательские перспективы // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2013. Т. 13. № 4. С. 74-100.
10. Антология мировой правовой мысли. / В пяти томах. Т.1. М.: Мысль, 1999.
11. Грибовский В.М. Древнерусское право. Выпуск 1. Древнейший земско-княжеский период. – Петроград: Тип. «Двигатель», 1915.

12. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. – М.: Высшая школа, 2004.
13. Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города / Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием – Курган: ООО «Курганский Дом печати», 2015
14. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. – М.: Омега-Л, 2004. – С. 169.
15. Wirt. L. Urbanism, as way of life. In. R. Sennet // Classical essays in urban culture. Appleton Century Grofts. New York. 1969.
16. Россман В. Столицы. Их многообразие, закономерности развития и перемещения. – М.: Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, 2013.
17. Шефер Д. Политическое и стратегическое значение больших городов / в сборнике статей: Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение. – С.-Пб.: Книгоиздательское т-во «Просвещение», 1905.
18. Флорида Р. Новый кризис городов: джентрификация, дорогая недвижимость, растущее неравенство и что с этим делать? / пер с англ. – М.: ИГ «Точка», 2018.
19. Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. – М.-Л: Гос. изд-во, 1928.
20. Фан И.Б. Гражданин в контексте города: исторический смысл понятия // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН, 2003. № 4. С. 112-137.
21. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социологического прогнозирования / пер. с англ. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Academia, 2004.
22. Мартянов В.С. Сети городов как альтернатива государствам: уязвимая теория или реальное будущее? // PolitBook. 2016. №2. С. 73-86.

Туранин Владислав Юрьевич,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, доцент
(Белгород)

Подольский Александр Владимирович,
старший преподаватель кафедры «Международное право»
Тамбовского государственного технического университета
(Тамбов)

К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЛЬГОТНЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

«О праве часто и справедливо судят как о консервативном явлении, но дело еще в том, что в известных случаях оно открыто, осознанно, со всеобщего ведома или одобрения исключает новшества из различных сфер социальной жизни. Оно, например, обрушивает репрессии на головы тех политических новаторов, которые призывают, хотя бы на словах, к насильственному изменению конституционного строя, смене политического режима, сопротивлению властям. В силу своего предназначения право нередко поставлено перед необходимостью блокировать саморазвивающиеся «не в ту сторону» процессы, подавлять новое, когда оно, находясь за пределами закона, противоречит ему» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С.102).

Аннотация. В статье описываются параметры определения эффективности льготных правовых режимов (соответствие цели и востребованность). Делается вывод о том, что в качестве индикатора их эффективности могут выступать различные данные статистики. Отмечается, что особую роль в повышении эффективности льготных правовых режимов должны играть современные информационные технологии и искусственный интеллект.

Ключевые слова. Льготный правовой режим, мониторинг эффективности, правовое средство, искусственный интеллект, база данных.

Эффективность льготных правовых режимов зависит во многом от динамики развития общественных процессов. Поэтому, чтобы льготный правовой режим не превратился из средства общественного развития в средство деградации и не повлек деструктивные последствия, необходимо постоянно осуществлять мониторинг его эффективности. По итогам такого мониторинга

одни из них будут продолжать действовать, другие, возможно, прекратят свое существование, а третьи будут временно «выключены».

Определение эффективности льготных правовых режимов целесообразно вести по определенным параметрам. Можно выделить следующие параметры:

1. Соответствие льготного правового режима цели его введения. На определенном этапе льготный правовой режим может перестать способствовать достижению целей. Например, государственная поддержка многодетных семей предполагает выравнивание правового положения таких семей, способствуя устранению нуждаемости. Однако если доход такой семьи вполне достаточен для обеспечения должного уровня жизни, дальнейшее льготирование уже не целесообразно.

Утрата целесообразности дальнейшей работы льготного правового режима может проявляться и в отрицательном эффекте его функционирования. Так, социально значимый результат ряда льготных налоговых режимов для хозяйствующих субъектов может быть выражен в виде положительного экономического эффекта от интенсификации деятельности таких субъектов. Однако налоговые льготы всегда влекут выпадение дохода из бюджета. И если экономический эффект льготы ниже потерь бюджета, то налицо неэффективная льгота, подлежащая корректировке или отмене. К примеру, принятый в 2012 году Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 202-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» предусматривает поэтапную отмену льгот по налогу на имущество организаций в отношении линейных объектов инфраструктуры. Так, с 2013 года были отменены наиболее крупные налоговые льготы по налогу на имущество организаций в отношении железнодорожных путей общего пользования, магистральных трубопроводов, линий энергопередачи, сооружений, являющихся их неотъемлемой технологической частью, с постепенным увеличением ставки с 0,4% в 2013 году до 2,2% в 2019 году.

По оценкам Минфина России, выпадающие доходы от указанных льгот на момент их существования в 2012 году составляли около 85 процентов объема всех выпадающих доходов региональных и местных бюджетов от предоставления льгот на федеральном уровне по региональным и местным налогам. Таким образом, по окончании переходного периода, федеральные льготы по региональным и местным налогам уже в соответствии с принятыми решениями будут сокращены на 85 процентов [1].

2. Востребованность льготного правового режима. При должном информационном обеспечении льготного правового режима, отсутствие желающих им воспользоваться является показателем к «выключению» такого режима.

Необходимость отмены льготного правового режима также может быть продиктована отсутствием субъектов, на которых предполагалось его распространять. Например, в недалеком будущем, мы, к сожалению, неизбежно столкнемся с исчезновением такой льготной категории граждан, как участники Великой Отечественной Войны.

Льготный правовой режим придает гибкость всему механизму правового регулирования. Главное, чтобы он был своевременным и отвечал потребностям общества и проводимой государством правовой политике. В этой связи необходимо разработать некоторый механизм или алгоритм встраивания в систему правового регулирования льготных правовых режимов, а также их исключения из нее («включение» и выключение» льготных правовых режимов или отдельных элементов, входящих в их структуру – льгот, субъектов льготирования, условий действия, сфер и территорий распространения и т.д.).

Одним из таких механизмов является включение в нормативно-правовые акты, регулирующие льготный правовой режим, обязанности законодателя проверять его эффективность с определенной периодичностью и принимать соответствующее решение о целесообразности или нецелесообразности дальнейшего применения режима. Данный механизм, в большей степени, подходит для длящихся правовых режимов, например, для льготных налоговых режимов, распространяющихся на субъектов определенной деятельности.

В этой связи, небезынтересен механизм автоматического отключения льгот. Речь идет об автоматическом прекращении действия правовой нормы в случае ее неподтверждения. То есть, закон может перестать действовать через определенное количество лет. В Голландии, например, каждый законопроект имеет параграф, предполагающий пересмотр закона через три, четыре или пять лет [2, с. 293].

Льготный правовой режим как порядок регулирования, может содержать в себе правовые средства управления им. Во-первых, срок действия режима, который раскрывается через срок действия конкретных правовых норм, устанавливающих те или иные льготы. Во-вторых, может быть описан механизм трансформации льготного правового режима, когда в силу определенных юридических фактов изменяются условия использования льгот, субъектный состав режима, содержание самой льготы (совокупности мер по облегчению правового положения и степень такого облегчения) и т.д.

Индикатором для льготных правовых режимов могут быть статистические данные: миграция населения внутри и вне страны, степень насыщения рынка теми или иными товарами работами или услугами, демографические данные и т.д. К примеру, если согласно официальной статистике на рынке

определенного товара обнаруживается дефицит и рост импорта, целесообразно будет ввести или изменить уже имеющийся льготный правовой режим ведения хозяйственной деятельности для соответствующих отечественных производителей. Если согласно статистическим данным наблюдается отток населения из одного региона и приток его в другие, возможно понадобится льготный правовой режим проживания в определенной местности (он может включать определенные налоговые льготы, льготы по оплате жилищно-коммунальных услуг населением, льготное кредитование ипотеки и пр.). При приведении уровня населения в данном регионе к нужному балансу, данный льготный правовой режим можно будет отменить или временно «выключить». Причем механизм такого выключения будет прописан в нормативном акте, регулирующем режим. Скажем, режим перестает действовать автоматически, если по итогам предыдущего периода численность населения согласно статистическим данным выросла до нужного уровня.

Эффективность работы механизма правового регулирования вообще и льготных правовых режимов, в частности, сложно представить без цифровых технологий, прочно вошедших во все сферы жизни. Развитие информационно-правовых систем, средств и способов передачи данных уже вывело законотворческую и правоприменительную работу на качественно новый уровень. В этой связи одним из стратегических направлений дальнейшего совершенствования льготных правовых режимов является применение цифровых технологий. При помощи искусственного интеллекта становится возможным одновременное решение целого ряда задач, стоящих перед тем или иным льготным правовым режимом. Многочисленные базы данных, интегрированные друг с другом, позволяют в кратчайшие сроки находить и обрабатывать необходимую информацию, принимать оптимальные решения для достижения целей льготных правовых режимов. При помощи автоматизированных информационно-правовых систем обработка статистической и иной информации, необходимой для мониторинга эффективности льготных правовых режимов, происходит в самые короткие сроки. Это позволяет оперативно реагировать на малейшие изменения в жизни общества путем «включения» или «выключения» льготных правовых режимов, изменения их структуры, процесса их реализации. Существующие информационно-аналитические и автоматизированные системы работы с пользователями (например, портал государственных услуг Российской Федерации (<https://www.gosuslugi.ru>), личный кабинет налогоплательщика, личные кабинеты банковских онлайн-сервисов) позволяют оптимизировать работу заложенных в них механизмов интенсификации реализации прав и обязанностей субъектов.

Например, при помощи личного кабинета налогоплательщика пользователь, имеющий право на налоговый вычет, получает возможность, не выходя из дома подать, все необходимые документы (налоговую декларацию, заявление на предоставление вычета, подтверждающие документы и т.д.). Схожие механизмы целесообразно использовать в процессе функционирования и других льготных правовых режимов.

Искусственному интеллекту можно также доверить функции по автоматическому введению в правовой режим и выведению из него субъектов. Автоматизированное принятие решений позволит, во-первых, существенно сократить время их принятия, а, во-вторых, исключить влияние так называемого «человеческого фактора» из сферы льготирования. Это, в свою очередь, минимизирует коррупциогенность и другие негативные последствия бюрократизации правоприменительного процесса.

К примеру, в Приморском крае планируется ввести информационную систему по обеспечению льготными лекарствами. Доступ к информационной системе получают три категории пользователей. Первая – сотрудники регионального министерства здравоохранения, которые ведут закупки льготных лекарств. Вторая – медицинские учреждения. Третья – аптеки. Фармацевты смогут вести учет отпущенных рецептов, а также рецептов, находящихся на отложенном обеспечении и остатков лекарств. Кроме того, в новой системе будет нормативно-справочная база по лекарственным средствам [3].

Проактивный режим оказания государственных услуг с 2020 года планирует внедрять Пенсионный Фонд РФ для выдачи материнского капитала. Все необходимые сведения для выдачи материнского капитала Пенсионный фонд будет получать самостоятельно путем межведомственного взаимодействия. После рождения ребенка в Пенсионный фонд будут поступать сведения из Единого реестра записей актов гражданского состояния, в которых уже содержатся все необходимые сведения о ребенке и его родителях. Пенсионный фонд проверит, есть ли какие-либо ограничения, препятствующие выдаче сертификата. Если нет, то сертификат будет оформлен. Срок рассмотрения заявления о распоряжении материнским капиталом должен сократиться с 30 до 10 дней, а перечислять средства будут за пять дней, а не за 10 дней. Проект постановления проходит общественное обсуждение.

Безусловно, искусственный интеллект должен находиться под контролем человека. Любой сбой в работе информационно-коммуникационных систем может привести к коллапсу в работе правоприменительных органов. Однако поступательное внедрение информационных технологий в правоприменительный процесс способно повысить эффективность функционирования

всего механизма правового регулирования, вывести его на новый уровень цифровой генерации, отвечающий запросам современного общества.

Подводя итог, отметить, что льготный правовой режим нацелен на активизацию определенной деятельности там, где это необходимо и целесообразно. Эффективность льготного правового режима зависит от его востребованности, правильности технико-юридического оформления и соответствия цели. Грамотно подобранные правовые средства, придающие льготным правовым режимам гибкость, способность видоизменяться, трансформироваться в зависимости от ситуации, повышают их эффективность и исключают из механизма правового регулирования неэффективные режимы.

Литература

1. Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2016 год и плановый период 2017 и 2018 годов // СПС «Консультант плюс». Режим доступа:
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=183748&fld=134&dst=102041,0&rnd=0.575481935217639#023783750924271718> (дата обращения 21.12.2019).
2. Морозова И.С. Теория правовых льгот: дисс... доктора юрид. наук. Саратов, 2007. 450 с.
3. Бондаренко А. Таблетки в цифре // Российская газета. 2020, 25 февраля.

Алонцева Дина Викторовна,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина,
кандидат юридических наук, доцент
(Елец)

КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ АВГУСТИНА БЛАЖЕННОГО

«Религия есть необходимая форма освоения человеком внешнего мира, стоящая в одном ряду с наукой, искусством, литературой, этическим и правовым сознанием общества. Религиозное чувство рождается из духовной потребности верить, которая сродни потребностям индивида знать, исследовать, художественно самовыражаться, правильно вести себя в обществе и коллективе. Вместе с другими духовными факторами культуры религия формирует общий человеческий взгляд на мир...» (Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 406.).

Аннотация: Статья посвящена актуальным вопросам истоков идей теократической государственности одного из известнейших идеологов христианской церкви, жившего в период распада Византийской империи и формирования новой государственности Августина Блаженного (354-430 гг.). Сделан акцент на то, что одной из господствующих идей того периода была разработка концепции государственного устройства. Результаты проведенного исследования позволили автору реконструировать мировоззренческую позицию христианского теолога, великого мыслителя и отца церкви Августина Блаженного на сущность теократической государственности.

Ключевые слова: государственно-правовая мысль, взгляды на государство, общественное устройство, теократическая государственность.

Каждая эпоха государственного развития характеризуется своей трансформацией и деятелями, стоящими у истоков этих преобразований, происходит смена одних ценностей другими, по-новому строится система общественных взаимоотношений, изменению в этой связи подвергаются государство, общество, граждане. Византийская империя является ярким примером государства, которое затронули коренные изменения, повлиявшие ее на судьбу и, несомненно, выдающиеся деятели той эпохи, чьи взгляды и идеи могут быть полезны в наше время, поскольку Россия XXI в. вновь находится на историческом перепутье, связанным с отсутствием на конституционном государственной идеологии и навязыванием западной системы ценностей. Дабы Третий Рим не пал вслед за первым и вторым необходимо обращение представителей отечественной политико-правовой мысли к доктринам и деятелям прошлого. В этой связи, на наш взгляд, довольно интересными являются политико-правовые воззрения Августина Блаженного.

Как справедливо отметил Е.Н. Трубецкой «Блаженный Августин – одна из самых интересных исторических личностей <...> Августин есть во всех отношениях олицетворение той переходной эпохи V-го столетия, когда один, обветшавший мир рушится, а другой создается на его развалинах» [1, с. 36]. Центральной фигурой западного христианства, великим мыслителем и отцом церкви называли А. Блаженного русские дореволюционные исследователи Н.А. Зверев и Л.М. Лопатин [2, с. 26].

Августина Блаженный (354-430 гг.) – один из основоположников идеи теократической государственности, один из известнейших идеологов христианской церкви, чей жизненный путь пришелся на период распада Византийской империи и формирования новой государственности. Мировоззренческий путь Августина Блаженного складывался довольно сложно ввиду языческого

миропонимания его отца и христианского мирозерцания его матери. Родиной христианского теолога является Северная Африка, которая с одной стороны – страна пороков и разврата, с другой – Родина великих учителей церкви – Тертуллиана, святых мучеников Киприана и самого Августина [1, с. 36]. Идеалами общества, в котором воспитывался Августин Блаженный выступали языческие культы, смешение их осуществления с христианскими ценностями, ненависть к монахам и подвижникам, окружение из нравственно падших людей. Сознание ученого впитывало окружающую действительность, которая внутренне была ему противна. Вполне закономерно, что познав чуждую действительность, Августин Блаженный мирозерцал новым идеалам и ценностям.

Концепция государственного устройства в мировоззрении Августина Блаженного строится на довольно значимом принципе, под коим он оправдывал само существование государства как организацию «высшего града». Эта позиция становится основополагающей всей научной системы теолога, из которой он выдвигает идею о единственно справедливой форме государства – теократической.

Теократическая государственность в миропонимании Августина Блаженного – это «всестороннее господство божественного порядка над жизнью, как всемогущая церковь, властвующая над индивидом и обществом, как теократия, в которой мирское начало поглощено духовным» [1, с. 62]. Одной из идей, разделяемых Августином, была идея об идеальном «единстве мирового плана, от века, заключавшегося в божественном осознании» [1, с. 65].

Мирозерцание Блаженного Августина пришлось на период распада Римской империи. Как «спасти общество вопреки распаду государства», вот что интересовало мыслителей в тот период [1, с.110]. По сути, распад Рима связан с разрушением Рима – языческого и возникновением Рима – христианского, католического, зарождением «христианской идеи всемирного града Божьего, где христианская теократия торжественно возвещается как единственно истинный, нерукотворный вечный город» [1, с.111]. Более того, теократическая государственность в своей основе, по мнению Блаженного Августина базировалась на трех принципах, а именно как закон вселенной, принцип «архитектурного единства» церкви, содержание религиозной жизни личности и общества.

Рассуждая о теократии, Блаженный Августин задавался вопросом относительно государственно-церковных отношений, где начинается государство и где кончается церковь. По мнению Блаженного Августина, «становление Римской империи связано с распространением христианской идеологии, ко-

торая служит объединяющим государственным началом» [3, с. 179]. Поскольку становление христианского единства нового Рима происходило достаточно непросто, идеальным государством того периода считался идеал Града Божьего, где высшим принципом, определяющим отношения Бога к людям является не принцип «любви», а принцип законности, правопорядка.

Августин Блаженный, несомненно, считал, что для Римской империи лучше быть христианской, поскольку христианство автоматически не превращает земное государство в Град Божий.

Отдельного внимания в его творческом наследии стоит уделить вопросу соотношения двух градов: земного – государства и Града Божьего. Как отмечают исследователи трудов Августина Блаженного Н.А. Зверев и Л.М. Лопатин «совпадение государства в Град Божий все может совершиться лишь в немногие счастливые моменты земной истории, Град Божий все же по существу остается трансцендентным этому миру, остается странником во временной жизни» [2, с. 37]. Все ярче в теократической концепции Августина Блаженного прослеживается принцип «оправдания» существования государства. В частности, по его мнению, «исторический процесс – не соединение двух градов в единую хилиастическую теократию, а их отделение, земное государство оправдывается лишь «до времени», лишь пока человек является рабом греховной цепи необходимости и не достигает свободы и покоя в Боге» [3, с. 36]. Рассуждая о государстве, Августин Блаженный затрагивает вопросы, касающиеся государственной власти, призывая граждан их соблюдать.

Выстраивая концепцию теократической государственности, Августин Блаженный, начинает синтезировать отношения государства с другими социальными институтами, а частности с церковью. Церковь, по его мнению, выступает в государстве в качестве правового организма, наделенного определенной компетенцией, как «единство принудительное, насильственное». Тем не менее, Августин Блаженный «не мог чрезмерно оптимистично относиться к будущему римского государства как такового – не потому, что это Рим, а потому, что это государство, т.к. любое общество людей, кроме Града Божьего, является неотъемлемой частью земного града, обреченного на неизбежное крушение. Град Божий основывается не только на христианской теократии, но и на свободном человечестве как основе государственности» [3, с. 180].

Его идея относительно оправдания существования государства приобретает новые очертания, в его взглядах присутствует отрицание института власти, в частности «государство, имеет право на существование лишь по-

стольку, поскольку оно уходит в церковь» [1, с. 98]. Истинное назначение государства заключается в служении церкви и объединении граждан с позиции религии.

В поиске этимологического определения государства Августин Блаженный полемизирует с Цицероном, для которого государство является общим делом, представляющем интерес всего народа. Августин Блаженный возражает такой трактовке, полагая, что государства, не знающего справедливости и права, не может называться таковым. Справедливость в его понимании рассматривается с двух позиций, с объективной – как «правда Божия» и с субъективной как «праведность» [1, с. 99]. Рассуждая об идее справедливости, Августин Блаженный раскрывает ее значимость для истинного определения государственности.

Таким образом, феномен теократии рассматривался мыслителем сквозь призму оправдания существования самого государства. В попытках обоснования сущности государства Августин Блаженный применял христианскую интерпретацию государственного устройства как организацию «высшего града». Эта позиция становится основополагающей всей научной системы теолога, из которой он выдвигает идею о единственно справедливой форме государства – теократической.

Литература:

1. Трубецкой Е. Н. Философия христианской теократии в V веке // Вопросы философии и психологии. – М., 1891-1892. - Год II, кн. 9. С. 25-68; год II, кн. 10. С. 109-150; год III, кн. 13. С. 87-108; год III, кн. 14. С. 1-36.
2. Зверев Н.А, Лопатин Л.М. К вопросу о мирозерцании блаженного Августина // Вопросы философии и психологии. – М., 1893. №18(3). С.26-40.
3. Алонцева Д.В. Августин Блаженный об истоках теократической государственности в Византийской империи // Образование и право. 2019. № 6. С. 179-181.

Безуглая Анна Артуровна,
доцент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
кандидат юридических наук
Сорокина Екатерина Юрьевна,
студентка юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород)

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТОГЕНЕЗ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ ПРАВА

Статья подготовлена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ, номер проекта – МК-1377.2020.6, тема проекта «Интегральная роль взаимодействия палат парламента в обеспечении конституционного права на свободу слова», соглашение № 075-15-2020-411 от 16.03.2020.

«Юриспруденция являет собой противоположную в целом картину: для нее институты – это, прежде всего и главным образом, совокупность правовых норм, она упорно стремится выдерживать дистанцию между нормой и действительностью. Между тем это не всегда удается и далеко не во всех случаях бывает целесообразным» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 432).

Аннотация: В данной статье на основе анализа юридической доктрины была рассмотрена проблема юридического институтогенеза при формировании правовых институтов. В ходе исследования было установлено, что формирование новых правовых институтов выступает в качестве детерминанты для оформления новых отраслей права. Был сделан вывод о том, что для эффективного и качественного образования новых институтов права полномочным субъектам необходимо исходить из того, что любые нормативные изменения в законодательстве влекут за собой соответствующие преобразования в системе права. Определено, что основным субъектом юридического институтогенеза выступают палаты Федерального Собрания, которые путем взаимодействия формируют как систему законодательства, так и отдельные элементы системы права (или систему в целом).

Ключевые слова: институт права, юридический институтогенез, формирование правовых институтов, либертарианство.

Как известно, совершенствование системы современного законодательства, его адаптация под международные стандарты выступает одной из приоритетных задач государства, реализуемых через систему его органов. Такая «модернизационная» направленность государства обусловлена происходящими внутренними и внешними экономическими, социальными и политическими процессами. По справедливому замечанию Ф. Энгельса, «в современном государстве право должно не только соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть внутренне согласованным выражением, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий» [1, с. 303].

Происходящие в нормотворческом процессе преобразования влекут за собой как изменения системы права в целом, так и отдельных ее элементов, например, правовых институтов. Интерес к исследованию институтов права детерминирован, помимо прочего, тем, что они выступают «платформой» для формирования новых отраслей права, а, следовательно, для совершенствования российской системы законодательства.

В целях раскрытия темы исследования полагаем целесообразным обратиться к конституционно-правовой доктрине для выявления содержательных особенностей понятия «правовой институт/институт права». Анализ юридической теории явил, что среди исследователей нет единого мнения относительно дефинирования термина «институт права». При этом многие авторы рассматривают правовой институт в качестве совокупности или комплекса [2, с. 57-59] однородных норм [3, с. 94; 4, 5]. Как и любое правовое явление институт права характеризуется наличием определенной совокупности признаков. Так, по мнению Е.А. Джалиловой, к числу особенностей правового института следует отнести [6]:

- «комплексность», которая выражается наличием в институте права совокупности норм, объединенных общим предметом регулирования;
- сферу «воздействия», которая представляет собой область действия правового института;
- систематизацию «норм по предмету правового регулирования», которая характеризуется интегрированием в институте права однородных норм;
- «единство и законодательный замысел». По мнению автора, названные признаки неразрывно связаны друг с другом, что обуславливает комплексность их исследования. Институт права объединяет «воедино нормы» исходя из общности «законодательного замысла». В качестве примера полагаем уместным привести деятельность палат российского парламента при формировании правовых норм для института прав и свобод человека и гражданина. Деятельность палат Федерального Собрания направлена, в том числе,

на «укрепление» постулата о признании человека, его прав и свобод в качестве высшей ценности (ст. 2 Конституции Российской Федерации [7]);

– «структурность», которая выражается в наличии в рамках института права определенной внутренней логической структуры;

– корреляция правового института от конкретного вида общественных отношений, которая проявляется в эвентуальном образовании института права в зависимости от возникновения «нового вида общественных отношений».

Исходя из названных выше признаков института права, полагаем возможным сделать некоторые выводы и обобщения. Во-первых, формирование новых институтов права, объединенных общим предметом правового регулирования общественных отношений, выступает в качестве детерминанты для оформления новых отраслей права. Во-вторых, правовой институт характеризуется регулированием однородных общественных отношений, объединенных общим видом. В-третьих, следует подчеркнуть взаимозависимость формирования нового правового института от появления нового вида общественных отношений.

Отметим, что к числу основных проблем в сфере совершенствования и образования правовых институтов в современном обществе, как справедливо отмечал Г.В. Мальцев, следует отнести обеспечение легитимности всех участников, «создающих» правовые институты [8, с. 7]. Данная проблема затрагивает таких участников как: формирующих институты права путем принятия новых норм (например, законодательные органы государства), конструирующих их, а также отвечающих «за качество институтов и соответствующее их действие в определенной сфере применения» [8, с. 7]. В данном случае речь идет о «юридическом институтогенезе», под которым автор понимал определенный круг субъектов, правомочных на принятие нормативных правовых актов, направленных на формирование новых институтов права [8, с. 7-8]. К числу таких субъектов отнесено государство в лице своих органов. Полагаем возможным определить в качестве участника юридического институтогенеза палаты Федерального Собрания, которые реализуют, прежде всего, законотворческую функцию государства. Федеральный парламент конституционно определен в качестве органа, реализующего законодательную функцию государства (ст. 94 Конституции России). Посредством взаимодействия своих палат российский парламент формирует как систему законодательства, так и систему права (в целом или отдельные ее элементы).

Как было отмечено ранее, формирование институтов права неразрывно связано с протекающими в общественной жизни процессами. По справедливому замечанию С.В. Ермоленко, образование новых правовых институтов

выступает в качестве ответной реакции законодателя на происходящие изменения [9, с. 3-4]. Среди причин развития законодательства России, а как его следствие – появление новых правовых институтов – автор выделяет «общемировые интеграционные процессы». Соглашаясь с позицией автора, отметим, что формирование правовых институтов коррелирует с происходящими преобразованиями как внутри страны, так и за ее пределами.

Для эффективного и качественного образования новых институтов права полномочным субъектам необходимо исходить из того, что любые нормативные изменения в законодательстве влекут за собой соответствующие преобразования в системе права. Они могут как положительно сказываться на компонентах правовой системы (например, формирование новых институтов права, таких как институт свободы слова [10, с. 30]), так и отрицательно – в виде «диссонанса» в ходе реализации этих норм субъектами правоприменения.

Следует отметить, что деятельность государственных органов в качестве основного участника при формировании правовых институтов в своем существовании претерпела период либертарианства [11, 12, 13]. Г.В. Мальцев отмечал, что после столкновения России с западными идеалами свободы появилось такое понятие как либертарианство. Автор полагал, что реформы, которые были проведены в России в период постсоциализма, представляли собой попытку осуществить «либертарианский проект экономического развития» [8, с. 8-10], который в свою очередь представлял некий эксперимент, так как ни в одной из стран он не был осуществлен. Эти изменения выразились в борьбе с командно-административными методами «государственного руководства экономикой», появлением «институтов приватизации, дерегулирования» [8, с. 9]. Следует подчеркнуть, что основой либертарианской идеологии выступает полный отказ государства от экономического и социального сегментов и дальнейшая передача государственных полномочий в данных сферах частным корпорациям. На практике теория либертарианства не получила желаемого для ее последователей результата. Полагаем, что данное обстоятельство связано, помимо прочего, с отсутствием у частных организаций заинтересованности в улучшении социальных аспектов жизни граждан, а также с направленностью их деятельности исключительно на материальное обогащение граждан.

Подводя итог исследованию, полагаем возможным сделать некоторые выводы и обобщения. Во-первых, формирования новых правовых институтов, выступает в качестве детерминанты для оформления новых отраслей права. Во-вторых, для эффективного и качественного образования новых институтов права полномочным субъектам необходимо исходить из того, что

любые нормативные изменения в законодательстве влекут за собой соответствующие преобразования в системе права. В-третьих, основным субъектом юридического институтогенеза выступают палаты Федерального Собрания, которые путем взаимодействия формируют как систему законодательства, так и отдельные элементы системы права (или систему в целом).

Литература:

1. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. 5-е изд. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2000.
2. Кулапов В.Л., Потапенко Е.Г. Теоретические основы правовой интеграции: монография. М., 2011.
3. Дембо Л.И. О принципах построения системы права // Советское государство и право. 1956. № 8.
4. Ерзнкян Б.А. Исследование институциональных понятий и характерных особенностей формальных и неформальных институтов // Вестник Университета (Гос. ун-т управления). 2012. № 20. С. 76-83;
5. Благодир А.Л. О понятии, свойствах и структуре системы права // Вестник Вятского гос. гуманитар. ун-та. 2011. № 2-1. С. 84-91.
6. Джалилова Е.А. Проблемы определения понятия и сущности института права // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2018. № 2. С. 23-24.
7. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 5.02.2014 г. № 2-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 9. Ст. 851.
8. Мальцев Г. В. О формировании институтов права // Социология власти. 2009.
9. Ермоленко С.В. Система законодательства Российской Федерации (вопросы теории и практики): автореф. диссер. ... канд. юрид. наук, Волгоград. 2006.
10. Плясунов В.В. Особенности эволюции свободы слова в России // Философия права. 2017. № 2 (81).
11. Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 137–405.
12. Rothbard, M. For a New Liberty. The Libertarian manifesto. N. Y., 1978. P. 225– 227;
13. Newmann, S.L. Liberalism at Wit's end. The Libertarian revolt against modern State. Ithaca and London, 1984. P. 86–87.

Косолапова Наталья Александровна
доцент кафедры теории и истории государства и права
юридического института НИУ «БелГУ»,
кандидат юридических наук
(Белгород)

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА АКТОВ КОНСТИТУЦИОННЫХ СУДОВ (НА ПРИМЕРЕ НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН)

«Возможно, что сама судебная система не испытывает потребности в том, чтобы человек, признанный стороной в процессе, мог активно состязаться с другой стороной и в случае успеха был бы обязан самому себе. В правовых традициях западноевропейской культуры всегда выделялся взгляд на судебный процесс как на занятие юристов, к которому дилетанту делать нечего; он, т.е. дилетант должен платить и платить, чтобы получить что-то от правосудия» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 638).

Аннотация. Автором, исходя из значимости деятельности конституционных судов, предложен сравнительно-правовой анализ нормативно-правовых актов, регулирующих порядок принятия и правовой характер актов данных органов. На основе изучения правового закрепления деятельности конституционных судов сделаны выводы, что акты конституционных судов, обладая такими признаками, как: возможность отмены правовой нормы; окончательный характер; обязательность исполнения для всех органов государственной власти, организаций и граждан; и моральный авторитет, выполняют правотворческую функцию, устанавливают правила, регулирующие важные отношения в обществе и играют особую роль в обеспечении и охране основных прав и свобод человека и гражданина рассмотренных в данной статье стран.

Ключевые слова: конституционный суд, решение суда, правовые акты, судебная система, судебная власть, конституция.

Основной целью возникновения конституционных судов является создание специализированного органа судебной власти для обеспечения исполнения Конституции, выходящего за рамки традиционной структуры судебной власти. Так, конституционные суды выступают гарантом конституционной защиты и контроля [1] не только в России и Европе, но и даже при авторитарных режимах (например, в Египте).

Конституционный суд Германии был первым органом, имеющим полностью новую конституционную юрисдикцию в послевоенной Европе. Кассационная функция процедуры рассмотрения конституционных жалоб оставалась не четко сформулированной: более важной была функция так называемого «убеждения» или «руководства», в соответствии с которой Суд определял порядок толкования и применения конкретной правовой нормы, а специализированные судебные органы добровольно следовали бы такому толкованию. Конституционный суд, имея последнее слово в случае возникновения разногласий, более не претендовал на монополию в применении норм Конституции, а скорее выступал в качестве координатора этого процесса [2]. Конституционный суд Германии действует на основе Конституции, принятого в 1951 г. Закона о Федеральном конституционном суде [3] (с последующими поправками, в частности 1969, 1993 гг.) и регламента (принятого в 1986 г. и пересмотренного в 1989 г.). Решения принимаются большинством голосов. Что касается характера решений Суда, то Конституционный суд может признать юридическую норму недействительной, но это решение может быть пересмотрено. При этом также Суд может признать, что правовая норма не соответствует Конституции, но в этом случае норма остается в силе до ее пересмотра законодателем. Конституционный суд устанавливает срок такого пересмотра (пункты 31 и 79 Закона о Конституционном суде). При признании недействительным решение суда общей юрисдикции, Конституционный суд передает это дело в другой суд.

Конституционный суд Литовской Республики гарантирует верховенство Конституции в правовой системе, а также конституционную законность путем принятия решения о соответствии законов и других актов Конституции. Согласно статье 59 Закона о Конституционном суде Литовской Республики постановления Конституционного суда являются окончательными и не подлежат обжалованию [4]. Только Конституционный суд Литовской Республики может официально толковать свои постановления, заключения или решения по просьбе лиц, участвовавших в деле, а также иных заинтересованных учреждений или лиц. Решение о толковании постановления, заключения или решения Конституционного суда принимается на заседании Конституционного суда отдельным документом, который подлежит официальному опубликованию в порядке, установленном Законом о Конституционном суде. В данном толковании должно быть раскрыто содержание решения без изменения общего смысла документа. Пересмотр постановлений, выводов и решений Конституционного суда Литовской Республики возможен в случаях, если возникли новые существенные обстоятельства, о которых не было известно Суду в момент вынесения решения.

В Словении Конституционный суд является независимым и автономным государственным органом, осуществляющим конституционный контроль. Суд является высшим органом судебной власти по защите прав человека и основных свобод и гарантом конституционности и законности. По отношению к другим органам государственной власти Конституционный суд является автономной и независимой государственной властью [5]. Решения Конституционного суда имеют обязательную силу, но несмотря на их значимость для правоприменения, Конституционный суд Словении не дает никаких дополнительных разъяснений своих решений.

Деятельность Конституционного суда Италии (Corte Costituzionale) имеет ряд особенностей. Следует отметить, что процедура рассмотрения индивидуальных жалоб отсутствует, однако существует система так называемых «правовых вопросов», с которыми обращаются суды общей юрисдикции. Такие «вопросы» могут касаться только тех законодательных положений, которые являются основой решения суда по рассматриваемому делу. После постановки вопроса Конституционный суд принимает решение о конституционности упомянутого положения, и постановление Суда становится частью правового основания. Однако с первых лет своего существования Конституционный суд Италии старался избегать принятия решения о неконституционном характере правовых актов. Вместо отмены закона, Суд стремился разработать такое его толкование, в котором конституционность правовой нормы решалась бы не в абсолютном выражении, а в связи с конкретным случаем правоприменения [2]. Но данное толкование, отличаясь от традиционно принятого в судебной практике, сильно подрывает авторитет Конституционного суда Италии.

Таким образом, особый статус актов конституционных судов определяется тем, что конституционные суды [6]:

- обязаны в решениях сохранять независимость, несмотря на любое давление со стороны других ветвей власти, учреждений, средств массовой информации, общества или отдельных заинтересованных групп;

- должны проявлять инициативу в разъяснении роли своих решений обществу, осознавая их общественную значимость;

- должны быть последовательными в принятии решений и использовании имеющихся в их распоряжении средств судебной защиты, действуя одновременно в качестве самого сильного демократического механизма и обеспечивая соблюдение прав и свобод граждан и прав человека в целом.

Литература

1. Louis Favoreu. Constitutional Review in Europe // Constitutionalism and Rights. Columbia Univ. Press, 1989.
2. Lech Garlicki. Constitutional courts versus supreme courts // International Journal of Constitutional Law, Volume 5, Issue 1, January 2007, Pages 44-68.
3. Gesetz über das Bundesverfassungsgericht vom 12. März 1951 [Statute on the Federal Constitutional Court in the version of 12 March 1951], BVerfGG, BGBI. I at 243.
4. Law on the Constitutional Court of the Republic of Lithuania // Электронный ресурс. URL: <https://www.lrkt.lt/en/about-the-court/legal-information/the-law-on-the-constitutional-court/193> (дата обращения: 10.04.2020).
5. Constitutional Court Act of Slovenia // Official Gazette of the Republic of Slovenia, № 64/07.
6. Andrew Harding. The Fundamentals of Constitutional Courts // Constitutional Brief. International IDEA (Institute for Democracy and Electoral Assistance). April, 2017 // Электронный ресурс. URL: <https://www.idea.int/sites/default/files/publications/the-fundamentals-of-constitutional-courts.pdf> (дата обращения: 10.04.2020).

Кротов Андрей Владиславович,
кандидат юридических наук
(Нижний Новгород)

ВИДЫ И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ ПОДОТРАСЛИ ПРАВА ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

«В советской правовой науке сложилась традиция, согласно которой юридический институт рассматривается как структурный элемент системы права, включенный в свою очередь, в состав отраслей и подотраслей... Это обстоятельство законсервировало проблему юридических институтов на уровне формального и структурного анализа, затруднило в определенной степени изучение свойств и возможностей институтов в качестве регуляторов общественных отношений» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 395).

Аннотация. В статье на основе анализа доктринальных подходов к трактовке правового института, института права, подотрасли права и др. рассматриваются виды и основные характеристики правовых институтов подотрасли частной жизни. Сделан вывод, что правовые институты, входящие

во внутреннюю систему подотрасли права частной жизни, обладают своим специфичным наполнением в различных системах права и правовых семьях и в преломлении факторов общей глобализации прогрессируют.

Ключевые слова: система права, правовой институт, подотрасль права, подотрасль права частной жизни.

Исследуя категорию «правовой институт», Г.В. Мальцев обоснованно отмечал, что: «правовой институт – это центральный элемент системы права, состоящий из совокупности правовых норм, регулирующих однородную группу общественных отношений. Ему свойственна однородность фактического содержания, юридическое единство правовых норм, нормативная обособленность и полнота регулируемых отношений» [1, с. 150]. По мнению О.Е. Кутафина, «институт права – это группа правовых норм, которыми в пределах отрасли регулируется определенный вид однородных общественных отношений» [2, с. 112]. Кельзен Г. считал, что правовой институт – это комплекс правовых норм (иными словами, «комплекс юридических обязанностей и субъективных прав в особом техническом смысле» [3, с. 124]). По словам О.С. Иоффе, субинститут права – это «тот же институт, только входящий в другой более широкий институт, в свою очередь подотрасль права – это объединение институтов (само являющее институтом), достигшее такой степени укрупнения, что у него обособляется своя общая часть» [1, с. 57].

Институт права обладает особым предметом правового регулирования (выделяются также такие признаки института права как «наличие в юридическом образовании не одной, а совокупности правовых норм; взаимосвязь закрепленных в нем правил поведения (связь, обусловленную обычно или единством регулируемых ими общественных отношений, или направленностью воли законодателя на придание им содержания, отвечающего интересам доминирующих в обществе слоев населения); комплексный характер регулирования норм права общественных отношений; тождественность, однородность или иная взаимосвязь регулируемых правовыми нормами общественных отношений» [4], особый метод правового регулирования), как отмечается в научной литературе, однородными при рассмотрении предмета юридического института «должны считаться такие общественные отношения, которые в своей совокупности образуют социальное явление, обладающее новым качественным содержанием» [5]. Ценность института права представляется, и здесь мы всецело поддерживаем мнение Г.В. Мальцева, заключается в возможности обеспечить «беспробельность регулируемых им отношений. По этой причине любой

институт права выполняет свойственную только ему регулятивную задачу и не входит в коллизию с иными структурными элементами системы права» [1, с. 150]. В свою очередь, институты права, в состав которых входят подинституты (субинституты) права, принято называть сложными, а все остальные институты права называют простыми. В делении системы права на институты, субинституты, отражается более прикладная направленность, меньшая догматизированность, что, логично, в значительной мере снижает риски [6; 7] в сфере реализации конституционных прав человека.

Правовые институты, субинституты, являются элементами системы права, они включены в более крупные правовые образования, такие как отрасль/подотрасль права (в качестве подотрасли права, как указывал Г.В. Мальцев, следует понимать «объединение нескольких институтов одной отрасли права. Только крупные и сложные по своему составу отрасли права включают не только институты права, но и подотрасли права» [1, с. 151]), интегрированы между собой и в комплексе обеспечивают правовое регулирование общественных отношений, составляющих предмет соответствующей отрасли/подотрасли права.

Своя специфика присутствует и в институтах подотрасли права частной жизни (под которой мы предлагаем понимать правовое образование в системе конституционного права, представляющее собой взаимообусловленное и взаимосвязанное единство общественных отношений по поводу сохранения и развития персональных свойств личности и норм права, регулирующих такие отношения).

Нами выделяются, с определенной долей условности, следующие правовые институты во внутренней системе подотрасли права частной жизни:

- Институт права на неприкосновенность частной жизни. Он регулирует общественные отношения по обеспечению режима неприкосновенности сферы частной жизни (защите от вторжения из вне) и включает в себя субинститут права на неприкосновенность жилища (регламентирует общественные отношения по обеспечению защиты жилища от вторжения в него против воли проживающего в нем лица, создает условия для реализации режима неприкосновенности сферы частной жизни в жилище).

- Институт права на религиозную идентичность. Он регламентирует общественные отношения по осознанию индивидуумом собственной «вероисповедной принадлежности», включает в себя осознание принадлежности к религиозному сообществу, соотнесение с религиозными представлениями, системой ценностей, норм и иное.

- Институт права на создание и развитие семейных отношений (как верно отмечают М.В. Мархгейм и М.Б. Смоленский [4, с. 208], семья является

институтом, обеспечивающим первичное пространство частной жизни). Он регулирует общественные отношения, связанные с формированием социальной общности (коллективного субъекта действий), члены которой объединены общей целью, в основе ее находятся близкие личностные связи, и включает в себя субинститут права стать родителем (регламентирует общественные отношения, относящиеся к рождению и зачатию ребенка (генетический родитель), усыновлению), субинститут права на создание однополых союзов (в ряде зарубежных стран) (регулирует общественные отношения по созданию семьи однополыми партнерами, включает в себя юридическое оформление отношений между партнерами), субинститут гендерной идентичности (регламентирует общественные отношения по самостоятельному определению лицом своего пола, включает в себя возможность проживания с предпочитаемой гендерной идентичностью и юридического признания в этом качестве).

– Коммуникационный институт права частной жизни. Он регулирует общественные отношения, связанные с оборотом информации о частной жизни и включает в себя субинститут права частной жизни в киберпространстве (регламентирует общественные отношения по обороту информации о частной жизни в киберпространстве).

Перечисленные нами правовые институты, входящие во внутреннюю систему подотрасли права частной жизни, обладают своим специфичным наполнением в различных системах права и правовых семьях (западном, мусульманском, постсоциалистическом (страны восточно-христианского мира) и иных), и в преломлении факторов общей глобализации [8; 9, 10] прогрессируют, формируются дополнительные элементы (как результат общественного запроса на необходимость включения права в качестве особого социального регулятора элементов частной жизни). Это, в частности, подтверждается следующим выводом Европейского суда по правам человека в Постановлении от 13.01.2015 г.: «Исходя из недавних постановлений (суда) можно предположить, что защита личной жизни должна отождествляться с общей свободой принятия решений в персональных или личных вопросах. Следовательно, понятие «личной жизни» постепенно трансформируется в общую свободу действий, понятие, которое известно, как *Allgemeine Handlung sfreiheit* в немецкой правовой науке» [11]. Так называемый принцип «общей свободы поведения» отражен в формулировке п. 1 ст. 2 Конституции ФРГ «Каждый имеет право на свободное развитие своей личности в той мере, в какой он не нарушает прав других и не посягает на конституционный строй или нравственный закон».

Литература:

1. Правоведение: Учебник / Под общ. ред. Г. В. Мальцева. М.: Изд-во РАГС, 2003. 584 с.
2. Основы государства и права: Учеб. пособие для поступающих в юридические вузы / Под ред. академика О.Е. Кутафина. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2001. 510 с.
3. Ганс Кельзен Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб, 2015. 410 с.
4. Смоленский М.Б. Конституционное право Российской Федерации: учебник / М.Б. Смоленский, М.В. Мархгейм. Ростов на Дону, 2007. 445 с.
5. Сулейменов М. Право как система. М., 2016. 178 с.
6. Kornuyushkina A. Y. et al. Minimization of human rights risks: the constitutional legal experience of post-soviet states // Turkish online journal of design art and communication. 2017. Т. 7. С. 352-356.
7. Новикова А.Е., Мархгейм М.В. Минимизация правозащитных рисков: конституционные версии федеративных государств Европы // Право и современные государства. 2013. №. 6. С. 16-21.
8. Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. М., 2014. 210 с.
9. Макогон Б.В. К вопросу о сущности глобализации // Закон и право. 2012. №. 6. С. 29-32.
10. Макогон Б.В. Тенденции развития национального законодательства в условиях глобализации // Бизнес в законе. Международный экономико-юридический журнал. 2012. № 2. С. 32-35.
11. Постановление ЕСПЧ от 13.01.2015 г. (Жалоба № 61243/08) по делу Элберте (ELBERTE) против Латвийской Республики // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 3(15).

Никонова Людмила Ивановна

доцент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
кандидат юридических наук, доцент

Колосов Глеб Юрьевич

студент юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ МЕХАНИЗМА МИРОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ООН

«Создавая юридические нормы и институты, законодатель выступает как творец, утверждающий должное, продвигающий социальные идеалы и ценности, поддерживающий стратегические целевые установки общества, которые вследствие своей функциональности и долговременности приобретают ценностный характер» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 397).

Аннотация. В статье отражена современная структура органов Организации Объединенных Наций, курирующих вопросы обеспечения международного мира и безопасности. Характеристика институциональной структуры приведена с учётом проводимой в последние годы реформы, затронувшей систему организации и управления миротворческими операциями ООН по поддержанию мира.

Ключевые слова: миротворческие операции ООН, поддержание мира, вооруженный конфликт, Совет Безопасности ООН, ДПВМ, ДМО, ДОП.

Важной и значительной частью международно-правового механизма миротворческой деятельности ООН является его институциональная составляющая, позволяющая создать систему взаимодействия между различными компонентами миротворческой деятельности и обеспечить согласованность управления и эффективность проведения миротворческих операций ООН.

В соответствии со ст. 24 Устава ООН мировое сообщество главную ответственность за поддержание мира и безопасности возложило на Совет Безопасности ООН (СБ) [1], поэтому он является главным органом ООН, уполномоченным принимать решения о проведении миротворческих операций, а также осуществлять управление ими. В тоже время ст. 99 Устава предоставила Генеральному секретарю ООН право доводить до сведения СБ информацию о любых фактах, которые, по его мнению, могут угрожать международному

миру и безопасности. Соответственно, в случае возникновения или обострения существующей конфликтной ситуации в любой точке мира Генеральный секретарь сообщает Председателю СБ о готовности Секретариата довести до членов Совета поступившие сведения. В зависимости от остроты конфликта СБ устанавливает формат рассмотрения вопроса: открытый, закрытый или рабочий [2, с. 60].

Наиболее часто используется рабочий формат, означающий созыв консультативного заседания СБ, предполагающий присутствие субъектов ООН, курирующих вопросы обеспечения мира и безопасности (Генерального секретаря, заместителей Генсекретаря, возглавляющих соответствующие Департаменты в составе Секретариата и др.); правительства потенциальной принимающей страны; представителей тех стран, которые могли бы предоставить воинские и полицейские контингенты для операции; участников региональных и межправительственных организаций.

Если решается вопрос о проведении новой операции в пользу мира, то «Генеральный секретарь рассылает уведомления государствам-членам ООН с предложением делать заявки на участие в миротворческой операции путем выделения национальных контингентов (военного, полицейского, гражданского) и начинает переговоры с заключением соответствующих соглашений» [3, с. 135]. Параллельно идет разработка схемы мандата будущей операции с определением задач, которые должна решить миротворческая миссия.

Наряду с этим разрабатывается общий политический поход к разрешению конфликта, учитывая мнения конфликтующих сторон (если это возможно), оценку региональных организаций и соседних заинтересованных государств. В это же время идет распределение обязанностей между различными участниками, среди которых соответствующие органы ООН, международные финансовые организации и т.д.

Если возможно обеспечить безопасность, то для проведения технической оценки в места предполагаемых будущих или действующих миротворческих операций ООН направляются специальные миссии. Значение таких миссий заключается в формировании адекватной картины положения дел в районе конфликта, в анализе общей ситуации и оценке политической, военной и гуманитарной обстановки. На основе выводов и рекомендаций миссии из «горячей точки» Генеральный секретарь представляет доклад СБ ООН, в котором излагаются варианты развёртывания операции с обоснованием численности необходимого контингента и объема предполагаемых материальных ресурсов.

Учитывая характер современных конфликтов, для развертывания операций ООН с целью вмешательства во внутренние дела государств «технические» миссии должны предоставить всестороннюю оценку ситуации. Обязательными условиями легитимности предпринимаемых ООН действий по поддержанию мира в отношении таких операций являются: «угроза интернационализации внутреннего конфликта; возможность вовлечения в него соседних государств; массовая гибель гражданского населения; потоки беженцев из зоны конфликта; угроза голода, эпидемий, крупномасштабных экологических катастроф; угроза демократическим нормам и правам человека на данной территории; угроза распространения ядерного оружия или других типов оружия массового поражения» [4].

Если миротворческая операция ООН в пользу мира, по мнению СБ, выступает наиболее подходящей мерой, то резолюцией СБ официально санкционируется ее развертывание. При этом обязательно учитываются следующие факторы: готовы ли стороны к мирному урегулированию конфликта, выполняется ли ими соглашение о прекращении огня, возможно ли сформулировать выполнимый мандат операции ООН, возможно ли в мандате учесть политическую составляющую конфликта и обеспечить защиту и безопасность персонала ООН, в частности, получить гарантии от сторон или группировок в отношении защиты и безопасности персонала ООН и др.

В резолюции излагается объем мандата каждой конкретной операции, численность контингента, а также подробно указываются задачи миротворческих сил и ответственность за их выполнение, продолжительность операции, бюджет и ресурсы, которые в императивном порядке утверждаются Генеральной Ассамблеей ООН. Также может содержаться санкционирование применения силы военным контингентом ООН.

Назначение главы миссии, командующего военным контингентом и комиссара полиции осуществляет Генеральный секретарь ООН. За подбор персонала отвечают Департамент миротворческих операций (ДМО) и Департамент оперативной поддержки (ДОП). Одновременно глава миссии, ДМО и ДОП руководят планированием политического, военного, оперативного, материально-технического и административного аспектов операции.

Еще одним важным инструментом, учрежденным в 1965 г., является Специальный комитет (ГА ООН) по операциям по поддержанию мира. В отличие от Совета Безопасности он играет роль совещательного механизма, призванного рассматривать весь комплекс вопросов, связанных с проведением миротворческих операций и осуществлять теоретическую проработку направлений этой деятельности. Комитет отчитывается о своей работе перед

ГА ООН через ее Четвертый комитет (Комитет по специальным политическим вопросам и вопросам деколонизации) [2, с. 65].

Значительную роль в осуществлении миротворческой деятельности играет Генеральная Ассамблея ООН. В соответствии с Уставом в данной области она уполномочена: обсуждать любые вопросы, относящиеся к поддержанию международного мира и безопасности (п. 2 ст. 11); имеет право обращать внимание СБ на ситуации, которые могли бы угрожать международному миру и безопасности (п. 3 ст. 11); рекомендовать мирные средства разрешения споров (ст. 14) и несет ответственность за финансовый аспект миротворческой деятельности (п. 3 ст. 17) [5].

В 1990-х г. изменение международной обстановки и усложнение направлений миротворческой деятельности требовало соответствующих структурных преобразований в самой системе ООН. Поэтому в 1992 г. в составе Секретариата ООН были созданы: Департамент операций по поддержанию мира и Департамент по политическим вопросам.

В 2017 г. Генеральным секретарем ООН А. Гутерриш предложена реформа компонента поддержания мира и безопасности ООН, которая произвела структурные изменения в составе Секретариата ООН. Согласно докладу Генерального секретаря ООН [6] и принятой на его основе резолюции ГА ООН [7] реорганизация направлена на повышение прагматичности и слаженности работы органов ООН, отвечающих за поддержание мира и миротворчество и широкое взаимодействие всех компонентов этой системы.

В результате Департамент по политическим вопросам в 2019 г. был преобразован в Департамент по политическим вопросам и вопросам миростроительства (ДПВМ), который возглавляет Заместитель Генерального секретаря ООН. ДПВМ реализует несколько направлений деятельности:

- помощь в осуществлении превентивных действий по предотвращению развития конфликтов. С этой целью ДПВМ анализирует конфликтные ситуации в мире, планируя и поддерживая деятельность дипломатических посланников мира и руководя работой полевых политических миссий;
- помощь в оказании добрых услуг и посредничества для урегулирования конфликтов (включает Группу поддержки посредничества 2006 г. и Резервную группу экспертов по вопросам посредничества ООН 2008 г.). Например, члены Резервной группы как способны выдвигаться по первому требованию, так и осуществлять анализ и предоставлять консультативную помощь в рамках дистанционного обслуживания;
- миротворчество. С этой целью ДПВМ следит за политическими событиями в мире и готовит рекомендации Генеральному секретарю ООН по во-

просам предотвращения и урегулирования кризисных ситуаций, контролирует работу расположенных на местах политических миссий, занимается оказанием помощи в проведении выборов на постконфликтной стадии. Обеспечивает оценку потребностей в связи с проведением выборов и проводит консультации с соответствующими структурами ООН. Отдел по оказанию помощи в проведении выборов ДПВМ. Такая помощь предоставляется только в связи с конкретным запросом от соответствующего государства-члена или на основании мандата СБ или ГА ООН. Так, с 01.09.2017 г. по 31.07. 2019 г. ДПВМ оказал помощь более чем 50 государствам-членам в проведении выборов (техническое содействие, помощь в укреплении потенциала национальных органов по проведению выборов и др.) [8].

Еще в 2007 г. в результате реструктуризации Департамента операций по поддержанию мира, он был разделен на два: Департамент миротворческих операций и Департамент полевой поддержки.

Департамент миротворческих операций (ДМО) служит комплексным «центром передового опыта» проведения миротворческих операций ООН, отвечает за предотвращение и урегулирование конфликтов, за сохранение мира в странах, где проводятся миротворческие операции, при этом поддерживает контакты с СБ, государствами, предоставляющими войска и финансовую помощь, а также со сторонами конфликта [9].

ДМО включает в себя четыре главных управления:

- Управление операциями, занимающееся подготовкой для миссий директивных указаний по политическим, стратегическим и оперативным вопросам.
- Управление по обеспечению законности и безопасности – относятся вопросы по укреплению связей между полицией, правосудием и пенитенциарной системой, координация мероприятий по разминированию, разоружению, демобилизации и реинтеграции бывших комбатантов и реформированию сектора безопасности.
- Управление по военным вопросам обеспечивает развёртывание наиболее подходящих воинских контингентов для осуществления решения задач ООН и повышения действенности и эффективности военных компонентов миротворческих миссий.
- Отдел по вопросам политики, оценки и учебной подготовки. В данном отделе разрабатывается доктрина и план порядка работы миротворцев, оценивается применение политических мер, осуществляется сбор информации о наиболее эффективной практике и использование этих сведений в качестве ориентира при разработке, согласовании и предоставлении стандартизирован-

ной подготовки. Отдел также отвечает за налаживание и поддержание стратегического сотрудничества с различными партнерами в системе ООН и внешними партнерами.

Организация в рамках Секретариата Департамента полевой поддержки в 2007 г. была вызвана ростом миротворческой активности ООН, т.к. в этот период проводилось одновременно 18 миротворческих операций, а численность миротворцев достигла более 100 тысяч человек. Сегодня он носит название Департамент оперативной поддержки (ДОП) и осуществляет успешную «деятельность по стратегическому руководству и оперативной поддержке миротворческих операций ООН, включая набор персонал, управление реестрами, финансы, материально-техническое обеспечение, связь, информационные технологии, а также другие административные вопросы и вопросы общего управления» [10, с. 55]. Так, в 2019 г. совокупный годовой бюджет ДОП составил свыше 7 млрд. долларов США. Департамент занимается покрытием расходов на содержание негражданского персонала, численность которого в 2019 г. составила 131 тыс. человек и гражданского персонала численностью 24 тыс. человек на территории более 30 стран [11].

Несмотря на то, что еще в 1992 г. в Докладе Генерального секретаря ООН Б. Бутрос-Гали «Повестка дня для мира» [12] среди перечисленных видов деятельности ООН для поддержания международного мира указано миростроительство, более десяти лет ни один из органов системы ООН не отвечал непосредственно за данную область.

Учитывая этого в 2005 г. на Всемирном саммите члены ООН решили создать Комиссию по миростроительству. В результате согласно Резолюциям ГА и СБ ООН в 2005 г. [13] было санкционировано создание Комиссии по миростроительству, ставшей межправительственным консультативным органом, Фонда миростроительства и Управления по поддержке миростроительства. По мнению А.С. Мелькина, эти органы институционального механизма заполнили пробел за счет «систематического взаимодействия между операциями по поддержанию мира и постконфликтными операциями» [14, с. 176].

Согласно данным резолюциям в функции Комиссии входят: мобилизация ресурсов и подача рекомендации и предложений относительно комплексных стратегий постконфликтного миростроительства и восстановления нарушенной инфраструктуры в конфликтной зоне; содействие обеспечению деятельности по восстановлению устойчивых финансовых инвестиций в среднесрочной и долгосрочной перспективе; взаимодействие с региональными и субрегиональными организациями в целях обеспечения их участия в процессе миростроительства в соответствии с главой VIII Устава ООН; разработка пе-

редовых методов сотрудничества в политической сфере, области безопасности, гуманитарной сфере; политическое сопровождение и информационно-пропагандистская поддержка стран, пострадавших от конфликтов и др. [15, с. 20].

Фонд миростроительства выступает в качестве главного финансового инструмента, обеспечивающего поддержание мира и безопасности в постконфликтный период. Деньги в Фонд поступают за счет взносов государств-членов ООН, региональных организации, национальных многосторонних донорских целевых фондов и национальных организаций, созданных гражданским обществом. С момента своего создания 58 государств-членов ООН вносили взносы в Фонд, а с 2006 по 2017 гг. Фонд выделил 772 млн. долларов 41 стране-получателю.

Общее руководство и управление Фонда осуществляет глава Управления по поддержке миростроительства (в составе ДПВМ) под общим руководством Генерального секретаря. На основе ежегодного аналитического доклада, представляемого Генеральным секретарем ООН, и с учетом опыта, обобщенного Комиссией по миростроительству Генеральная Ассамблея направляет деятельность Фонда. [16, с. 86].

Большинство проектов Фонда ориентированы на наиболее уязвимые сферы общества и проблемы, которые могут привести к новой угрозе возникновения конфликтов. В первую очередь, это обеспечение прав человека, установление верховенства закона и права, содействие развитию межэтнических отношений, продвижение и реализация политики многоязычного общества и гражданского образования и др.

Для оказания помощи Комиссии в составе ДПВМ создано Управление по поддержке миростроительства, состоящее из квалифицированных специалистов, занимающихся координацией миростроительных усилий учреждений ООН, разработкой стратегических рекомендаций и руководящих указаний для оказания помощи в пострадавших от конфликтов странах и др.

Подводя итог, отметим, что в результате приводимых сегодня реформ институциональная составляющая механизма миротворческой деятельности ООН включает в себя: Совет Безопасности ООН, Генеральную Ассамблею ООН, Генерального секретаря и возглавляемый им Секретариат ООН, а также входящие в его состав Департамент по политическим вопросам и вопросам миростроительства, Департамент миротворческих операций, Департамент оперативной поддержки. Вспомогательную роль при осуществлении деятельности миссий ООН в постконфликтной зоне оказывают: Комиссия по миростроительству, Фонд миростроительства и Управление по поддержке миростроительства составе ДПВМ.

Литература

1. Устав ООН (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/>
2. Заемский В.Ф. Миротворческая деятельность ООН: опыт, механизмы, перспективы: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2005. 126 с. URL: <http://www.dslib.net/glob-razvitie/mirotvorcheskaja-deyatelnost-oon-teorija-i-praktika.html> (дата обращения: 05.04.2020).
3. Заемский В.Ф. Современные проблемы миротворческой деятельности ООН // Полис. Политические исследования. 2009. № 2. С. 130-138.
4. Корниленко А.В. Политико-правовые особенности осуществления миротворческой деятельности ее субъектами // Вестник университета. 2014. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politiko-pravovye-osobennosti-osuschestvleniya-mirotvorcheskoy-deyatelnosti-ee-subektami> (дата обращения: 03.04.2020).
5. Патлашинская И.В. Институциональные аспекты миротворческой деятельности // Studia Humanitatis. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-aspekty-mirotvorcheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 02.04.2020).
6. Доклад Генерального секретаря о реорганизации компонента мира и безопасности ООН (A/72/525) от 13 октября 2017 <https://undocs.org/ru/A/72/525>
7. Резолюция ГА ООН A/RES/72/199 от 19 января 2018 Реорганизация компонента мира и безопасности ООН. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/72/199>
8. Strengthening the role of the United Nations in enhancing the effectiveness of the principle of periodic and genuine elections and the promotion of democratization (A/74/285). URL: <https://dppa.un.org/ru/doklady-i-dokumenty>
9. Вместе и во имя реформы // Официальный сайт ООН. URL: <https://reform.un.org/ru/content/peace-and-security-reform>
10. Спирин Ю.П. Современные проблемы миротворчества ООН // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2010. № 4. С. 50-58.
11. Полевая поддержка / Операции ООН по поддержанию мира // Официальный сайт ООН. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/operational-support>
12. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН (A/55/305) S/2000/809 от 21 августа 2000 г. Доклад Группы по операциям ООН в пользу мира // Официальный сайт ООН. URL: <https://undocs.org/ru/A/55/305>
13. Резолюция ГА ООН A/RES/60/180 (2005) от 20 декабря 2005 г. // Официальный сайт ООН. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/60/180>
14. Мелькин А.С. Международно-правовые проблемы миростроительства ООН в постконфликтных государствах: дисс... канд. юрид. наук. – М., 2013.

188 с. <http://www.dslib.net/pravo-evropy/mezhdunarodno-pravovye-problemy-mirostroitelstva-oon-v-postkonfliktnyh.html> (дата обращения: 04.04.2020).

15. Хайруллин Э.Р. Реформирование миротворческой системы ООН (1992-2007 года) // Омский научный вестник. 2008. № 5. С. 18-21.

16. Степанченко А.А. Основные международно-правовые аспекты деятельности Фонда миростроительства ООН // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С. 84-89.

Нинчиева Тамила Магомедовна,
декан юридического факультета
Чеченского государственного университета,
кандидат юридических наук
(Грозный)

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

«Право, устанавливая нормативную связь между фактами, не просто предлагает, но предписывает форму действий, которая должна быть принята в бесспорном порядке всеми участниками юридического общения» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 536).

При характеристике понятия процессуальных норм следует сказать, что в общеправовой науке им уделено значительное внимание. В качестве примера вначале назовем коллективную монографию «Процессуальные нормы и отношения в советском праве (в «непроцессуальных» отраслях)» [1], в которой рассмотрена специфика процессуальных норм не только в «классических» отраслях права, но и в так называемых «непроцессуальных» отраслях. Процессуальные нормы в монографии определены, как установленные или санкционированные государством общеобязательные правила поведения процедурного характера, призванные регулировать общественные отношения [1, с. 25]. В целом, разделяя такую позицию, особенно в части их роли в правовом регулировании, вместе с тем, зададимся вопросом: почему только «процедурного» характера, а где же «процессуальность» таковых?

Заметим, что аналогичную позицию занимает и Е.Г. Лукьянова, когда пишет следующее: «Итак, под процессуальной нормой будем понимать установленное государством общеобязательное правило поведения процедурного характера, регулирующее общественные отношения, складывающиеся в сфере юрисдикционной и иной охранительной деятельности уполномоченных

субъектов» [2, 178-179]. То есть, по ее мнению, процессуальная норма – это правило процедурного (именно) характера.

В свою очередь, в диссертации Л.В. Колобковой, посвященной процессуальным нормам в российском праве, дается следующее определение процессуальных норм: это «издаваемые государством правовые предписания, направленные на регулирование общественных отношений, складывающихся в связи с необходимостью организовать процесс реализации материальных норм права, и заключающие в себе правила поведения (в том числе регламентирующие сроки, формы документов, виды принимаемых решений и т.д.) субъектов, специально уполномоченных государством на осуществление юрисдикционной и иной правоприменительной деятельности, а также других участников процесса» [3, с. 4-5]. Здесь автор высказывает точку зрения, согласно которой процессуальные нормы регулируют, как юрисдикционную, так и иную правоприменительную деятельность; отмечается их организующая роль.

Сошлемся и на мнение Л.Н. Борисовой, которая пишет: «... представляется возможным сформулировать следующее определение процессуальных норм права: процессуальные нормы права – это самостоятельный вид правовых норм, имеющий служебный характер и направленный на осуществление предписаний материальных норм посредством создания условий, наделения непосредственных участников отношения правами и обязанностями, позволяющими урегулировать спор без вмешательства юрисдикционных органов, а при негативном развитии правоотношения – определяющих порядок применения специальными государственными органами властных полномочий для урегулирования конфликта» [4, с. 11]. В этом случае процессуальные нормы выступают самостоятельным видом правовых норм и они определяют порядок применения соответствующих полномочий; то есть полномочий субъектов и участников юридического процесса, добавим мы.

Таким образом, приведенные (как и ряд других) точки зрения свидетельствуют о том, что процессуальные нормы являются разновидностью норм правовых, и они обладают такими же признаками, но со своей спецификой. По этому поводу сошлемся на такое мнение Н.А. Чечиной: «Специфика процессуальных норм не лишает их конструктивных качеств норм права, не исключает их из группы социальных норм и не изменяет ни одного из обязательных свойств правовой нормы» [5, с. 4]. Вместе с тем, она возражает против расширительного толкования юридического процесса и роли процессуальных норм права, считая, что такой подход «может послужить не на пользу и не для укрепления законности, а во вред, так как фактически приведет к растворению

процессуальных норм в правилах процедуры, а соответственно понизит требования и к их содержанию, и к их соблюдению, т.е. не будет способствовать укреплению законности» [6, с. 111]. В рамках настоящей статьи оставим без комментариев вторую часть высказанного суждения.

Итак, правовые нормы – это своего рода база, основа для изучения и норм процессуальных, их особенностей (признаков); о последних речь пойдет дальше.

Так, С.С. Алексеев видит специфическое назначение процессуальных норм в том, что они направлены, прежде всего, на урегулирование общественных отношений, складывающихся при принудительном осуществлении прав и обязанностей, установленных нормами материального права [7]. То есть процессуальные нормы направлены на правовое регулирование и имеют принудительный характер, что является их особенностью.

С учетом изложенного выскажем и собственную точку зрения, согласно которой признаками процессуальных норм являются следующие:

а) специфическое содержание. Как верно отмечается отдельными учеными, «нормы процессуального права отличаются от норм материального права по своему содержанию. Это отличие проявляется в своеобразии предписаний, содержащихся в процессуальной норме, в особенностях ее адресата и в некоторых моментах структурного построения процессуальной нормы» [8];

б) специфическая адресность процессуальных норм (ее целевая направленность), исходя из уже названного специфического содержания и структуры; эти нормы адресованы, прежде всего, субъектам и участникам юридического процесса [9, 10]. Заметим, что мы не являемся сторонниками распространенного в общетеоретической науке мнения, согласно которому процессуальные нормы вторичны по отношению к нормам материальным. Почему – это уже темы для отдельного исследования;

в) организующее начало процессуальных норм, поскольку они предназначены для организации и упорядочения правоприменительной деятельности, а также создания оптимальных условий для достижения целей юридического процесса;

г) процессуальные нормы имеют принудительный характер; это проявляется, к примеру, в применении в необходимых случаях мер процессуальной ответственности;

д) процессуальные нормы носят нормативный процессуально-процедурный характер, содержат в своей основе установленное процессуальным законом правило, определяющее порядок деятельности субъектов юридического процесса (принадлежность к процессуальному праву);

е) общеобязательность процессуальных норм, которая заключается в невозможности их игнорирования субъектами, а также иными участниками юридического процесса и обеспечивается мерами государственного принуждения;

ж) структурные особенности процессуальных норм. Хотя, как и структура материальных норм, они включают в себя гипотезу, диспозицию и санкцию, но для структуры процессуальных норм характерны определенные особенности, к примеру, при применении санкций;

з) процессуальные нормы отличаются своеобразием (оригинальностью) своих санкций. Это, как правило, отдельные предписания, обеспечивающие исполнение норм процессуального права. Достаточно распространены восстановительные санкции – такие, как признание недопустимым доказательства, полученного с нарушением закона, отмена процессуального акта, оставление заявления (жалобы) без движения и т.д.

Литература

1. Процессуальные нормы и отношения в советском праве (в «непроцессуальных» отраслях) / Под ред. И.А. Галагана. Воронеж, 1985. 208 с.
2. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М., 2003.
3. Колобкова Л.В. Процессуальные нормы в российском праве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2007.
4. Борисова Л.Н. Общая теория процессуальных норм: автореф. дис... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004.
5. Чечина Н.А. Нормы гражданского процессуального права и их применение. Автореф. дис... докт. юрид. наук. Л., 1965.
6. Чечина Н. А. Основные направления развития гражданского процессуального права // Проблемы защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1978.
7. Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы советского права. М., 1961.
8. Ляхова А.И. Особенности структуры процессуально-правовой нормы // Новое слов в науке: перспективы развития. 2016. № 8. С. 291-293.
9. Беляева Г.С. К вопросу о сущности процессуального правового режима // История государства и права. 2013. № 13. С. 62-64;
10. Тонков Е.Е., Туранин В.Ю. Независимая антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: проблемы осуществления и возможности их преодоления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 1 (20). С. 94-99.

Новикова Алевтина Евгеньевна,
доцент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРАМЕТР МИНИМИЗАЦИИ ПРАВООЗАЩИТНЫХ РИСКОВ: КОНСТИТУЦИОННЫЙ ОПЫТ АМЕРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ

«Юридическая институционализация дает возможность систематизировать и группировать общественные отношения по разным критериям, предварительно упорядочить их в отношении норм, ценностей, интересов, целей и задач общества и государства. Выбор адекватных критериев, умение сочетать их в оптимальном варианте становится здесь делом исключительной важности и ответственности. Обычно удачными признаются те институты, которые удовлетворительно служат некоторым идеалам, ценностям и вместе с тем практическим потребностям и интересам» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 398).

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительно-правового анализа конституций федеративных американских государств (Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Канада, Мексика, США) на предмет выявления в них норм, минимизирующих правозащитные риски с помощью институционального компонента.

Ключевые слова: риск, правозащитные риски, права и свободы человека и гражданина, гарантии, обеспечение, суд.

Расширяя содержание зарубежного конституционного опыта минимизации правозащитных рисков, в рамках данной работы были проанализированы учредительные акты федеративных американских государств (Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Канада, Мексика, США) на предмет формализации в них институционального компонента [1, 2].

В группе данных конституций судебная инстанция в качестве стандартно правозащитной легализована в сопряжении с субъективным правом (Аргентина, Бразилия и Венесуэла).

Согласно ст. 18 Конституции Аргентины право на судебную защиту личности и принадлежащих ей прав незыблемо (ст. 18).

Можно говорить и о наличии судебной защиты в ст. LV Конституции Бразилии: сторонам в судебном или административном процессе и всем подсудимым обеспечивается право на полную и своевременную защиту, а также на необходимые в таких случаях средства и возможности.

Кроме того, ст. XXXVIII признает учреждение суда присяжных в такой форме, в какой он будет установлен законом с тем, чтобы в нем была обеспечена полнота права на защиту.

Специальный правозащитный государственный механизм также закреплён в ст. LXIX Конституции Бразилии. Таким механизмом выступает *Mandato de segurança*, который предоставляется для защиты очевидного права, не гарантированного процедурами *habeas corpus* или *habeas data*, когда ответственность за незаконность или злоупотребление властью лежит на органах публичной власти или на представителе юридического лица, осуществляющего прерогативы публичной власти.

В соответствии со ст. 27 Конституции Венесуэлы: каждый человек имеет право на защиту со стороны судов в интересах осуществления конституционных прав и гарантий, которые, будучи присущими человеческой личности, не нашли четкого отражения в Конституции или международных договорах по правам человека. Данная норма также продублирована в ст. 49 применительно ко всем судебным и административным учреждениям.

Кроме того, с целью защиты свободы или безопасности любым человеком может быть возбуждена процедура *amparo*, и задержанные лица незамедлительно передаются под защиту суда.

В конституциях американских федеративных государств практикуется формализация статуса правозащитных органов или правозащитных полномочий специализированных структур общей и специальной компетенции.

Сделаем ремарку, что Конституция Венесуэлы в Главе II «О национальной исполнительной власти» формализовала обязанность Президента по обеспечению гарантий прав и свобод венесуэльцев (ст. 232).

Согласно ст. 24 Конституции Бразилии Союз, штаты и Федеральный округ законодательствуют на конкурирующей основе по ... вопросам юридической помощи и публичной защиты; защиты и социальной интеграции нетрудоспособных лиц. Конечно, данная норма не представляет собой универсальную правозащиту в любых ситуациях и в рамках неопределенного круга лиц, однако это полноценный частный случай обеспечения прав.

О такой частности в плане адресата защиты говорится и в ст. 75 Конституции Аргентины, отнесшей к ведению Конгресса принятие кодексов о социальной защите и обеспечение специализированной и всесторонней социальной защиты детей в период, когда они находятся в беззащитном состоянии,

начиная от внутриутробного развития до получения начального образования, и матерей в период беременности и лактации

В Главе IV «Об основных функциях юстиции» Секция I «О прокуратуре» ст. 127 Конституции Бразилии определила прокуратуру как постоянный институт...на котором лежит защита ... неприкосновенных социальных и личных интересов.

В продолжение ст. 129 отнесла к институциональным функциям прокуратуры юридическую защиту прав и интересов индейского населения. Данная норма, полагаем, также для страны с коренным население обладает правозащитным потенциалом.

Опыт бразильской конституции здесь не является единичным и стоит упомянуть и ст. 75 Конституции Аргентины. В ней содержится формулировка о признании Конгрессом Аргентины этнического и культурного первородства аргентинских индейских народностей. Уточнены гарантии уважения их культурной идентичности и их права проводить обучение на двух языках в условиях межкультурного обмена. Кроме того, установлено признание за их сообществами правосубъектности, а также права совместного владения и собственности в отношении земель, которые они традиционно занимают.

В правозащитно-институциональном аспекте Часть III рассматриваемого Конституционного акта Канады предусмотрела выравнивание возможностей в контексте региональных неравенств. В п. 36 отражено обязательство способствовать равенству возможностей. При сохранении законодательных полномочий Парламента и законодательных собраний провинций и их прав осуществлять эту законодательную компетенцию Парламент и законодательные собрания, а также Правительство Канады и правительства провинций обязуются:

а) содействовать обеспечению равенства возможностей для всех канадцев в их стремлении к благополучию;

б) содействовать экономическому развитию, с тем чтобы сократить неравенство возможностей; и

с) предоставить в распоряжение всех канадцев на качественно приемлемом уровне основные публичные службы.

В конституциях Аргентины и Венесуэлы формализован специализированный правозащитный институт. В Аргентине – Защитник Народа (Глава 7). Он находится в сфере ведения национального Конгресса; пользуется полной функциональной автономией и не может получать указаний от каких-либо органов власти. Его задача заключается в защите прав человека, других прав, гарантий и интересов, охраняемых Конституцией и законами, от решений,

действий или бездействия администрации, а также контроль за исполнением функций государственного управления.

Срок полномочий Защитника Народа составляет 5 лет, и он не может занимать свою должность более двух сроков подряд. Он пользуется иммунитетами и привилегиями членов Конгресса.

В рамках Часть II «Органы защиты народа» Конституции Венесуэлы ст. 280 легализовала обязанность органов защиты народа обеспечивать, защищать и охранять права и гарантии, закрепленные в Конституции и международных договорах и соглашениях о правах человека, помимо законных интересов, коллективных или индивидуальных.

Органы защиты народа действуют под руководством и несут ответственность перед Защитником Народа, который может быть назначен один раз на семилетний срок.

В ст. 281 отражены полномочия Защитника Народа, среди которых, например, следить за неукоснительным соблюдением и обеспечением прав человека, прав коренных народов и предпринимать необходимые шаги в порядке обеспечения их эффективной защиты; посещать с инспекциями соответствующие государственные заведения и учреждения в целях предотвращения возможных нарушений и защиты прав человека; поощрять осуществление политики, направленной на более полную и эффективную защиту прав человека.

Кроме того, в ст. 283 содержится предписание, что закон определяет порядок организации и деятельности органов защиты народа на уровне муниципии, штата. Их деятельность подчинена принципам безвозмездности, доступности, быстроты, неформальных и официальных стимулов. Таким образом, специализированный правозащитный институт функционируют на различных уровнях власти в Венесуэле.

Специфика Конституции Венесуэлы также состоит в том, что помимо обозначенных нами типичных институтов, минимизирующих правозащитные риски, защита дополнительно предусмотрена в рамках национальной и гражданской безопасности.

Так, в Разделе VII «Национальная безопасность» Конституции Венесуэлы ст. 323 определила, что Совет национальной обороны является высшим консультативным органом по планированию и консультированию публичной власти по вопросам, относящимся к всесторонней защите нации, ее суверенитета и целостности ее географического пространства. При этом обратим внимание, что речь идет о защите коллективного субъекта – нации.

В Главе IV «Органы гражданской безопасности» отмечено, что национальная исполнительная власть в целях ... защиты граждан и гражданок, их

домов и семей и закрепляя это решениями компетентных органов и обеспечивая мирное использование конституционных гарантий и прав в соответствии с законами, организует: единый корпус Национальной полиции; корпус научных, уголовных и криминалистических расследований; корпус пожарных и управления чрезвычайными ситуациями гражданского характера; корпус гражданской защиты и управления ликвидацией катастроф (ст. 332). При этом, органы гражданской безопасности имеют гражданский характер и уважают достоинство и права человека без какой-либо дискриминации.

Встречаются в рассматриваемых конституциях и нормы оригинального содержания, которые мы связываем с морально-этическим предназначением, но негативно сказывающихся на правозащитном поле. Примером такой нормы является ст. 19 Конституции Аргентины: частные действия людей, которые никаким образом не нарушают общественный порядок или общественную мораль и не наносят вред третьим лицам, отдаются на суд Божий и не подлежат ведению властей и судей. Полагаем, течение времени, технический прогресс и прочие условия могут опережать нормы действующего законодательства в отношении деяний, имеющих общественную опасность. В таком случае «отдавать их на суд Божий» противоречиво принципам демократического государства.

В качестве генерального вывода по федеративно-американской модели (Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Канада, Мексика и США), способствующей систематизации результатов конституционного сравнительно-правового опыта минимизации правозащитных рисков, тезис о том, что институциональный компонент характерен для половины из заявленных стран. Так, судебная защита прав личности отражена в конституциях Аргентины, Бразилии, Венесуэлы; специальные правозащитные полномочия публичных органов власти (Президент, органы национальной и гражданской безопасности в Венесуэле; Союз, штаты, Федеральные округа и прокуратура в Бразилии; Конгресс в Аргентине); обособление специальной правозащитной инстанции осуществлено на конституционном уровне в Аргентине и Венесуэле.

Литература

1. Конституции государств (стран) мира» // <https://worldconstitutions.ru/>
2. Российский правовой портал: Библиотека Пашкова» // <https://constitutions.ru/>

Новикова Алевтина Евгеньевна,
доцент кафедры конституционного и международного права,
юридический институт НИУ «БелГУ»,
кандидат юридических наук, доцент
Махлис Валентина Александровна,
магистрант кафедры конституционного и международного права,
юридический институт НИУ «БелГУ»,
(Белгород)

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ

«Качество юридических дефиниций непосредственным образом определяет доступность смысла правовых норм, установленных законодательным актом. Из этого, однако, не следует, что определения используются в праве только для того, чтобы сделать закон более ясным и простым. Существуют пределы, за которыми простота становится упрощением, что едва ли может устроить законодателя... добиваясь точности норм и определений он стремится адекватно выразить в нормативном акте меру сложности предмета правового регулирования» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 716).

Аннотация. В статье представлены результаты анализа международно-правовых параметров права на образование в аспектах его влияния на расширение прав и возможностей, а также материальной реализации во многих отношениях.

Ключевые слова: образование, права и свободы человека и гражданина, гарантии, параметры, право.

Право на образование можно охарактеризовать как право на расширение прав и возможностей. Это обозначение происходит от Джека Доннелли и Роды Говард, которые различают «права на выживание», «права на членство», «права на защиту» и «права на расширение прав и возможностей». «Права на выживание», такие как право на жизнь, питание и медицинское обслуживание, как утверждается, гарантируют индивидуальное существование. «Права на членство» призваны обеспечить индивиду равное место в обществе. В качестве примеров можно привести права семьи и Запрещение дискриминации. «Права защиты», как говорится, защищают человека от злоупотреблений властью со стороны государства. В качестве примеров приводятся права на Хабеас корпус акт и независимую судебную систему. Наконец, в отношении

«прав на расширение прав и возможностей» говорится, что они «обеспечивают индивиду контроль над ходом его жизни и, в частности, контроль над государством (а не только защиту от него)» [1, с. 643].

Примерами являются право на свободную прессу, свободу ассоциации и право на образование. Человек должны быть не только защищены от нападений со стороны государства, но и наделены полномочиями определять форму и направление своей жизни. Права на расширение прав и возможностей позволяют человеку взять на себя ответственность за свою жизнь. Они способствуют участию в политической, экономической, социальной и культурной жизни. Можно сказать, что расширение прав и возможностей является необходимым условием для осуществления других прав человека.

Право на образование является правом на расширение прав и возможностей по различным причинам. Образование обладает огромным освободительным потенциалом, образовательные учреждения часто используются как средство социального контроля, принуждения к интеллектуальному соответствию, а не как механизм поощрения творчества и автономии и содействия личностному освобождению. Тем не менее, «независимо от того, насколько контролируется учебная программа, навыки, выработанные в учебных заведениях, могут быть применены для развития идей, отличных от тех, которые санкционированы государством».

Таким образом, образование позволяет человеку критически мыслить о жизни. Это позволяет ему серьезно изучить возможные направления действий и сделать рациональный выбор на основе такого изучения.

Образование также выступает за расширение политических прав и возможностей. Свобода информации, выражения мнений, собраний и ассоциаций, а также право голосовать и быть избранным зависят от минимального уровня образования. Только те, кто может быть информирован, кто может выражать свои идеи и кто может собраться, чтобы выразить свои проблемы, могут принимать участие в политической жизни. Точно так же только образованный человек может принять обоснованное решение и должным образом реализовать свое право голоса или баллотироваться на политическую должность.

Кроме того, образование является ключом к социально-экономическому развитию. Образование способствует реализации экономических и социальных прав человека. Примером может служить право на труд, право на достаточный жизненный уровень или право на здоровье и так далее. Эти права могут реально осуществляться только в том случае, если достигнут минимальный уровень образования.

Наконец, образование расширяет возможности для участия в культурной жизни. Право на участие в культурной жизни защищено статьей 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года [2]. Связь в значительной степени степень реализации права на образование отражает статус осуществления культурных прав. Для религиозных, языковых и этнических меньшинств образование является наиболее важным средством сохранения их культурной самобытности.

Можно сделать вывод, что реализация права на образование одновременно способствует развитию и других прав человека. Осуществление многих гражданских и политических, а также экономических, социальных и культурных прав в значительной степени облегчается защитой права на образование. Таким образом, право на образование подчеркивает взаимозависимость и неделимость всех прав человека.

Фонс Куманс разработал весьма полезную схему для анализа того, может ли право на образование претендовать на универсальность. С одной стороны, он проводит различие между всеобщей действительностью и всеобщим признанием права на образование. С другой стороны, он проводит различие между формальной универсальностью и материальной универсальностью права на образование [3, с. 268].

Во-первых, будет рассмотрена всеобщая действительность и всеобщее признание права на образование. Вопрос об универсальной действительности права на образование касается вопроса о том, является ли право на образование, однажды признанное к каждому человеку. Право на образование также относится к категории экономических, социальных и культурных прав. Эти права гарантируют достаточный уровень жизни. Они подчеркивают качество жизни. Таким образом, каждый человек имеет право на образование. Этот вывод подкрепляется международными документами, защищающими право на образование. Например, в пункте 1 статьи 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года говорится, что «государства-участники настоящего пакта признают право каждого человека на образование». Та же идея выражена в декларации об образовании взрослых.

Вопрос о всеобщем признании права на образование касается вопроса о том, признается ли ценность права на образование всеми политическими, социальными, религиозными и культурными общинами. Этот вопрос касается того, поддерживают ли все общины притязания индивида на получение образования.

В целом западные государства рассматривают право на образование как важное право личности. Право на образование защищено конституциями многих из этих стран. Кроме того, Европейская конвенция о защите прав человека

и основных свобод (1950 год) в статье 2 своего первого протокола 1952 года гласит, что «ни одно лицо не может быть лишено права на образование» [4].

Африканские общины воспринимают образование как групповую функцию. В воспитании детей принимают участие 60 семей, деревень и племен. Правительства признают ценность образования. Однако образование носит коллективный характер. Оно не рассматривается как индивидуальное право. Образование рассматривается как инструмент содействия экономическому развитию. Она рассматривается как средство искоренения неграмотности и содействия национальному строительству. Вместе с тем следует отметить, что в статье 17 Африканской хартии прав человека и народов 1981 года в общих чертах признается, что «каждый человек имеет право на образование» [5].

Исламская вера считает право на образование одним из основных прав, которое имеет важное значение для осуществления других прав. Образование должно передавать такие знания и навыки, которые необходимы для того, чтобы жить в соответствии с принципами исламского учения и выполнять задачи повседневной жизни. Например, в пункте (а) статьи XXI не имеющей обязательной силы всеобщей Исламской Декларации прав человека 1981 года говорится, что «каждый человек имеет право на получение образования в соответствии со своими природными способностями», а в пункте (b)-что «каждый человек имеет право на свободный выбор профессии и карьеры и на возможность полного развития своих природных способностей» [6]. Ислам также гарантирует равенство между мужчинами и женщинами в осуществлении права на образование. Однако равенство означает равенство в соответствии с исламскими принципами.

Существует явный конфликт со статьей 10 Международной конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года, которая гарантирует женщинам равный доступ к образованию и его качество. В исламских государствах также нет четкого разделения между государством и религией [7]. Государство стремится обеспечить исламское образование в государственных школах. Поэтому неудивительно, что частные школы были упразднены в Ираке и Иране соответственно в 1975 и 1979 годах.

Социалистические государства придают первостепенное значение праву на образование. Было заявлено, что право на образование также относится к категории экономических, социальных и культурных прав. Социалистические государства считают эти права ключевыми в систематической реализации социалистического общества. Система образования коммунистических государств основана на марксистско-ленинской идеологии. Можно говорить и об идеологической индоктринации. Кроме того, образование носит ярко выраженный антирелигиозный и атеистический характер. Государство

обладает монополией на образование. Частные школы запрещены. Родители не имеют права создавать и руководить учебными заведениями. В образовании нет никакого плюрализма. Поэтому совершенно очевидно, что социалистические государства не защищают свободу образования. Самое большее, что они делают, - это на словах отстаивают этот важный принцип международного права прав человека.

Можно сделать вывод, что право на образование находит значительное признание в различных политических, социальных, религиозных и культурных общинах. Общеизвестно, что образование имеет жизненно важное значение для развития личности и общества.

Теперь будет рассмотрена формальная и материальная универсальность права на образование. Формальная универсальность касается вопроса о том, признается ли право на образование официально государствами. Надлежащими признаками являются, в частности, состояние ратификации Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года и других международных соглашений, защищающих право на образование, а также факт членства в Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, защищающий право на образование в своих статьях 13 и 14, был ратифицирован 151 государством. Это составляет 78 % сообщества государств. Однако следует отметить, что пакт не был ратифицирован Соединенными Штатами Америки. Кроме того, важно, чтобы договор ратифицировали государства из всех частей мира, представляющие различные экономические, социальные и культурные системы. Оговорок к статье 13 очень мало. Оговорки были высказаны Алжиром, Барбадосом, Индией, Ирландией, Японией, Мадагаскаром и Замбией.

Кроме того, практически все государства являются членами ЮНЕСКО, и поэтому можно сказать, что они одобряют ее цели. Одна из целей ЮНЕСКО заключается в реализации образовательных возможностей для всех и содействии обеспечению равных возможностей и равного обращения в сфере образования. На практике значительная часть деятельности ЮНЕСКО направлена на обеспечение начального образования для всех детей и искоренение неграмотности среди взрослых. Конвенция ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 года была ратифицирована 90 государствами [8]. С учетом этих реалий можно согласиться с мнением о том, что «не может быть никаких сомнений в том, что формальное признание права на образование значительной частью сообщества государств является фактом».

Материальная универсальность касается вопроса о том, действительно ли право на образование реализуется в государствах мира. Необходимо принять меры, максимально используя имеющиеся у государства ресурсы, для постепенного осуществления права на образование. Многие государства терпят неудачу в этом вопросе. Правительства не только стран третьего мира сокращают бюджетные расходы на образование, в результате чего эти расходы должны нести родители и учащиеся.

В некоторых странах по-прежнему практикуется активная дискриминация в сфере образования по признаку пола, языка и религии. Женщины и представители меньшинств особенно страдают от такой дискриминации. Аналогично, статическая дискриминация остается проблемой. Материальная универсальность права на образование до сих пор не достигнута. Конечно, прогресс в осуществлении права на образование заметен в некоторых государствах. На данном этапе можно привести пункт 5 Дакарской Рамочной программы действий, принятой Всемирным форумом по вопросам образования, проходившим в Дакаре, Сенегал, 26-28 апреля 2000 года как практический пример [9].

В заключение можно сказать, что материальная реализация права на образование во многих отношениях все еще оставляет желать лучшего.

Литература

1. Доннелли Джо Последние тенденции в правозащитной деятельности ООН: описание и полемика // Международные организации. 1981. № 35.
2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости ВС СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
3. Куманс Ф. Право на образование как право человека: анализ ключевых аспектов // Докл. ООН. E / C. 12/1998/16-Да. (1998а).
4. Протокол № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ETS № 9) (Подписан в г. Париже 20.03.1952 г.) // Бюллетень международных договоров. 1998. № 7. С. 39-40.
5. Африканская хартия прав человека и народов (Принята в г. Найроби 26.06.1981 г.) // Международные акты о правах человека. Сборник документов. М.: Норма-ИНФРА-М, 1998. С. 737-747.
6. Всеобщая Исламская Декларация прав человека (Принята по инициативе Исламского Совета Европы 19.09.1981 г.) // https://constituanta.blogspot.com/2011/02/1981_26.html

7. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Заключена 18.12.1979 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XXXVII. М., 1983. С. 26-36.
8. Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования (Заключена в г. Париже 14.12.1960 г.) // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М.: Логос, 1993. С. 49-54.
9. Дакарские рамки действий «Образование для всех» (приняты Всемирным форумом по вопросам образования 26-28 апреля 2000 г. в Дакаре) // <http://konf.x-pdf.ru/19raznoe/14832-1-dakarskie-ramki-deystviy-obrazovanie-dlya-vseh-vipolnenie-nashih-obschih-obyazatelstv-tekst-prinyatiy-vsemirnim-foru.php>

Пожарова Любовь Анатольевна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
юридического института НИУ «БелГУ»,
кандидат юридических наук
(Белгород)

ПРАВО НА ОХРАНУ И ЗАЩИТУ ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯТИВНОЙ СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВА

«Каждый разумный человек действует вполне сознательно, расчетливо и целесообразно уже тогда, когда руководствуется своими потребностями, желаниями, стремлениями, намерениями, интересами, другими факторами, которые выражают его отношение к миру. Это есть первичный и, по-видимому, самый действенный этап социального регулирования человеческого поведения, заключающий в себе доказательства активного присутствия и творческого признания человека в мире» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 265).

Аннотация: В статье рассматривается проблема гарантий обеспечения функционирования согласованных правовой и социальной систем при реализации прав человека, принятых служить показателем соблюдения государством достоинства личности. Отмечена важность включения необходимых и достаточных норм, способов, средств и процедур, гарантирующих охрану и защиту достоинства личности с учетом объективных социально-экономических и политических условий. Приведены доводы, что государство, признавая социальную ценность права на достоинство, должно рассматривать его как неотъемлемый компонент правового статуса личности.

Ключевые слова: достоинство личности, свобода, субъективное право, правовое регулирование, государство, общество.

В современном государстве власть ограничена законом, связана правом в каждом своём действии, которое исключает его произвол и призвано гарантировать права и свободы личности. Отношения государства и граждан взаимообусловлены, поскольку государство, подчиняясь закону, одновременно требует законопослушания и исполнения своей воли от адресата правовых предписаний. Правовое положение личности, степень её свободы, гарантии прав тесно связаны и образуют единую согласованную правовую и социальную систему. При этом социальная регулятивная система, исповедуемая государством, всегда в той или иной степени содержит представления законодателя о достоинстве, понимаемом в юридическом, нравственном и других аспектах.

Как отмечал выдающийся российский правовед, член-корреспондент РАН Г.В. Мальцев, «правовое регулирование составляет лишь часть соционормативного регулирования общества, а это последнее представляет специфический сектор более широкой сферы – социального регулирования, осуществляемого на базе множества упорядочивающих факторов, далеко не всегда сводимых к норме» [1, с. 5].

Основной смысл функционирования социальной регулятивной системы общества заключается не только в обеспечении права каждого на неприкосновенность достоинства, но и определенной возможности требовать от государства, физических и юридических лиц воздерживаться от нарушения этого права.

Хотя фактическая реализация данного права возникает в случае непосредственного посягательства на него, однако само достоинство принадлежит лицу неотъемлемо. В этой части наша позиция не противоречит мнению, высказанному Е.Р. Зайцевым по поводу необходимости наличия защищаемого субъективного права у одного лица и обязанности не посягать на него у других непосредственно до совершения противоправных действий, ибо только это обеспечивает применение санкций к нарушителю [2, с. 12-13].

Такой ракурс проблемы дает возможность рассматривать достоинство как определенные общественные отношения с очень разнообразным содержанием. Реализация же данного права не может быть обеспечена без применения норм конституционного, уголовного, гражданского, международного права. В этой связи требует своего разрешения вопрос о возникновении субъектив-

ного права на достоинство. Мы склоняемся к выводу, что оно возникает одновременно с приобретением правоспособности и относится, следовательно, к личным неотчуждаемым правам.

Одной из главных задач правового демократического государства является поиск баланса между частными и публичными интересами, поиск оптимальных компромиссных решений и нивелирование негативных последствий при невозможности учета интереса обеих сторон.

Процессы глобализации постепенно вовлекают в свою орбиту все цивилизованные страны. Именно поэтому концепция конституционных ценностей государства и отдельной личности может служить важным инструментом сохранения национальной идентичности, развития собственного суверенитета и конкурентоспособности и, одновременно, – надежным барьером на пути навязываемых взглядов на общественные институты. Права и свободы личности – это основные, первостепенные, неотчуждаемые ценности, которые государство в своей деятельности призвано привести в сбалансированное взаимодействие с собственными интересами.

Такой подход дает основания рассматривать право на достоинство как возможность реализации нравственной сущности и предназначения с помощью арсенала юридических средств, также требующих воздержания от посягательств третьих лиц и при необходимости обеспечивающих государственную защиту [3, с. 31].

Кроме того, следует обратить внимание, что категория «достоинство», рассматриваемая в различных аспектах, приобретает и дифференцированное содержание, которое не всегда совпадает с ее юридическим значением. Это формирует возможность многочисленных подходов к пониманию природы достоинства и, одновременно, порождает множество его дефиниций.

М.В. Баглай называет достоинство личности качеством человека, равнозначным праву на уважение и обязанности уважать других, которое достигается развитием личности, осознающей свою свободу, равенство и защищенность. Именно достоинство превращает человека из объекта воздействия в активного субъекта правового государства, дает человеку право на самооценку, на «самоопределение» и охраняет его выбор жизненных ценностей [4, с. 177].

Некоторые ученые относят к особенной характеристике субъективного права на достоинство возможность его защиты при помощи не только самой конструкции субъективного права, но и системой всех конституционных прав, свобод, обязанностей, а также механизмом их реализации [5, с. 17].

Право на охрану и защиту достоинства может быть представлено как мера дозволительного поведения, состоящая в возможности самореализации

нравственно-правового потенциала личности, обеспеченной со стороны государства гарантиями неприкосновенности от посягательств силой законодательно предусмотренного принуждения.

Нарушение или несоблюдение в государстве личных прав и свобод человека и гражданина, в частности, гарантий достоинства гражданина, его безопасности обуславливает правовую незащищенность населения, подрывает авторитет власти и вселяет неуверенность в возможность государства способствовать поддержанию правопорядка в обществе. В такой ситуации человек перестает ценить и уважать силу права, отдавая предпочтение праву силы.

Поэтому очень важно осознавать, что достоинство не только управомочивает, но и обязывает [6, с. 31]. Это означает, что поступки человека должны соответствовать его достоинству. Рассматриваемое в единстве с нормативно-ценностными императивами равенства и справедливости, оно постулирует одинаковую меру свободы и равные условия (гарантии) для достойной жизни и свободного развития человека. Одновременно речь идет о равных правовых возможностях людей по использованию социальных благ, взаимосвязи и эквивалентности прав, обязанностей и ответственности личности и государства.

Кроме того, понятие достоинства предусматривает персонифицированный и дифференцированный подход к различным категориям граждан на основе учета юридически значимых объективных обстоятельств в целях обеспечения их равного с другими участия в правоотношениях, в пользовании правами и свободами. В связи с этим достоинство личности может проявляться на двух уровнях восприятия: во-первых, осознанно, как приобретенное неотъемлемое свойство, получающее конкретизацию в процессе самореализации (имеет формализацию на всех уровнях), а во-вторых, неосознанно, как универсальное свойство человеческой личности.

Право на достоинство предполагает невмешательство государства в частные дела, уважение частной жизни лица, служит барьером на пути создания в государстве тотальной регламентации повседневной жизни граждан, запрещающей любое свободомыслие. Исторический опыт свидетельствует, что игнорирование права на достоинство очень быстро может привести к ситуации, когда вмешательство в сферу частной жизни станет нормой повседневной деятельности государственного аппарата, повлечет масштабные злоупотребления властью и должностным положением.

Социально-экономический кризис, отчетливо проявивший себя в процессе противодействия многих государств мира новой коронавирусной инфекции, показал, что самую большую тревогу вызывает ситуация, складывающаяся вокруг прав человека. Процесс их ограничений, который не мог не

коснуться России, должен непременно сопровождаться поддержанием на высоком уровне морального состояния общества и обеспечением в случае необходимости его реальной защиты и охраны.

В подобных ситуациях, сопровождающихся повышенной социальной напряженностью, государство должно минимизировать неорганизованность, спонтанность принятия решений. На нем лежит ответственность за формирование у общества чувства уверенности в завтрашнем дне, понимания необходимости применяемых мер и формирования законодательных норм, которые порождают ценное чувство уверенности людей в будущем, многократном воспроизведении форм жизни, к которым они привыкли и которые высоко ценят [1, с. 22].

На первый план в данном случае выступает идея достоинства личности, получившая развитие во многих нормативных правовых актах международного и национального уровней, которая основана на взаимодействии единого комплекса ценностей и отношений. Уважение человеческого достоинства формируется в гражданском обществе, основанном на принципах законности, справедливости, взаимной ответственности между обществом и личностью.

Изучение права на достоинство опосредовано сложно организованной системой связей, в которой происходит непрерывное появление все новых аспектов, в связи с чем приоритетный подход заключается в комплексном взгляде на междисциплинарные проблемно-ориентированные формы исследования. Вследствие этого исчезают жесткие разделительные линии в предметно-содержательном представлении прав человека.

Осознание личностью собственного достоинства нередко инициирует противодействие по отношению к несправедливости и попытку восстановить нарушенные права, поэтому история развития общества во многом сопровождается отстаиванием личностью своих прав и свобод.

Заметим, что в период цифровизации общества, увеличения каналов связи и доступности источников информации социальные сети и средства массовой информации активно вмешиваются в частную жизнь людей, формируя общественное мнение и создавая определенные эталоны поведения для широких слоев населения. Однако наряду с положительными явлениями, пришедшими с цифровизацией, существуют и негативные, например, скрываясь за экраном монитора некоторые лица позволяют себе оскорбительные и унижающие честь и достоинство другого лица комментарии, в том числе распространяют о личности недостоверную информацию дискредитирующего характера, используют кибербуллинг.

Политика государства в сфере правовой защиты человека от злоупо-

требления свободой слова и массовой информации находится на пути формирования. Мы разделяем точку зрения О.В. Власовой, что «именно достоинство человека должно выступать как критерий допустимости ограничения основных прав с целью предотвращения злоупотребление правом» [3, с. 17]. Современные средства массовой информации могут легко превратиться из инструмента защиты достоинства в источник угрозы. Чтобы этого не произошло, требуется разработка ряда дефиниций, устранение различного толкования правовых понятий, юридических коллизий, приведение в соответствие с международными и конституционными принципами законодательных норм, регулирующих защиту достоинства личности в России.

Закрепление в законодательном порядке ограничений прав человека означает перевод части надпозитивного права в действующее позитивное право, т.е. создание, по образному выражению Л.И. Глухаревой, права прав человека – уникального нормативно-правового комплекса, состоящего из совокупности международных и национальных норм и принципов [7, с. 3].

Например, в современной России образовался, на наш взгляд, весьма существенный разрыв между уровнем развития правовой науки и уровнем развития отраслевого законодательства, от которого в значительной мере зависит не только состояние государственных связей, но и состояние защищенности человека и гражданина. Понятие достоинства исторически сопряжено с понятием прав человека и поэтому исследуется в неразрывной связи с ними. Достоинство, выступая в виде аксиологической детерминанты личности, формирует самооценку личности и одновременно – оценку ее со стороны общества. В достоинстве воплощаются представления человека о своих притязаниях и о признанности этих притязаний окружающими – отдельными лицами, социальной группой, обществом в целом, государством.

Социальное государство базируется на совершенном, организационно устроенном гражданском обществе, не только юридически развитом с точки зрения позитивного права, но и характеризующимся гуманистической идеологией. Основополагающие естественно-правовые идеи, адаптированные к современному устройству общества, способствуют признанию государством достоинства личности как магистральной, стержневой ценности всех существующих правоотношений.

Личность наделяется возможностью выступать полноценным субъектом права, а государство принимает на себя обязательство охраны человеческого достоинства от посягательств третьих лиц и обеспечение уважительного отношения к населению, в том числе, и со своей стороны. Равные возможности в обеспечении реализации прав человека служат показателем соблюдения

государством достоинства личности. При этом социальная регулятивная система должна непременно включать достаточную совокупность норм, способов, средств и процедур, обеспечивающих охрану и защиту достоинства личности с учетом объективных социально-экономических и политических условий.

Литература:

1. Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография / Г.В. Мальцев. М. Норма: ИНФРА-М, 2011. 800 с.
2. Зайцев Е.Р. Коллективные формы реализации и защиты прав граждан. Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 1993. С. 12-13.
3. Власова О.В. Достоинство человека как нравственно-правовая ценность: общетеоретическое исследование: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2011. 54 с.
4. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2004.
5. Арямов А. А. Честь как право и право на честь // Российская юстиция. 2009. № 5.
6. Джагарян А.А. Конституционно-правовые основы государственного контроля в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
7. Глухарева Л.И. Права человека в системе теории права и государства: общетеоретические, философско-правовые и методологические проблемы: Автореф. ...канд. юрид. наук. М., 2004.

Хабиева Заира Докуевна,
старший преподаватель кафедры «Гражданское право и процесс»,
Чеченский государственный университет
(Грозный)

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СТАДИЙ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

«У государства имеются исключительные права, своего рода монопольные прерогативы в отношении правовой системы. Ему принадлежит правовое верховенство в смысле издания законов, развития законодательства как юридической основы функционирования гражданского общества» (Мальцев Г.В. Права человека в свете современных представлений о государственном суверенитете // Сборник трудов конференции: Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. М., 2009. С. 109).

Понятие «стадия», согласно словарному определению представляет собой «определенную ступень, период, этап, фазу (имеющую свои качественные особенности)» [1, с. 1154]. В связи с этим процессуальная стадия иногда именуется фазой юридического процесса, его этапом или частью; эти категории используются как синонимы.

Рассмотрим более подробно основные подходы к определению стадий юридического процесса. Так, по мнению И.В. Пановой, имеются следующие стадии юридического процесса: «1) анализ ситуации (которая в различных процессах называется по-разному: административное расследование, возбуждение дела, проверка жалобы и т.п.), в ходе которого собирается, изучается информация о фактических обстоятельствах дела. Полученные результаты фиксируются в процессуальных документах в виде протоколов, постановлений и т.п.; 2) принятие решения (вынесение решения, постановления и т.п.). Решение носит обязательный характер, является сознательно волевым актом выбора одной из существующих возможностей; 3) исполнение решения (решение – это информация о том, что должно быть); 4) пересмотр (кассационного, апелляционного рассмотрения) – необходимая часть юрисдикционного процесса, но в других неюрисдикционных процессах она может и отсутствовать, и иметь место на факультативных (дополнительных) правах» [2, с. 44].

В свою очередь, В.М. Горшенев и И.Б. Шахов называют обязательные элементы стадий юридического процесса – наличие: «а) относительно самостоятельной задачи, на решение которой направлены действия, объединяемые в той или иной стадии; б) специфического состава действий, непременно включающего установление или анализ фактических обстоятельств, реализацию соответствующей юридической нормы для решения вопроса, дела и т.п.; в) юридических документов, в которых отражаются и закрепляются итоги совершенных в данной стадии юридических действий» [3, с. 155-156].

Полагаем, что назначение стадий юридического процесса заключается в том, что они выражают логическую последовательность развития юридического процесса: от стадии возбуждения уголовного дела, например, в уголовном процессе, до постановления приговора. Они отражают динамику процесса, без которой невозможно его поступательное движение.

Важное значение в реализации юридических стадий имеет применение соответствующих правовых и процессуально-правовых средств. Процессуально-правовые средства представляют собой комплексную систему юридических инструментов и деяний, включающих юридическую технологию, позволяющих достигать социально-значимых целей и результатов для удовлетворения интересов субъектов права. Наряду с этим, процессуально-правовые

средства обеспечивают интересы субъектов и участников юридического процесса, позволяют им достигать процессуальные цели, являются основными элементами действия процессуального права и важным компонентом механизма процессуально-правового регулирования.

Стадии реализуются во всех видах юридического процесса. Так, например, в административном процессе Д.Н. Бахрах под стадиями понимает «сравнительно самостоятельную часть производства, которая, наряду с его общими задачами, имеет свойственные только ей задачи. Стадии отличаются друг от друга и кругом участников производства». Им выделяются: «а) административное расследование; б) рассмотрение дела; в) пересмотр постановления; г) исполнение постановления», которые, в свою очередь, подразделяет на этапы – группы взаимосвязанных действий [4, с. 540-541].

Таким образом, в результате анализа основных точек зрения по проблеме исследования можно предложить авторское понимание стадии юридического процесса. По нашему мнению, это система объединенных общей целью процессуальных средств и организационно-процедурных действий, осуществляемых в конкретных пространственно-временных границах и в логической последовательности, отличающихся функциональным содержанием, направленных на законное и обоснованное разрешение юридических дел.

Литература:

1. Новый энциклопедический словарь. М., 2000.
2. Панова И.В. Юридический процесс. Саратов, 1998.
3. Горшенев В.М., Шахов И.Б. Контроль как правовая форма деятельности. М., 1987.
4. Бахрах Д.Н. Административное право России. М., 2000.

Шухов Федор Гелиевич,

старший преподаватель кафедры экономической теории
Петербургского государственного университета путей сообщения
(Санкт-Петербург)

ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОГО ВОЛОНТЕРСТВА В РОССИИ

«Пока жива человеческая совесть и существует моральный долг человека перед человеком, люди всегда будут ощущать моральную обязанность поддерживать и помогать друг другу как в обыденной жизни, так и в острых

конфликтных обстоятельствах, переносить эту обязанность из области индивидуальных переживаний в общественное сознание, сферу организованной деятельности, возлагать ее на государство, церковь, на различные общественные, коллективные формирования» (Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 216-217).

Аннотация. В статье рассмотрено современное законодательство и распорядительные документы в области медицинского волонтерства, которое имеет высокую социальную значимость, особенно в период эпидемии. Автором выделены основные вопросы, которые требуют дополнительного нормативного регулирования, и предложены рекомендации по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: правовое регулирование, конституция, медицинское волонтерство, охрана здоровья граждан,

Современная эпидемиологическая обстановка и распространение нового коронавируса высветили многие проблемы нормативно-правового характера, от урегулирования которых может зависеть сохранение качества жизни граждан. Одной из сфер, которая требует большего законодательного внимания, стало волонтерство.

Медицинское волонтерство является одним из направлений волонтерства, особенно востребованных в нынешней ситуации. Так, направление входит во всероссийскую акцию взаимопомощи #МЫВМЕСТЕ [1], которая организована для помощи людям, которые вынуждены ограничивать свои контакты и передвижения. Соорганизатором акции стало Всероссийское общественное движение «Волонтеры-медики», региональные отделения которого открыты в 85 регионах России и объединяют более 50 тысяч человек [2].

Согласно Методическим рекомендациям по организации работы добровольцев в сфере охраны здоровья Федерального центра поддержки добровольчества в сфере охраны здоровья Минздрава России, медицинское добровольчество (волонтерство) – добровольческая (волонтерская) деятельность в сфере здравоохранения, призванная повысить качество жизни граждан на профилактическом, лечебном и реабилитационном этапах, а также оказывать информационную, консультационную, просветительскую, досугово-развлекательную поддержку населению и деятельность, направленная на организацию дополнительной помощи в осуществлении медицинской деятельности и уходе [3].

При этом необходимо отметить, что определение медицинского волонтерства не закреплено на уровне федерального законодательства, хотя существующая нормативная база в сфере волонтерства достаточно обширна, а в

поправках в Конституцию, которые планируется внести в 2020 году, содержится нововведение о поддержке волонтерства Правительством (Глава 6, ст. 114) [4].

Тем не менее, отдельного закона о добровольчестве не существует. Это понятие введено в законодательство Федеральным законом от 5 февраля 2018 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)» в Федеральный закон от 11 августа 1995 года № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» [5]. В законе обозначены участники добровольческой деятельности, уравнены понятия «доброволец» и «волонтер», дано определение добровольческой организации, закреплены права и обязанности волонтера, условия осуществления добровольческой деятельности. Дальнейшая спецификация возложена на органы исполнительной власти.

Так, приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 26 сентября 2017 года №678 был создан Федеральный центр поддержки добровольчества в сфере охраны здоровья, целью которого является выработка общих подходов к развитию волонтерства в сфере охраны здоровья [6].

Методические рекомендации, подготовленные Центром, охватывают широкий круг вопросов. ВОД «Волонтеры-медики» также осуществляют методическую работу: разработаны формы договоров, шаблоны справок, различные информационные материалы, а также обучающие курсы.

Работа по совершенствованию законодательства, конечно, ведется, т.к. развитие волонтерства является одним из приоритетов социальной и молодежной политики государства [7]. Среди важных норм, закрепленных недавним законодательством, необходимо отметить следующие, значительно упрощающие процедуру взаимодействия волонтеров и медицинских учреждений: закреплены виды и условия договоров между физическим лицом, волонтерской организацией, медицинской организацией, частично решены вопросы страхования здоровья.

Так, приказ Министерства здравоохранения РФ от 26 февраля 2019 г. № 96н «Об утверждении порядка взаимодействия федеральных государственных учреждений, подведомственных Министерству здравоохранения Российской Федерации, с организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности и добровольческими (волонтерскими) организациями при содействии в оказании медицинской помощи в организациях, оказывающих медицинскую помощь» [8] расширяет Общие требования к порядку взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти

субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, подведомственных им государственных и муниципальных учреждений, иных организаций с организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности и добровольческими (волонтерскими) организациями, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2018 г. № 1425. Он закрепляет следующие важные нормы:

- организации, оказывающие медицинскую помощь, размещают на своих сайтах информацию о готовности к взаимодействию с волонтерскими организациями и имеющихся потребностях в волонтерской помощи;
- перед осуществлением добровольческой деятельности волонтерская организация подает списки добровольцев, в т.ч. номера СНИЛС и сведения об образовании, если волонтеры будут участвовать в медицинских вмешательствах;
- взаимодействие осуществляется в рамках соглашения;
- пациенты учреждения информируются об участии добровольцев в работе учреждения;
- волонтеры при осуществлении деятельности должны учитывать положения статьи 13 «Соблюдение врачебной тайны» Федерального закона от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах здоровья граждан в Российской Федерации».

При этом предъявления иных требований к волонтерам не допускается, если они не осуществляют содействие в оказании медицинской помощи. Перечень требований должен соответствовать требованиям, предъявляемым к обучающимся, проходящим практику в медицинских учреждениях.

Специфика медицинского волонтерства связана с необходимостью крайне высокой степени организации волонтерского движения и четкой правовой регламентации, т.к. работа волонтера может быть связана со сведениями, составляющими врачебную тайну и, в целом, с жизнью и здоровьем пациентов. Кроме того, медицинским персоналом может быть переоценена квалификация волонтера, в этой связи важно очертить круг помощи в каждом конкретном случае. Это требует законодательного закрепления прав и меры ответственности как каждого добровольца, так и волонтерской организации, которую он представляет. Для оценки уровня квалификации волонтера и качества выполняемых работ необходима координационная работа – непосредственное текущее управление. Координаторы также должны соответствовать определенному уровню компетенций и быть сертифицированы. Однако на настоящий момент эти вопросы возложены на волонтерскую организацию [9].

Таким образом, многие вопросы, урегулирование которых необходимо, берут на себя сами волонтерские организации. В этом, безусловно, проявляется специфика волонтерской деятельности – разные ее виды требуют разных подходов, поэтому общий закон задает лишь рамки добровольчества. Однако применительно к медицинскому волонтерству требуется более четкая нормативная регламентация. Специальный центр поддержки волонтерства составляет рекомендации, которые могут быть учтены, а могут быть и проигнорированы подведомственными учреждениями Минздрава. Далее инициатива спускается в регионы, которые также должны были разработать региональные порядки взаимодействия учреждений здравоохранения с волонтерскими организациями, очевидно, учитывая специфику региона и расположенных в нем учреждений здравоохранения. Таким образом, многие проблемы решены путем подготовки рекомендаций, не носящих обязательный характер, но, тем не менее, определенным образом устанавливающих процессы взаимодействия.

Однако остаются и не решенные проблемы, которые обошли стороной и нормативные акты, и рекомендации органов исполнительной власти, например: соблюдение санитарно-эпидемиологического режима, требования к волонтерам и критерии их отбора, допуск к работе с уязвимыми категориями пациентов, возможные формы добровольческой деятельности, программы обучения добровольцев.

Самыми проблемным остаются вопросы взаимодействия медицинского персонала и добровольцев. Хотя члены ВОД «Волонтеры-медики» и заявляют, что им удалось преодолеть негативное отношение к волонтерам [10], однако, работа волонтеров часто воспринимается как помеха работе персонала учреждений, соответственно, руководство может воспользоваться своим правом и не допустить волонтеров к работе. При этом, часто целью волонтерства является помощь конкретному человеку – пациенту, который может быть лишен такой помощи. Соответственно, в нормативных актах может быть предусмотрено обращение пациента к руководству учреждения для получения добровольческой помощи. Кроме того, может возникнуть и обратная ситуация, когда волонтеры допущены к работе, но пациент не желает, чтобы персоналу в медицинских манипуляциях и уходе помогали волонтеры. То есть интересы самого пациента никак не учитываются, пациент только информируется о том, что с учреждением сотрудничают волонтеры. Это может быть решено введением согласия пациента на уход или манипуляции при участии волонтеров, что даст право пациенту принимать или не принимать такую помощь.

Что касается требования по размещению на официальном сайте учреждения информации о потребности в волонтерской помощи, то необходимо

нормативное закрепление конкретного раздела сайта для размещения такой информации для удобства поиска.

Открытым остается вопрос и о страховании здоровья и жизни волонтеров в момент осуществления ими своих обязанностей. Конечно, этот момент может быть урегулирован договором между учреждением, волонтером и добровольческой организацией, тем не менее, волонтеры должны иметь определенные социальные гарантии.

Другая проблема связана с тем, что законодательно закреплено обязательное участие добровольческой организации для направления волонтеров в медицинское учреждение. Однако это лишает права индивидуального обращения в учреждение волонтера, который не состоит ни в какой организации, а волонтерские организации относятся к общественным объединениям, в которых предусмотрено добровольное участие. Немаловажным является и рекомендация по заключению соглашений между медицинским учреждением и волонтерской организацией. То есть работать с медицинскими учреждениями невозможно не только индивидуально, но и в рамках общественного объединения, не имеющего статуса юридического лица.

Вместе с тем вопрос об обязательном посредничестве волонтерской организации не доведен до логического конца, т.к. отсутствуют требования к координаторам волонтерской деятельности, на плечи которых ложится работа по организации и оценке труда волонтеров. Организации самостоятельно разрабатывают такие стандарты, как и обучающие программы для волонтеров, у которых зачастую нет медицинского образования, и для координаторов. Такая работа требует вовлечения огромного человеческого ресурса, что не под силу многим общественным объединениям, члены которых, как правило, совмещают волонтерскую деятельность с другими видами деятельности, соответственно, доступна только крупным волонтерским организациям. Такое положение фактически монополизировало медицинское добровольчество и сращивает его с органами исполнительной власти, а, значит, лишает его независимости. Так, например, 3 апреля 2020 года более 242 млн рублей выделены из резервного фонда Правительства России Всероссийскому общественному движению добровольцев в сфере здравоохранения «Волонтеры-медики» на организацию помощи гражданам в условиях распространения новой коронавирусной инфекции [11].

Таким образом, медицинское добровольчество является направлением волонтерства, которое требует особенно тщательного нормативного регулирования, т.к. оно связано с жизнью и здоровьем граждан. Несмотря на то, что направление, в целом, не обделено вниманием законодателя и исполнительной власти, остались нерешенные вопросы, которые оставлены на усмотрение

волонтерских организаций. Частично вопросы взаимодействия учреждений и волонтеров могут быть прописаны в соглашениях, которые для медицинского волонтерства должны стать обязательными, другие моменты решаются внутренними регламентами добровольческих организаций, что может нарушить единство подхода к организации медицинского волонтерства.

Литература:

1. #МЫВМЕСТЕ // <https://мывместе2020.рф/> (Дата обращения: 03.04.3020)
2. Всероссийское общественное движение добровольцев в сфере здравоохранения «Волонтеры-медики» // <https://волонтеры-медики.рф/o-nas/> (Дата обращения: 03.04.3020)
3. Методические рекомендации по организации работы добровольцев в сфере охраны здоровья. М., 2018. 28 с.
- 4 Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс»
5. Федеральный закон от 5 февраля 2018 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)» // СПС «КонсультантПлюс»
6. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 26 сентября 2017 года №678 «О Федеральном Центре поддержки добровольчества в сфере охраны здоровья» // СПС «КонсультантПлюс»
7. Концепция развития добровольчества (волонтерства) в России до 2025 года, утверждена Распоряжением Правительства от 27 декабря 2018 года №2950-р // СПС «КонсультантПлюс»
8. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 26 февраля 2019 г. № 96н «Об утверждении порядка взаимодействия федеральных государственных учреждений, подведомственных Министерству здравоохранения Российской Федерации, с организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности и добровольческими (волонтерскими) организациями при содействии в оказании медицинской помощи в организациях, оказывающих медицинскую помощь» // СПС «КонсультантПлюс»
9. Волонтеры в сфере здравоохранения // https://health.lenobl.ru/ru/about/common_sovet/patient_prava/volonter/ (Дата обращения: 03.04.3020)
10. Здоровое добровольчество // <https://zdrav.fom.ru/post/zdorovoe-dobrovolchestvo> (Дата обращения: 03.04.3020)
11. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2020 года №862-р // <http://government.ru/docs/39370/> (Дата обращения: 04.04.3020)

Гелуненко Валерия Вадимовна,
ассистент кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»

Овчиев Ильяз Поладович
студент юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород)

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО

Статья подготовлена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ, номер проекта – МК-1377.2020.6, тема проекта «Интегральная роль взаимодействия палат парламента в обеспечении конституционного права на свободу слова», соглашение № 075-15-2020-411 от 16.03.2020.

«В ходе проведения российских правовых реформ в среде юристов-практиков, судейских кругах и в юридической науке четко обозначились позиции, согласно которым перспективы развития права в России связываются, помимо прочего, с введением институтов, расширяющих сферу действия судебного прецедента, наделяющих суды функциями правотворчества, а седей – правом создавать прецедентные нормы общего характера, которые распространялись бы на все или значительную часть общества» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 628).

Аннотация: В статье рассматривается процесс законотворческой инициативы Конституционного Суда Российской Федерации. Анализируется по каким вопросам Конституционный Суд может реализовывать законотворчество. Также рассматривается решения Конституционного Суда как один из видов законотворчества.

Ключевые слова: Конституционный Суд, законотворчество, законодательная инициатива, решения суда.

Законотворческий процесс является сложным механизмом, который представлен совокупностью воздействующих на него элементов. На сегодняшний день механизм осуществления законотворчества сопровождается привлечением большого круга лиц. Одним из элементов, оказывающим влияние на реализацию законотворчества является судебная практика.

Конституционный Суд Российской Федерации является одним из органов судебной системы, который оказывает определенное воздействие на законотворческий процесс. В соответствии со ст. 104 Конституции Российской Федерации [1] «право законодательной инициативы принадлежит Президенту

Российской Федерации, Совету Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству Российской Федерации, законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации. Право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному Суду Российской Федерации и Верховному Суду Российской Федерации по вопросам их ведения». При этом следует отметить, что право законодательной инициативы предоставлено Конституционному Суду исключительно на федеральном уровне, без распространения его на уровни субъектов России.

Указанная норма Конституции Российской Федерации породила ряд вопросов в отношении права реализации законотворчества по вопросам введения. Это связано с тем, что в нормативных актах не содержится определения, что следует понимать под формулировкой «по вопросам введения». Среди правоведов нет единого мнения на данный счет, но сложилось две противоречивые друг другу позиции. Некоторые ученые указывают, что: «на практике конституция толкуется максимально широко, при этом признается, что названные суды вправе вносить законопроекты по всем вопросам, имеющим отношение к их деятельности» [3, с. 33]. Другую позицию высказывает Фомичева О.А., которая указывает, что в этом «отчетливо просматривается опасность излишне широкой интерпретации понятия «вопросы ведения» высших судов, которые не должны в силу принципа разделения властей превращаться в законодателей» [5, с. 35].

Анализируя вышеуказанные позиции, следует согласиться с последней, так как применение указанных положения в широком смысле даст возможность разрушить сложившиеся основы взаимодействия разных ветвей власти. Для полного разрешения указанной проблемы, как указывает З.А. Ашхотов, возникает необходимость: императивно-правового урегулирования и трактовки понятия «вопросы ведения» в контексте ст. 104 конституции в специальном законе, регламентирующем вопросы реализации права законодательной инициативы, или путем выработки Конституционным Судом Российской Федерации правовой позиции при толковании указанной статьи Конституции Российской Федерации» [4, с. 44].

Ещё одной из актуальных проблем в области законотворчества Конституционного Суда России является то, что принятый нормативно-правовой акт может в дальнейшем быть оспорен по основанию неконституционности в этом же судебном органе. Конечно, представляется логичным, что если законопроект подготавливает Конституционный Суд Российской Федерации, деятельность которого сопряжена напрямую с Конституцией, то закон будет бо-

лее подготовленный, а то, что его нормы будут неконституционными минимальный процент. Кроме того, Конституционный Суд может не допустить внесения в такой законопроект неконституционных изменений и дополнений.

С другой стороны, если в законе действительно будут содержаться неконституционные нормы, то при оспаривании такого закона Конституционный Суд может признать нормы конституционными и не вносить никаких изменений. А учитывая, какой юридической силой, обладает решения Конституционного Суда Российской Федерации, то изменить возможную ситуацию не представится.

Также следует указать, что одной из форм законотворчества Конституционного Суда Российской Федерации являются его решения. Решение: «окончательно и не подлежит обжалованию» [2] и незамедлительно вступает в силу и обязательно для всех. Источником принятия решения является непосредственно Конституция Российской Федерации. С учетом этого, ученые считают, что решения Конституционного Суда приобретают свойства нормативного акта. З.А. Ашхотов указывает, что: «решение Конституционного Суда Российской Федерации о признании акта или его отдельного положения неконституционным, а, следовательно, полная либо частичная дисквалификация нормативного акта, приводят к отмене всех актов на нем основанных, т. е. решения Конституционного Суда Российской Федерации в какой-то степени имеют даже большую сферу действия, нежели закон» [4, с. 47]. И это дает основания для такого понятия как «негативный законодатель».

Таким образом, следует сказать, что право на законодательную инициативу Конституционного Суда Российской Федерации закрепляется непосредственно в Конституции России. Для устранения пробелов в сфере данного вопроса следует, прежде всего, определить сущность «вопросов ведения», чтобы обозначить четкий круг вопросов, по которым может проявляться законодательная инициатива. Также до сих пор существует нечеткость в том, как проверять законы, представленные Конституционным Судом на их конституционность, так как данный орган проверяет все нормативные акты по указанному вопросу.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993]: [с учётом поправ. внес. законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ] // Российская газета. – 1993. – 25 дек. – № 237; 2014. – 23 июля. – № 6435(163).

2. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) // Российская газета. 1994 г. № 138-139.
3. Айтов П.Б. Право законодательной инициативы Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 5. С. 32-35.
4. Ашхотов З. А. Конституционный Суд Российской Федерации как субъект права законодательной инициативы // Журнал российского права. 2015. № 8. С.40-48.
5. Фомичева О.А. Решение Конституционного Суда как форма реализации идеи законопроекта // Вестник Омского университета. 2017. № 4 (53). С. 33-41.

Грицюк Максим,

аспирант кафедры теории и истории государства и права
юридического института НИУ «БелГУ»

(Украина)

Научный руководитель – проф. Е.В. Сафронова
(Белгород)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

«Нынешнее поколение людей должно учиться уважать традиционные ценности и институты, подлинный базис всякого нормального, стабильного общества. В соотношении традиций и новаций, характеризующих актуальное общественное состояние, преимущественно всегда должно быть за первыми» (Мальцев Г.В. Очерки истории раннего права и государства : монография. М., 2010. С. 317.)

Аннотация: в статье рассматриваются современные трактовки понятия «государственность», его особенности и связь с определением «государство». Особое внимание уделено существенным характеристикам государственности - «менталитету», «оригинальности» и т. д. Рассмотрена концепция институциональных матриц и теории типов ментальности. Была предпринята попытка сравнить российскую и западноевропейскую государственность.

Ключевые слова: государство, государственность, менталитет, совесть, институциональные матрицы, общность, державность.

В Российской государственности с момента развала СССР и создания Российской Федерации происходят изменения, которые касаются, как государственной организации в частности, так и общества в целом. Российская Федерация избрала новую модель развития государства – «западную». По этому поводу, в научной литературе, высказывают разные мнения, одни выступают в пользу западного пути развития, утверждая, что нужно перенять всё положительное, что есть в политической практике западных государств, другие, что западная модель либерально-демократического государства не пригодна для российской действительности.

Русский философ и государствовед И.А. Ильин, утверждал, что «единого мерила, единого образцового строя для всех народов и государств нет и быть не может» [1, с. 103-104], и с этим нельзя не согласиться. У каждого народа есть своя культура, свои традиции, религиозные и нравственные убеждения, свой собственный менталитет, присущий только этому народу, и всё это подчеркивает, у отдельно взятого народа, его индивидуальность, самобытность, уникальность. А.И. Солженицын также писал, что «Сейчас у нас самовнушение, что нам никакого собственного пути искать не надо, ни над чем задумываться, – а только поскорее перенять, «как делается на Западе». Но на Западе делается – ещё ой как по-разному! У каждой страны своя традиция» [2, с. 8]. И.Н. Гуледани и В.М. Курицын в своей статье сделали следующие выводы: «Как показало последующее десятилетие, бездумная имитация зарубежных государственно-правовых институтов обречена на провал, поскольку механически скопированные формы западной государственности в Российской Федерации в итоге наполняются специфическим российским содержанием» [3, с. 22].

Проблематика государственности – это ещё не разработанная в юридической науке теоретическая проблема, которая не имеет четкого, общепринятого понятия «государственности». Однако в последнее время интерес к данной проблеме усилился, появился ряд работ правового характера (И.И. Анисимова, Ю.А. Андреевой, И.Л. Бачило, М.В. Ильина, В.М. Корельского, И.А. Исаева, Л.А. Морозовой, И.Н. Гуледани, В.М. Курицына, Е.А. Лукьяновой, В.Д. Перевалов, Н.С. Розова, Н.А. Рябинина, С.А. Шабурова, Е.В. Сафроновой, С.А. Карскановой и др.), посвященных анализу государственности. Единства мнений в установлении содержания данного явления в отечественной науке до сих пор не достигнуто.

В советской теоретико-правовой науке понятия «государственность» фактически отождествлялись с понятием «государство». Объясняется это тем, что в советский период развития государственности сам факт её преемственности отрицался. В настоящее время также можно встретить отождествление

государственности с государством в работах А.Д. Кирилова, В.Н. Синюкова, И.В. Левакина.

По мнению А.С. Шабурова, понятие государственность гораздо полнее и богаче по содержанию, чем понятия государство [4].

Интересный подход к государственности предлагает Морозова Л.А. Государственность, по её мнению, это сложный комплекс элементов, структур, институтов публичной власти, обусловленных самобытностью социально-экономических, политических духовно-нравственных условий жизни конкретного народа или объединения народов на определенном этапе развития общества [5]. В качестве компонентов государственности она отмечает: государство, экономический строй общества, социальная организация общества, духовно-нравственная, культурная организация общества, правовая система, информационная система, человек как субъект общественного развития, носитель важнейших видов общественных отношений и главная цель функционирования государственности [5].

Однако Морозова Л.А. вместе с авторами, которые отождествляли государственность с государством, рассматривает государственность в статике, и нельзя сказать, что это неправильно.

Венгеров А.Б., рассматривает государственность в развитии, в исторических переходах от одних форм государства к другим. Государственность трактовалась им как преемственность и обновление политической, структурной и территориальной организации общества, т.е. государственно-правовые процессы, происходящие в течение длительного периода жизнедеятельности российского этноса [6].

Если рассматривать государственность с точки зрения статики и динамики, то более приемлемой мне представляется позиция авторов, которые утверждают, что государственность нужно рассматривать в сочетании этих двух категорий. Так, И.Н. Гуледани, и В.М. Курицына, в своей статье приходят к выводу: «что, несмотря на то, что государственность выступает как конкретно-историческое явление, характеризующее состояния общества на определенном этапе развития, она включает в себя условия и исторические закономерности развития государственных и общественных структур. Таким образом, правильный подход к рассмотрению государственности должен включать её анализ как в динамике, так и в статике. Развитие государственности, безусловно, рано или поздно влечет переход количественных изменений в качественные. Однако это не исключает возможности сохранения конкретного качественного состояния государственности на протяжении определенного периода времени. Сочетание динамизма и статики государственности воспри-

нимается как отдельные этапы или периоды его развития» [3, с. 22]. В подтверждение этих выводов можно привести простой пример, если мы спрашиваем: «Была ли у русских государственность в девятом веке?», то мы говорим о состоянии общества на конкретном историческом этапе. Если мы спрашиваем: «Сколько веков или тысячелетий насчитывает русская государственность?», то тут уже государственность рассматривается как исторический процесс, от создания у русских первой формы государственности по сей день. Таким образом, государственность нужно рассматривать как качественное состояние государства и общества, взятое в их единстве и прослеживаемое в динамике [7, 8].

Ещё один немало важный компонент государственности, на который обращают внимание представители научной общественности (В.М. Корельский, В.Д. Перевалов, Л.А. Морозова, О.Ю. Винченко, В.В. Ильин, Н.А. Рябинин и др.), исследующие проблемы российской государственности – это ментальность и национальная самобытность. Связь государственности с явлением ментальности и национальной самобытности, проявляется в своеобразии экономического уклада, политико-правовой жизни, духовности и психологического восприятия мира. Рассматривая проблему специфики российской государственности, ученые отмечают, что её становление и развитие предопределено традициями российской самобытности и национальной ментальностью. Также выделяют особенности российской государственности, такие как: православие, общинность, соборность, державность [9].

В своей статье Сафронова Е.В. и Карсканова С.В. рассматривают взгляды некоторых авторов, которые обращают своё внимание на возможность институциональных изменений государственности, а также наличие базовых институтов (инвариантных констант), обеспечивающих воспроизводство государственности в различных исторических типах обществ. Поэтому важной проблемой теоретико-правовой науки выступает поиск и определение базовых институтов государственности. Специально хотелось бы отметить, что проблема поиска инвариантных констант (базовых институтов, институциональных матриц) выходит далеко за рамки юриспруденции. В последние годы ученые гуманитарного профиля (экономисты, политологи, правоведы, социологи, психологи, историки), да и не только, озадачены поиском закономерностей социально-политических трансформаций, выявлением системного закона, объясняющего уникальность государственно-правового развития различных национально-государственных обществ, включая Россию [10].

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин в своей статье обращал внимание на неопозитивистскую теорию права Г. Кельзена, которую можно рассматривать как образец модернизации

классического юридического позитивизма. В основе кельзеновского нормативно-правового порядка лежит Grundnorm – основная норма, главным признаком которой является ее социальная действенность, т.е. ее способность устанавливать устойчивый порядок в конкретных социальных условиях. Из этой идеи выросли доктрины и подходы, предполагающие, что в конституции страны содержатся особые нормы, выражающие квинтэссенцию ценностей конкретного общества. Ценностей, которые не могут быть изменены без утраты национальной идентичности. Поэтому теоретическая одномерность современного правопонимания, отрывающая право от социокультурного контекста обществ с иной, неевропейской (точнее – не-западной) исторической судьбой, стала одним из факторов нынешнего кризиса права и правовой демократии [11].

Сафронова Е.В. и Карсканова С.В. также отмечают, что на основе концепции «институциональных матриц» разрабатывается мультидисциплинарная теория типов ментальности. Разработчики теории полагают, что специфичность базовых матриц определяет тип ментальности [10].

Нельзя не согласиться с выводами авторов концепции институциональных матриц и теории типов ментальности, что без выявления ментальных особенностей российской государственности невозможно ее дальнейшее прогрессивное развитие.

В связи с этим особый интерес представляют исследования отечественной консервативной политико-правовой доктрины. Карсканова С.В., исследуя государственность в консервативных учениях, отмечала, что «отечественная консервативная политико-правовая доктрина всегда была озадачена поиском «фундамента» российской государственности. Научная мысль предпринимала многочисленные попытки вычислить инвариантную формулу Русской цивилизации и сверхценности национальной государственности. Наиболее ярко и последовательно анализ сверхценностей русской государственности проводился в рамках государственно-охранительного и этико-правового направлений отечественной консервативной доктрины в трудах Н.М. Карамзина, С.С. Уварова, К.П. Победоносцева, Тихомирова, П.Е. Казанского, В.Д. Каткова Н.А. Захарова и др.» [12].

Немало консерваторов связывали российскую государственность с религиозным (православным) мирозерцанием («сверхценностью»), отрицанием сугубо позитивистского и секулярного подхода к праву и власти. Право консерваторами интерпретируется в системе этико-религиозных координат («правда», «справедливость», «мораль», «добро») и подчиняется высшим нормативным системам (религии и нравственности). Фундаментальной ценно-

стью консерваторы признавали, прежде всего, общность (народность, государственность), другими словами приоритет прав и интересов социального коллектива над личным.

В обоснования критики заимствования западных моделей и ценностей государственности, хотелось бы обратить внимание на духовно-нравственные устои русского общества, которые отличаются от устоев западного мира.

Рассматривая русского человека как основополагающее звено в развитии общества и государственности, на что обращала внимание Морозова Л.А., с точки зрения его духовно-нравственного развития, обратим внимание на один компонент, от которого зависит нравственное развития человека. Название этому компоненту – совесть.

Совесть – это некий стержень, механизм, который помогает человеку, основываясь на понимании ответственности за каждое своё деяние и осознавая, что такое хорошо, а что такое плохо, принимать решения в выборе тех или иных действий, при возникновении перед человеком определённых задач.

В современной системе ценностей, жизнь, как правило, рассматривается, как высшая ценность, и оттого иностранцам “русская душа” порой кажется загадочной. Они искреннее не понимают, как человек может пожертвовать своей жизнью, ради других людей. Приведу один пример. При ликвидации Чернобыльской аварии, сотрудник, работающий на станции, для предотвращения более серьёзной катастрофы, пожертвовал своей жизнью, пригнув в кипящую радиоактивную воду. Непонимание таких действий объясняется «западным менталитетом», наглядный пример которого хорошо виден в инциденте, который произошёл в 2011 году в Калифорнии. «Полицейские и пожарные наблюдали за тем, как человек тонул, заявляя, что у них нет соответствующих сертификатов для осуществления спасательных операций на воде, что могло привести к судебным искам, в случаи, если бы они попытались его спасти. Городские власти объяснили инцидент, сокращением бюджета. Трагедия разворачивалась больше часа, а представители властей просто стояли и ничего не делали» [13]. Этот пример показывает, что стремление держаться правил и боязнь перед судебными исками побеждают над желанием помочь и сочувствием.

Социальная система «западного мира», которую так усердно применяют в российском государстве, является по своей сути чуждой русскому человеку. Внедряемые понятия, обмана, как формы жизни, карьерного роста и стремление к власти ради наживы, обогащения, за счёт других – это прямое наступление на внутренний стержень русского человека, и стремление убить в нём совесть.

В 1853 г., известный английский учёный-геолог, сэр Родерик Импи Мурчисон, выступая на митинге в лондонском Гайд-парке против вступления Великобритании в Крымскую войну, говорил: «Даже, если Россия расширяет свои владения за счёт сопредельных колоний, в отличие от остальных колониальных держав, она отдаёт этим своим новоприобретениям больше, чем берёт от них. И не потому, что ею движет некая филантропия или что-то в этом роде. Изначальные устремления всех империй мало разнятся, но там, где появляется русский человек, всё чудесным образом получает совсем иное направление. Выработанные у восточных славян ещё с дохристианских времён нравственные нормы не позволяют русскому человеку насиловать чужую совесть и посягать на имущество, ему по праву не принадлежащее» [14, с. 217].

Многие могут сказать афористическое поэтическое выражение Тютчева «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить», – которое часто выступает в качестве аргумента в научных спорах. Это происходит из-за того, что люди, которые не могут понять Россию, а в частности русского человека, сами не являются, в большинстве случаев, русскими по национальности. Поэтому, на мой взгляд, выбором пути развития и модели Российской государственности, должны заниматься люди, для которых не будет загадкой «русская душа», «русский дух», русская ментальность. Люди, для которых русская культура, традиции, не будут пустым звуком.

Таким образом, на основании различных мнений можно предложить следующее определение государственности. Под государственностью можно понимать качественное состояние общества, которому, во-первых, присущи определённые компоненты, отличающие его от более примитивных форм объединения людей, во-вторых, которое формировалось в процессе исторического развития общества, под влиянием национально-культурных, социально-экономических и духовно-нравственных его особенностей, с момента появления первого государства и по наши дни. Исходя от этого определения, можно сделать вывод, что специфику государственности определяют национально-культурные, социально-экономические и духовно-нравственные его особенности. В связи с этим особый интерес представляют исследования отечественной консервативной политико-правовой доктрины.

Литература

1. Ильин И.А. Наши задачи // Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993.
2. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения. М.: Комсомольская правда, 1990. – 8 с.

3. Гуледани И.Н. Курицын В.М. Понятие государственности в российской юридической науке // Вестник Московского университета МВД России № 10, 2008. – С. 22 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-gosudarstvennosti-v-rossiyskoy-yuridicheskoy-nauke>.
4. Шабуров А.С. Государство и государственность: вопросы соотношения // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 3. – 126 с.
5. Морозова Л.А. Проблемы современной российской государственности: Учебное пособие. М.: Юрид. лист., 1998. – 10 с.
6. Теория государства и права. Ч.1 Теория государства. Под ред. А.Б.Венгера. М., 1995. – 179 с.
7. Лукьянова Е.А. К вопросу о специфике российской государственности // Вестник Московского университета (МГУ). Серия 12. «Политические науки». 2002. № 1.
8. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997. – 187 с.
9. Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. Екатеринбург, 1996. – 187 с.
10. «Государство» и «государственность»: проблема терминологического соотношения и определения / Сафронова Е.В., Карсканова С.В. / Отрасли права, 2015. // <http://xn----7sbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/1197>.
11. Право метамодерна: постановка проблемы / Зорькин В. Д. / Конституционный суд Российской Федерации // <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=86>.
12. Карсканова С. В. Основы отечественной государственности в консервативных политико-правовых учениях XIX - начала XX века / Автореферат, 2015. – 3 с.
13. DAILYNEWSSTAFF// WRITERJUN 01, 2011 //[URL: <https://www.nydailynews.com/news/national/california-man-drowns-san-francisco-bay-emergency-responders-stand-watch-article-1.130537>].
14. Ваксман С.И. Вся земля, или Записки о Родерике Мерчисоне, короле Пермском, Силурийском и Девонском. М.: 2008. – 217 с.

Дорофеев Александр Владимирович,
аспирант кафедры теории и истории государства и права
юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – проф. Е.В. Сафронова
(Белгород)

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ СТИМУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

«Мир нормативного широк и разнообразен, в нем представлены нормы различного типа и характера, имеющие разные назначения – от общей ориентировки социального поведения до конкретного указания на требуемый поступок. Точно так же и нормативный юридический мир не может быть сведенным к какому-либо одному виду норм, он так же включает в себя конструкции разнообразного назначения» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 736)

Аннотация: статья посвящена становлению и эволюции института правового стимулирования деятельности государственных служащих в первые годы советской власти.

Ключевые слова: советская власть, советское государство, стимулирование, заработная плата, стимулирование служащих, декрет, распределение по труду, распределение по потребностям, материальное стимулирование.

Как известно, социальное управление усложняется по мере развития человеческого общества, а с появлением государства в общественно-полезной деятельности выделяется в качестве самостоятельного вида «деятельность, состоящая в практическом осуществлении целей, задач и функций государства» [1, с. 263].

В непосредственной связи с социально-экономическими и общественно-политическими условиями развития российского государства, процессами совершенствования и реформирования института государственной службы и госаппарата находится и эволюция института правовых материальных стимулов государственных служащих.

Революционные события 1917 года повлекли коренную ломку всех основ государственной службы. Взамен положено начало созданию советской системы правового стимулирования на совершенно иных принципах и подходах к оценке труда служащих.

В первые годы советской власти провозглашенное равенство всех граждан предполагало и равную оплату труда, размер которой мог зависеть лишь от объема и качества сделанной работы. В идеале, исходя из известной марксистской формулы «каждому по его потребностям, от каждого по его способностям», в основу нарождавшегося советского права была положена новая мера справедливости – мера труда. Предполагалось, что правовая система социалистического государства будет отличаться тем, что она «даст справедливую долю каждому участнику трудового общества не только на обеспечение средств существования, но и тех предметов, которые окажутся необходимыми для удовлетворения специальных потребностей, связанных с той или другой областью творчества и труда» [2, с. 304].

Одновременно новая советская власть признавала, что распределение по труду обусловлено, прежде всего, развитием производительных сил социалистического общества, уровень которых хотя и выше, чем при капитализме, но, тем не менее, недостаточен для перехода к распределению по потребностям [3, с.94]. Распределение по труду считалось одним из важнейших принципов социализма. Сообразно с этим в социалистическом обществе все трудящиеся должны были получать равное вознаграждение за одинаковый труд. При этом изначально предполагалось, что справедливость, составлявшая основу такого подхода, непосредственно обеспечит необходимый уровень качества и мотивированности деятельности как трудящихся в целом, так и государственных служащих – в частности. А потому стимулирование качества труда рассматривалось как избыточное, несправедливое и даже вредное для дела революции.

Пользуясь современной терминологией и основываясь на классификации правовых, в данном примере мы можем выделить такие виды стимулов для госслужащего, как: а) денежная надбавка к окладу (в размере 1/5 оклада) как материальный стимул, б) обеспечение жилплощадью как нематериальный стимул. Кроме того, в качестве стимулирующего средства можно рассматривать и достаточно высокий уровень заработной платы (по сравнению с окладами по иным должностям).

То есть советская власть в сфере правового стимулирования деятельности государственных служащих не изобрела ничего нового. Фактически применялся тот же механизм стимулирования, который действовал и в дореволюционной России. С той лишь разницей, что базировался он на классовом подходе и применялся в интересах новой политической силы.

Системное формирование правовой базы деятельности государственных предприятий и учреждений советского государства, в том числе по вопросам стимулирования, в различных отраслях и сферах деятельности имела свою специфику и особенности, и проходила в различные сроки.

Изучение законодательных актов советского правительства, изданных в период с октября 1917 года и до середины 1918 года, позволяет сделать вывод, что важнейшей тенденцией, проявившейся в этот начальный период становления советского государства, стала жизненная необходимость решать задачи по материальному обеспечению и стимулированию деятельности тех категорий работающих, от труда и лояльности которых зависело существование советского государства. Обратимся к данному аспекту.

Если рассматривать порядок стимулирования деятельности военнослужащих, то следует отметить, что основная часть документов, детализирующих вопросы прохождения воинской службы в царской России, продолжала действовать в той или иной мере в 1918-1919 годах. Например, нормы Свода военных постановлений 1869 года, предусматривавшие выдачу довольствия и устанавливавшие порядок рассмотрения претензий военнослужащих на его недополучение, были подтверждены в качестве обязательных к исполнению решениями СНК и ВЦИК РСФСР [4, 5].

Пограничная охрана также до мая 1918 года руководствовалась дореволюционным законодательством, а Декрет СНК РСФСР от 28 мая 1918 года об учреждении советской пограничной охраны во многом воспроизводил нормы Правил об Отдельном корпусе пограничной стражи 1910 года и Инструкции службы чинов Отдельного корпуса пограничной стражи 1912 г. [6].

Примечательной особенностью стало увеличение материального стимулирования всем категориям работников железнодорожного транспорта, состоявшееся в декабре 1917 года, в основу которого были положены нормы оплаты и продолжительность рабочего дня железнодорожников, выработанные и принятые Всероссийским учредительным железнодорожным съездом, состоявшимся еще в дореволюционный период – в августе 1917 года. Так, Декретом СНК от 14 декабря 1917 года вводилось деление всех должностей служащих на 14 категорий, а самих железных дорог – на 10 районов. В соответствии с этими двумя критериями определялся размер должностного оклада железнодорожников. Однако в случае получения натурального довольствия (пользование служебным жильем и т.п.) нормы вознаграждения соответственно уменьшались.

Этим же постановлением подтверждались дополнительные выплаты (т.е. надбавки) для эвакуированных и командированных сотрудников [7]. В частности, указывалось, что, помимо предусмотренных Декретом прав, на

этих лиц распространяются все льготы и преимущества, предусмотренные Инструкцией от 12 марта 1890 г. о применении Положения о железнодорожных служащих в военное время и Законом от 28 апреля 1915 г., причем все выплаты должны были рассчитываться на основе новых окладов.

Кроме того, следует отметить, что для работников физического труда железнодорожной сферы устанавливался 8-часовой рабочий день, а работников интеллектуального труда (телеграфисты, конторщики, табельщики и т.д.) – 6-часовой. В субботу предусматривалось сокращение рабочего дня на два часа.

Обычно подобное неравенство обосновывалось разницей в затратах на проживание в столицах и на периферии. Таким образом, можно сделать вывод, что устанавливая понижающие коэффициенты к окладу в зависимости от места службы, советская власть по сути неявно выплачивала служащим денежные средства, которые можно расценить однозначно – как надбавки и доплаты за особые условия работы (в т.ч. территориальные) и за квалификацию сотрудника (посредством определения его категории). То есть фактически материальное стимулирование деятельности государственных служащих в первые годы советской власти осуществлялось путем включения соответствующих сумм в структуру оклада.

Спустя полгода, отдельным декретом Совета Народных Комиссаров «О нормах оплаты учительского труда» для учителей была введена 24-часовая рабочая неделя [8]. Полагаем, что установление подобной, сокращенной нормы рабочего времени также можно рассматривать как стимул, ориентирующий преподавательский состав повышать свою квалификацию, качество методического и организационного обеспечения проводимых учебных занятий.

В подтверждение выявленной тенденции отметим, что в течение 1918 года были приняты несколько нормативно-правовых актов по вопросам материального обеспечения и стимулирования служащих государственных учреждений, целевой установкой которых являлось введение единого, унифицированного категориального деления сотрудников, конкретизация размеров их должностных окладов и формирование единой структуры оплаты труда.

Сам факт установления категорий работников (служащих) свидетельствует о наличии в системе стимулирования их деятельности в первые годы советской власти таких разновидностей стимулов как материальные надбавки и выплаты, а также организационные (статусные) стимулы. Во-первых, упоминание «необходимого прожиточного уровня» предполагает, что соответствующие оклады повышались за счет индексирующих компенсационных выплат («на дороговизну жизни»). Во-вторых, оговорку об опасных или иных условиях труда следует расценивать как свидетельство включения в оклад

скрытых надбавок за особые (вредные, опасные) условия труда. В-третьих, отнесение сотрудника к той или иной категории или ее изменение можно считать средством стимулирования повышения сотрудником своей квалификации, опыта, качества работы, т.е. статусным стимулом.

Однако наиболее существенной проблемой в 1918 году по-прежнему оставались вопросы адекватной оценки и справедливой оплаты труда. Заработная плата всех категорий служащих в этот период исчислялась по тарифным ставкам в зависимости от категории и разряда в соответствии с занимаемой должностью *без выплат премиальных и других надбавок*. Однако, как показывает анализ нормативных документов, материальное стимулирование в это период носило скрытый характер: соответствующие надбавки и доплаты закладывались в должностные оклады изначально и определялись категорией служащего, условиями и местом его работы, квалификацией, составом семьи (количеством иждивенцев) и проч.

Необходимость реализации на практике принципа равенства в вознаграждении труда и стимулировании его качества обусловил продолжение работы по унификации законодательства о материальном обеспечении и стимулировании деятельности госслужащих. В этот период принимается ряд постановлений и решений, в которых (наряду с прочими вопросами) продолжается совершенствование правовой регламентации процедур разработки, согласования и принятия нормативных документов по вопросам оплаты труда и стимулирования деятельности государственных служащих.

Итак, становление и эволюция института правового стимулирования деятельности государственных служащих в первые годы советской власти находились в тесной и непосредственной связи с социально-экономическими и общественно-политическими условиями функционирования нового советского государства, процессами перестройки всего госаппарата и формирования института государственной службы на новых началах. В законодательстве были заложены первые элементы будущей системы льгот и привилегий высших должностных и партийных руководителей, однако в целом механизм нематериального стимулирования еще не сформировался, а система мер материального стимулирования – еще не приобрела стройности и оформления.

Литература

1. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. – М., 1997.
2. Рейснер М.А. Государство буржуазии и РСФСР. – М.-П.: Петропечать, 1923.
3. Денисов А.И., Кириченко М.Г. Советское государственное право. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957.

4. Декрет СНК РСФСР от 9 ноября 1917 г. «О вознаграждении пострадавших от несчастных случаев воинских чинов, откомандированных в предприятия» // СУ РСФСР. – 1917. – № 4. – Ст. 65.
5. Приказ Народного комиссариата по военным делам от 24 июня 1918 г. «О сокращения срока на заявления военнотружеников претензий о выдаче недополученного довольствия» // СУ РСФСР. – 1918. – № 48. – Ст. 572.
СУ РСФСР. – 1917. – № 9. – Ст. 295.
6. Декрет СНК РСФСР от 14 декабря 1917 г. «О нормах оплаты труда железнодорожников, категориях служащих и о 8-ми часовом рабочем дне во всех отраслях железнодорожного труда» // СУ РСФСР. – 1917. – № 8. – Ст. 116.
7. Декрет СНК РСФСР от 26 июня 1918 г. № 552 «О нормах оплаты учительского труда» // СУ РСФСР. – 1918. – № 48. – Ст. 567.

Еньшина Елена Николаевна

аспирант Белгородского университета кооперации, экономики и права

Научный руководитель – проф. Е.В. Сафронова

(Белгород)

Ф.Ф. КОКОШКИН О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

«Со времен социогенеза человеческие сообщества упорядочиваются на основе процессов регулирования (регуляции) поведения людей, общественных отношений, в которых ясно выражены начала самоорганизации систем, действующих в условиях возрастания факторов сознательности и субъективности» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 38).

Аннотация. Статья посвящена анализу взглядов Ф.Ф. Кокошкина (1871-1918 гг.) – одного из основоположников конституционного права в России – на институт государственной власти.

Ключевые слова: государственная власть, единство верховной власти, разделение властей, суверенитет, верховенство, государство.

Оригинальный взгляд на систему организацию государственной власти и концепцию Монтескье представлен в работах Ф.Ф. Кокошкина (1871-1918 гг.) – одного из основоположников конституционного права в России. К сожалению, в отечественной историко-правовой науке имя Ф.Ф. Кокошкина несправедливо забыто. В отечественной историографии есть лишь одна историческая диссертационная работа, посвященная его общественно-политической деятельности [1].

В дореволюционной науке теория государственного права рассматривалась в общей части, а особенная была посвящена государственному праву конкретной страны. Работа Ф.Ф. Кокошкина, посвященная общему государственному праву, не была исключением. По его мнению, предметом общего государственного права выступает изучение правовой сущности, юридической природы государства, общих принципов организации государственной власти [2, с. 162].

В науке государственного права он выделял два основных подхода: эмпирический и идеалистический. Согласно первой точке зрения, сторонником которой были Макс фон Зейдель, Н.М. Коркунов и др., субъектом права является только человек, государство – юридическое отношение, а государственная власть – это господствующая воля, объект юридических отношений. Подчинение воле обеспечивается необходимостью достижения определенных целей. Согласно второй – государственная власть – это общественное господство. Сторонники этой концепции (Гоббс, Руссо, Гербер, Альбрехт, Еллинек и др.) признали субъектами права физических и юридических лиц. Государство – это юридическое лицо, обладающее волей и властвующая на подданных.

Ф.Ф. Кокошкин критически относился к этим теориям. По его мнению, целью государственной деятельности выступают общественные интересы; государственная власть – это не «воля государства», как юридического лица. Он был противником «волюнтарной» (или волевой) теории государственной власти. Он писал: «власть не есть воля, а известное отношение одной воли к другой, господство одной воли над другой» [2, с. 190]. По его мнению, понятие власти – это один из видов субъективного права (субъективное право государство на повиновение подданных).

Оригинальным был и его взгляд на признаки государственной власти. Специфическим признаком он считал территориальный характер и в отличие от большинства российских государствоведов (Градовского, Гессена, Лазаревского, Коркунова и др.) не признавал суверенитет (верховенство) основным признаком государственной власти, доказывая, что не всякое государство суверенно, чем сближался с П.Е. Казанским и Л.А. Тихомировым, отличавшим фактическое (самодержавие) и юридическое (суверенитет) верховенство. Распространенный в доктрине признак государственной власти – неограниченность, из которого выводились другие (единство, нераздельность, непрерывность) также не принимался ученым. Он доказывал, что признание неограниченности государственной власти делает из государства «земного бога», а ссылки на самоограничение (ограничение правом), моральными нор-

мами, традициями не обоснованы. «Господствующее ныне понятие суверенитета связано с воззрением на право, как на произведение воли государства. Если право исходит от государства, очевидно, государство не может быть им ограничено» [2, с. 203].

Ф.Ф. Кокошкин, был самым последовательным проводником идей правового государства. Он доказывал, что суверенная власть – это власть независимая лишь в смысле, что она никому не подчинена, «но над ней стоят безличные нормы права» [2, с. 204]. В связи с этим идеи Монтескье были ему очень близки. В самой большой его работе по государственному праву был посвящен анализу теории распределения (разделения) властей. По его мнению, главное значение теории французского правоведа сводится реализации идеи свободы личности. При этом в отличие от Руссо, видевшего свободу личности в реализации ее гражданских и политических прав, участия в государственной власти, Монтескье понимал свободу личности как защиту от произвола государственной власти.

Ф.Ф. Кокошкин полагал, что критика теории разделения властей не достаточно обоснована и происходит из неправильного ее понимания. Основные критические аргументы сводятся к трем группам: юридические, политические и исторические. Главный юридический аргумент заключается в доказывании, что государство – это юридическая личность, обладающая единой волей, сконцентрированной в единоличном или коллегиальном органе. По мнению Кокошкина, Монтескье не говорит о трех волях или трех отдельных субъектах властвования, власть он понимает как субъективное право государство. Именно на этой идее строил свою концепцию конституционного (правового) государства.

Государственная власть, понимаемая российским правоведом, как субъективное право государства на повиновение подданных, осуществляется в различных формах, т.е. функциях. Направления деятельности государства (функции) – это различные субъективные права власти, которые вытекают из общего субъективного права – права на повиновение.

При этом Ф.Ф. Кокошкин подчеркивал, что по существу государственная власть едина. Однако единство базируется не на единой воле властвующего субъекта, а на единых народных целях, ради достижения которых народ подчиняется власти. При осуществлении практической деятельности государственная власть расщепляется. «Единая по существу государственная власть (т.е. общее право государства на повиновение его членов) в своем конкретном осуществлении распадается на несколько отдельных властей (право государства на повиновение его законам, право на повиновение правительственным распоряжениям, право на повиновение судебным приговорам) [2, с. 217-218].

Вопрос о выделении перечня функций Кокошкин считал спорным. Наиболее обоснованным ему представлялось выделение трех основных функций: законодательной, управленческой (правительственной) и судебной. При этом разделение функций государственной власти по их юридической природе не тождественно распределению государственной деятельности между органами.

Свою доктрину, в которой соединялись учение о формах осуществления государственной власти (функциях) с идеей о ее организации (органах), он назвал теорией «распределения функций государственной власти» [2, с. 225]. Он намеренно не употребил термин «разделение», чтобы отграничить ее от теории Монтескье.

Идеалом организации государственной власти Ф.Ф. Кокошкин считал правовое государство – государство, «связанное» правом. «Конституционное государство есть практическое воплощение идеи правового государства» [2, с. 261]. Кокошкин пришел к выводу, что «конституционное государство характеризуется прежде всего тем, что в нем подчинение государства праву обеспечено: 1) участием народа или народных представителей в законодательстве; 2) разделением властей» [2, с. 263].

Таким образом, Ф.Ф. Кокошкин был автором одной из самых оригинальных концепций организации государственной власти. Его вклад в государственно-правовую науку требует специального комплексного исследования.

Литература

1. Клушин А.Г. Общественно-политическая деятельность Ф. Ф. Кокошкина : автореферат дис. ... канд. истор. наук : 07.00.02. – Орел, 2000. 25 с.
2. Кокошкин, Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. – Изд. 2-е. – М.: бр. Башмаковы, 1912. – V, [1]. 306 с.

Земляной Алексей Владимирович
главный юрисконсульт Политической партии
«Коммунистическая партия Российской Федерации»
(Москва)

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СУБИНСТИТУТА ГАРАНТИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН РОССИИ, ПОСТОЯННО ПРОЖИВАЮЩИХ (ВРЕМЕННО НАХОДЯЩИХСЯ) ЗА РУБЕЖОМ

«Нельзя ответить на вопрос о том, что такое интерес субъекта, предварительно не уяснив, кто есть этот субъект. Важно при этом, что он представляет собой на самом деле, а не то, что он о себе думает, какие качества и добродетели себе приписывает» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 267).

Аннотация. В статье рассмотрена правовая природа субинститута гарантий избирательных прав российских граждан, которые постоянно проживают или временно находятся за рубежом.

Ключевые слова: конституция, избирательная система, избирательное право, гарантии избирательных прав.

Избирательное право, как и избирательная система, не существуют сами по себе. Они исходят из основных гарантий избирательных прав граждан Российской Федерации и обеспечивают как волеизъявление граждан, так и содействуют реализации пассивного избирательного права.

Избирательное право является конституционно-правовым институтом [1, с. 22]. Основываясь на том, что институт права, это упорядоченная совокупность юридических норм, которые регулируют определенную группу общественных отношений, а также характеризующуюся определенными признаками [2, с. 103], можно сделать вывод, что избирательное право представляет собой систему правовых норм, санкционированных законом, которые регулируют общественные отношения по порядку предоставления гражданам права участия в выборах и способ формирования выборных органов власти.

Нет никаких сомнений, что избирательное право, как часть конституционного права является публичным правом. Однако, на практике, до введения Кодекса административного судопроизводства (КАС) возникали вопросы: если избирательное право – публичное право, то почему методы и механизмы регулирования у него совпадают с методами и механизмами частно-правовых отношений? Однако, в действующем избирательном законодательстве это было исправлено и после появления КАС методы и механизмы регулирования

изменились и стали отличаться от таковых в частно-публичных отношениях. Однако, даже учитывая, изменение методов и механизмов регулирования надо признать правоту авторов [3, с. 41], которые считают, что в публичном праве расширяются области правоотношений невластного характера: договорные, имущественные (например, финансирование избирательных кампаний).

В системе российского права, одним из важных и самостоятельных элементов, не схожим ни с каким иным является институт гарантий избирательных прав граждан. Данный институт обладает уникальным предметом и методом регулирования. Предметом его регулирования выступает целый комплекс мер, который закреплён в Конституции, как короткая формулировка «имеет право избирать и быть избранным» и расшифровывается в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002, № 67-ФЗ. В целом, если взять гарантии избирательных прав, то именно они формируют базу избирательного права в целом. Необходимо отметить, что преимущественно данный институт характеризуется императивным методом регулирования.

Институт гарантий избирательных прав граждан складывается из целого ряда норм: конституционно-правовых, гражданско-правовых, уголовно-правовых и административно-правовых норм, норм избирательного права. Согласимся с авторами, утверждающими о сложности образования юридических институтов [4, с. 7] в обеспечении легитимности как самого процесса создания института, так и легитимности его субъектов.

Институт гарантий избирательных прав имеет сложный характер, так как обладает большим объемом правового регулирования. Есть проблемы нормативного подхода к данному институту, попытки слепого заимствования юридических субинститутов из чужих правовых систем о которых предупреждают ведущие правоведы страны [5, с. 86, 87].

Институт гарантий избирательных прав включает множество субинститутов – это и гарантии всеобщего, равного, прямого избирательного права, гарантии назначения выборов, гарантии проведения выборов, гарантии финансирования выборов, гарантии предвыборной агитации, конституционная ответственность за нарушение избирательных прав и другие. Также, одним из субинститутов сюда входят гарантии избирательных прав граждан РФ, постоянно проживающих (временно находящихся) за пределами территории Российской Федерации.

Субинститут гарантии избирательных прав граждан РФ, постоянно проживающих (временно находящихся) за пределами территории Российской

Федерации – это совокупность юридических норм избирательного права, регулирующих реализацию избирательных прав граждан Российской Федерации, проживающих (временно находящихся) за рубежом.

Конституция РФ закрепляет право свободно выезжать за пределы России и возвращаться обратно. На сегодняшний момент это уже широкая практика, когда россияне путешествуют, отправляются за рубеж учиться или на лечение, на продолжительные сроки поселяются в иных государствах просто для проживания или работы, частыми стали браки с иностранцами.

Полагаем немаловажным и то, что конституционное право свободно выезжать за пределы РФ не должны зависеть от наличия или отсутствия у гражданина определенного места жительства, что отражено в Постановлении Конституционного Суда РФ от 15 января 1998 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и третьей статьи 8 Федерального закона от 15 августа 1996 года «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина А.Я. Аванова».

В соответствии с п. 2 ст. 19 Конституции РФ государство гарантирует равные права и свободы всем гражданам, независимо от различных обстоятельств. Таким образом, независимо от того, где проживает гражданин (за пределами территории РФ или в пределах территории РФ) он обладает равными правами с иными гражданами.

Это право конкретизировано в Федеральном законе от 15 августа 1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». Так, данный закон гарантирует отсутствие каких-либо ограничений прав, гарантированных законодательством Российской Федерации и международными обязательствами Российской Федерации для выезжающего из РФ его супруга или близких родственников (ч. 2 ст. 2).

Положения статьи 19 Конституции нашли также свое отражение во многих федеральных законах, связанных с выборами. В частности, на основании п. 4 ст. 3 ФЗ 67 граждане РФ, проживающие за ее пределами, обладают всеми правами при проведении выборов в федеральные органы государственной власти. Данная норма также дублируется в п.3 ст. 3 Федерального закона «О выборах Президента Российской Федерации» от 10 января 2003 № 19-ФЗ, а также в п. 5 ст. 4 Федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

В целом, такое указание в Конституции и федеральных законах, дает достаточное основание, чтобы утверждать, что Российская Федерация не на словах, а на деле старается соблюдать права всех граждан. Однако, необходимо отметить, что ограничение избирательных прав граждан в ряде случаев

все же происходит. Так, например, несмотря на то, что п. 4 ст. 3 Федерального закона от 12 июня 2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» говорит о полном равенстве прав граждан, на практике, избиратели, проживающие за рубежом, имеют право голосовать только на выборах в органы государственной власти и лишены возможности голосовать на муниципальных выборах. При этом законом установлена обязанность дипломатического представительства, консульского учреждения оказывать содействие гражданину только при проведении выборов в федеральные органы государственной власти (п. 4 ст. 3 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ).

Мы считаем неправовыми тех авторов, которые считают, что подобное ограничение пассивного избирательного права являются оправданными [6, с. 177]. Тем более, при этом представляя пассивное избирательное право иностранным гражданам, проживающим в России, и давая им право быть избранными в органы местного самоуправления, что соответствует п. 2 ст. 12 Федерального закона от 25 июля 2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Таким образом, хотя Конституция России и закрепляет равные права для всех граждан Российской Федерации, в правоприменительной практике соблюдение избирательных прав граждан, находящихся за рубежом, вызывает ряд сложностей, как правового, так и технического характера.

Для целей исследования проблем соблюдения избирательных прав граждан РФ, постоянно или временно проживающих (находящихся) за пределами территории РФ, мы выделили следующие категории: граждане РФ постоянно проживающие за пределами территории РФ; граждане РФ, проживающие в городе особого режима функционирования Байконур; маломобильные граждане РФ постоянно или временно проживающие за пределами территории РФ (граждане РФ, официально признанные инвалидами в соответствии с Правилами признания лица инвалидами, утверждёнными Постановлением Правительства РФ от 20.02.2006 № 95 «О порядке и условиях признания лица инвалидом» постоянно или временно проживающие за пределами территории РФ; маломобильные группы граждан РФ, не признанные инвалидами с ограниченными способностями или возможностями самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, вынужденные в силу устойчивого физического недостатка использовать для своего передвижения необходимые средства, приспособления и собак – проводников (пожилые люди, граждане с малолетними детьми, слабовидящие и т. п.), постоянно или временно проживающие за пределами территории РФ; граждане РФ с временными ограниче-

ниями жизнедеятельности, не признанных инвалидами (временно нетрудоспособные граждане); граждане РФ временно проживающие за пределами территории РФ (находящиеся в краткосрочной либо длительной командировке; находящиеся с частным визитом (по приглашению, на лечении, на отдыхе либо в туристической поездке); находящиеся на обучении; работающие по срочным договорам в рамках процесса трудовой миграции (у иностранного работодателя); граждане РФ, временно находящиеся за пределами территории РФ (граждане РФ, находящиеся в труднодоступных или удаленных местностях за пределами РФ: на МКС, на полярных станциях, метеостанциях, нефтяных платформах и иных местностях или объектах инфраструктуры, находящихся на значительном удалении от помещений для голосования, не имеющие регулярного транспортного сообщения, оказывающиеся на длительные периоды из-за погодно-климатических и иных условий оторванными от транспортных путей); граждане РФ, находящиеся на судах, которые будут находиться в день голосования в плавании (при наличии на судне УИК); граждане РФ, находящиеся на судах, которые будут находиться в день голосования в плавании (при отсутствии на судне УИК); военнослужащие российских контингентов, дислоцированных на территории иностранных государств.

Необходимо отметить, что разделение граждан РФ на данные категории носит в основном прикладной характер. Ведь, при кажущемся сходстве данных категорий граждан, с точки зрения одинаковости процедуры голосования в единый день голосования, имеются отличия (в том числе и нормативного характера): в порядке учета и регистрации избирателей, участников референдума (например, военнослужащие); в порядке организации мест для голосования (для граждан с ограниченными физическими возможностями, граждан с ограничениями жизнедеятельности, не признанных инвалидами); в организации возможностей для голосования (для граждан РФ, находящиеся в труднодоступных или удаленных местностях, граждане, находящиеся на судах, которые будут находиться в день голосования в плавании при отсутствии на судне УИК); в необходимости учитывать места компактного проживания граждан РФ за пределами РФ для дальнейшей возможной организации процедуры голосования вне пределов консульства либо посольства (для граждан работающих за пределами РФ и обучающихся); в особенностях правового статуса территориально-административного образования (граждане, проживающие в городе особого режима функционирования Байконур); в учёте различных категорий указанных граждан консульскими и посольскими работниками ЦИК, МИД и другими государственными и общественными органами при составлении методических пособий, информационного материала перед конкретными выборами (референдумом). Все данные особенности разделяют

указанные категории граждан РФ как на нормативно-правовом уровне, так и на уровне правоприменительной практики.

Позиция МИД РФ сводится к тому, что правовой статус гражданина России, постоянно проживающего за пределами РФ, должен определяться в соответствии с законодательством этого иностранного государства, поскольку в действующем российском законодательстве данное понятие не раскрывается, что отражено в Письмо МИД России от 11 сентября 2012 г. № 7695/дэс «О применении норм российского законодательства в сфере валютного регулирования». Однако такая позиция не даёт возможности правильно понимать и применять эти понятия как для целей избирательного процесса, так и для других (например, валютного контроля, пенсионного законодательства, административного).

Кроме того, законодатель выделяет также понятие «преимущественное проживание». Так, статья 20 ГК РФ гласит, что местом жительства признается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает. Определения «преимущественного» проживания законодательство не дает.

Очевидно, что законодательство не выработало единых критериев для признания гражданина РФ постоянно (преимущественно) проживающего за пределами Российской Федерации, что создаёт сложности в правоприменительной практике. Думается, что понятие «преимущественное» проживание можно толковать, как большую часть года, но с периодическим возвращением в Россию, а «постоянное» - без таких поездок. Но для целей избирательного права эти понятия можно выделить в одну категорию - «граждане РФ постоянно либо преимущественно проживающие за пределами территории РФ». Выделяемые ЦИК РФ три месяца нахождения в командировках граждан РФ и включаемые в категорию «длительная заграничная командировка» возможно расширить и на другие обстоятельства и выделить понятие «граждане РФ длительно, более трёх месяцев, проживающие за пределами территории РФ».

Таким образом, можно дать следующие определения указанных понятий:

«Гражданин РФ считается постоянно (преимущественно) проживающим за пределами России, если он находится (проживает) за пределами Российской Федерации более 6 месяцев в течение года» и имеет вид на жительство или иной документ, выданный в подтверждение разрешения на постоянное проживание на территории иностранного государства и подтверждающий право на свободный выезд и возвращение в это государство».

«Гражданин РФ считается длительно проживающим за пределами России – если он находится (проживает) за пределами Российской Федерации более 3 месяцев».

В целом, анализируя субинститут гарантий избирательных прав граждан РФ, постоянно проживающих (временно находящихся) за пределами территории Российской Федерации необходимо настаивать на очень осторожном их реформировании. Для чего, как указывал Г.В. Мальцев для любого реформирования, необходимо сначала четко обозначить его цели, выяснить то, ради чего проводится реформа. И только тогда эти изменения позволят «госаппарату через право и средства управления наилучшим образом «вписаться» в структуры гражданского общества» [7, с. 24].

Литература

1. Вешняков А.А. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. М., 2003.
2. Матузов Н.И. Теория государства и права. – М.: Юрист, 2004.
3. Мальцев Г.В. Проблема частного и публичного права // Социология власти. 2003. № 3.
4. Мальцев Г.В. О формировании институтов права // Социология власти. 2009. № 6.
5. Мальцев Г.В. Понимание права: подходы и проблемы // Право и образование. 2002. № 3.
6. Королева Ю.С., Лебедева Ю.Н. Ограничение избирательных прав // Интерактивная наука. 2017. № 4 (14).
7. Мальцев Г.В. Бюрократия как проблема права // Социология власти. 2004. № 1.

Конарева Ирина Анатольевна,

соискатель кафедры теории и истории государства и права

юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – проф. Е.В. Сафронова

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ КАК ПОТРЕБНОСТЬ В УЧЕНИИ П.Л. ЛАВРОВА

«Когда некоторые интересы и потребности не отражены в нормах права и нормативных институтах общества либо представлены в них весьма приблизительно, неудачно, фрагментарно и неопределенно, возникают случаи «нормативного вакуума», недостатка официального нормативного материала для урегулирования определенной ситуации, тогда ... интересы и по-

требности начинают действовать как непосредственные регуляторы, подсказывают субъекту близкий ему вариант поступка» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 267).

Аннотация: в работе рассматриваются правовые позиции одного из наиболее известных представителей народничества – П.Л. Лаврова. Основной акцент сделан на взгляды философа по проблеме функционирования государственного механизма, порядка взаимоотношений органов правопорядка. Особый интерес представляет мнение мыслителя в отношении вопросов положения судебной власти. Рассматриваемые в статье позиции П.Л. Лаврова могут быть полезны в ходе законотворческой деятельности, в т.ч. при разработке концепции развития судебной власти.

Ключевые слова: народничество, П.Л. Лавров, судебная власть, правопорядок, государственный механизм.

Во второй половине XIX столетия в России появилось новое идейное течение, представители которого считали возможным государственное развитие через сближение народных масс с интеллигенцией путем развития институтов народовластия за счет достижения социального равенства. Эта идея по-прежнему актуальна, в связи с чем интерес представляет ее концептуальное выражение в пореформенный период российской государственности.

Одним из наиболее известных представителей народничества являлся П.Л. Лавров. Остановимся подробнее на его правовых взглядах относительно судебной власти.

П.Л. Лавров разделял потребности человека на естественные, патологические и временные.

Потребность в безопасности он относил к числу естественных потребностей, т.е. категории неотделимой от самого существования общества. Тем самым существование судебной власти рассматривалось как некий общественный запрос.

Обсуждая тезис, выдвинутый социалистами, о необходимости прекращения управления человека человеком, П.Л. Лавров утверждал, что он имеет право на существование только в случае если речь идет о принуждении, принудительной силе, отсутствии добровольности.

Но даже при такой постановке вопроса невозможно использовать данный подход применительно к вопросу безопасности, правосудия, исправления осужденных, где принуждение составляет необходимое требование.

Поскольку запрос на защиту личности от противоправных посягательств носит естественный характер и не обусловлен субъективным отношением к нему других индивидов, является частью цивилизованного общества, то принуждение в соответствующем объеме не только не исключается, но напротив, предполагается.

При этом П.Л. Лавров обращал внимание на то, что сила принудительной власти, применяемая судами, правомерна только в случае ее использования в общественно полезных целях. В тоже время мыслитель утверждал, что никакая власть, никакие морально-нравственные устои не смогут исключить злоупотреблений «под влиянием личных и случайных влечений» [5, с. 52].

Мыслитель утверждал, что реформаторская деятельность имперской власти (какой бы активной она не была) не способна привести к подлинному народовластию, а потому единственно возможный путь преодоления сложившихся проблем состоит в социальной революции.

Государство и общество, с позиции П.Л. Лаврова, есть разные вещи, которые объединяет власть, реализуемая, как известно, в трех направлениях (законодательная, исполнительная, судебная).

Идейный вдохновитель народничества рассматривал религиозные учения в качестве временной потребности. Согласно его точке зрения, на определенном этапе обычное право перестало воздействовать на людей с достаточной эффективностью.

За счет эгоистичных устремлений отдельных индивидов уровень правопорядка в соответствующих малых группах стал снижаться и обращение к религиозному началу, проповедующему неотвратимость наказания за рамками объективно существующего мира, позволяла в некоторой степени сдерживать правонарушения [5, с. 49]. Так происходило формирование сверхъестественного закона.

Существование религии таким образом было обусловлено слабостью и недостаточной развитостью государственных институтов, отвечавших за формирование правопослушного поведения в обществе.

Собственно само существование религиозных учений также способствовало ослаблению правоохранительных органов и судов, поскольку их деятельность не имела столь серьезной поддержки и рассматривалась как вторичный элемент системы организации правопорядка.

Выступая за кардинальное преобразование существовавшего государственного строя, П.Л. Лавров утверждал, что основой власти может быть некий нравственный союз, изначально ею не обладавший, но в силу своей сплоченности и получаемой поддержки населения получавший тем самым механизмы так называемой принудительной власти [5, с. 24].

Таким образом, власть должна основываться на моральной поддержке, уверенности в ее справедливости по отношению к подданным. При этом названные постулаты характерны как для власти в целом, так и для отдельных ее ветвей, включая судебную.

Применяя нормы права, суд должен рассматривать конкретные практические ситуации через призму разумности и целесообразности [3, с. 337]. Тем самым закрепленные правовые предписания имеют меньший приоритет в сравнении с более высокой и абстрактной категорией справедливости.

Именно поэтому П.Л. Лавров допускал возможность сознательного игнорирования санкционированных властью норм поведения, если сама по себе эта власть не имеет необходимой опоры. Отсутствие общенародного доверия к власти не порождает безусловного права подчинения ее решениям.

В таком разрезе деятельность суда более динамична и близка к народу, нежели деятельность органов исполнительной и законодательной власти, поскольку суд в рамках определенного правового конфликта имеет более целостное представление о том, насколько та или иная норма целесообразна к применению в данных обстоятельствах.

Суд применяет абстрактное правило к конкретной ситуации и, обладая свободой судебного усмотрения, должен определить рамки применения соответствующей нормы.

Устранение причин, побуждавших людей к совершению противоправных поступков, в конечном итоге будет способствовать ликвидации преступности и соответственно устраним высокую актуальность в существовании полиции и судов.

П.Л. Лавров следующим образом говорил об этом: «При общей собственности, при усвоении обычаев коллективности, при удовлетворении всех здоровых потребностей личности без всякой необходимости для нее в монопольном присвоении ею того или иного элемента общественного богатства, будущее общество будет само собою охранено от громадного числа поступков, которые теперь подавляются – и то лишь в самых мелких и маловажных своих проявлениях и крайне недостаточно – полицейскою и судебною властью» [5, с. 58].

Таким образом, необходимость функционирования судов, по мнению ученого, связана как раз с защитой прав лиц, обладавших широкими административными полномочиями, а также с защитой аристократии, обладавшей правом собственности на наиболее значимые объекты инфраструктуры, для сохранения существовавшего властного режима.

П.Л. Лавров утверждал, что при определенных социально-экономических условиях, состоявших, прежде всего, в ликвидации частной собственности и отсутствия единого мощного властного центра актуальность существования правоохранительных органов и судов существенно снизится.

Мыслитель полагал, что в текущих условиях общество не готово настолько изменить свою формацию, чтобы устранить необходимость существования судов и правоохранительных органов.

Речь лишь идет об очеловечивании власти, т.е. о том, что власть при выполнении своих функций по сохранению правопорядка должна учитывать не только заявленный публичный интерес, но и интересы конкретной личности.

Литература

1. Бережанский А.С. Плеханов: от народничества к марксизму. – 2-е изд., доп. – М.: РОССПЭН, 2006. – 264 с.
2. Зеленин Ю.А. Базовые компоненты идеологии классического народничества в России // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. – Барнаул, 2007. Вып. 43.
3. Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических и правовых учений. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2003. – 415 с.
4. Колокольцев М.Г. Идеино-политические основы раннего народничества // Вопросы политологии. Вып.3. – Барнаул. 2005. – С. 23-27.
5. Лавров П.Л. Государственный элемент в будущем обществе. – Лондон: издание журнала «Вперед!», 1876. – 200 с.

Русин Иван Андреевич,

аспирант кафедры конституционного и международного права

юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм

(Белгород)

ПРАВООЩИТНАЯ МИССИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ

«Право есть, в сущности, норма, специфическое содержание, языковым выражением которого является суждение о должном. Смысл нормы в том, чтобы нечто должно быть применительно к поведению людей в определенное время и при определенных обстоятельствах... Норма-должное не

является истинной или неистинной, но только действительной или недействительной» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 546)

Аннотация. Целью исследовательской работы стал анализ качественных особенностей отправления правозащитной миссии Конституционного Суда Российской Федерации, а также выявление частных проблем её осуществления.

Ключевые слова: права и свободы человека, Конституционный Суд, правозащитная миссия, судебная система.

Охраняемые главой второй Конституции России права и свободы человека и гражданина, осуществление которых подкрепляется многочисленными нормативно-правовыми актами, регулирующими вопросы политической, культурной и социально-экономической сфер, подчас сталкивается с рядом трудностей не только на пути своей непосредственной имплементации, но и в процессе их толкования. Именно поэтому в Российской Федерации существует орган, целью которого является охрана и защита конституции, в части содержащихся в ней положений, обеспечение ее верховенства и прямого действия на всей территории государства (ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации») [1].

Актуальность изучения отдельных аспектов правозащитной миссии Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) обусловлена тем, что чувство уюта и комфорта основной массы населения страны прочно соединены с переживаниями за возможность беспрепятственного осуществления своих прав и свобод. Кроме того, сложившейся в России социально-экономической обстановке присуще постоянное совершенствование института защиты прав и свобод граждан во всех сферах общественной жизни, что непосредственно связано с необходимостью обеспечения достойного уровня жизни граждан и соответствующего демократическому государству, каким провозглашает себя Россия, объема защиты данных правоотношений.

Особое значение данный тезис приобретает в условиях глобализационных [2; 3] и информационных процессов, способствующих не только увеличению психологического давления на граждан, что может приводить к увеличению количества актов нарушения прав и свобод человека, но и обращении нарушителями к таким способам толкования норм права, которая позволяет использовать им «лазейку» в законе, легализируя свои действия.

Но, прежде чем перейти к рассмотрению частных проблем осуществления Конституционным Судом правозащитной миссии, необходимо дать определение её характерным чертам и особенностям.

КС РФ, как орган конституционного правосудия в России, носит функцию по исключению из правового поля норм, искажающих смысл конституционных прав и свобод и препятствующих их осуществлению, способствует развитию юридического содержания права граждан на информацию [4, ст. 3].

Правозащитная миссия данного государственного органа заложена в одной из его функций, которая способствует исполнению главной цели существования КС РФ и выполнению конкретных задач в рамках её достижения. Функции данного судебного органа реализуются через его полномочия, закрепленные в уже упоминаемой ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

По значимости и распространенности их можно подразделить на основные (толкование конституции, конституционный контроль, защита прав и свобод человека и гражданина) и дополнительные (содействие законотворчеству, реализация конституционной ответственности, дача экспертных заключений по вопросам, входящих в компетенцию КС РФ, осуществление правотворчества по вопросам конституционного значения) [5].

Особую актуальность в рамках рассматриваемой проблематики имеет деятельность Конституционного Суда РФ по разрешению дел в рамках отдельных устоявшихся отраслей права, к примеру, наследственного [6], трудового [7; 8] и др.

Таким образом, правозащитная миссия осуществляется Конституционным судом в рамках исполнения основной функции.

Стоит отметить, что правозащитная миссия исполняется не только данным государственным органом, но и другими субъектами в судебной системе, как ВС РФ, окружными судами, судами субъектов и так далее. Но правозащитная миссия, возложенная на КС РФ, обладает намного большей сферой действия, чем аналогичная миссия, исполняемая упомянутыми судами, в силу сразу нескольких причин [9].

Так, КС РФ, принимая к производству дела в порядке конкретного нормоконтроля в связи с применением оспариваемой нормы в отношении определенного лица, никак не ограничен целью защиты конституционных прав только этого субъекта, как это предусмотрено, к примеру, в гражданском судопроизводстве, где решение может касаться только участвующих в деле лиц. Последствия решений, принятых в порядке судебного конституционного контроля, значительно шире по объему затрагиваемых общественных отношений.

Путём разрешения конкретного дела, поступившего в КС РФ, создаётся своеобразный прецедент конституционности или неконституционности положений, содержащихся в норме права, которая стала причиной обращения, что носит превенционное значение в отношении неправильного применения её в других судебных делах. Правовые позиции, высказанные судом в своих решениях, предписывают имплементацию нормы в рамках определённого толкования, что способствует единообразию их применения на всей территории РФ.

Необходимо привести исчерпывающий список особенностей правозащитной миссии КС РФ, которые позволяют отграничить её от иных миссий:

1. Для отправления данной миссии необходим такой юридический факт, как нарушения прав и свобод человека путём применения неконституционной нормы.

2. Конечной целью осуществления миссии будет являться нивелирование положений, приводящих к нарушению прав и свобод, а также их восстановление.

3. Наличие такого юридического факта как обращение субъекта в КС РФ с жалобой на нарушение прав и свобод нормой права.

4. Формализация осуществления правозащитной миссии в рамках рассмотрения вышеупомянутого обращения в определённом процессуальном порядке уполномоченными субъектами.

В завершение стоит также уделить внимание проблемам отправления правозащитной миссии КС РФ [10].

В рамках осуществления правозащитной миссии проблемы, главным образом, возникают в рамках реализации актов, принятых рассматриваемым судебным органом. Так, в силу фундаментальности принятых КС РФ решений и особенностей, рассмотренных нами выше, их исполнение представляет собой сложный процесс взаимосвязанных мероприятий, в котором задействовано большое количество субъектов права. Их вовлечение в данный процесс связано с характером тех этапов, которые надлежит преодолеть в целях отправления правозащитной миссии: а) принятие актов, отменяющих (признающих утратившими силу) неконституционные акты (нормы); б) принятие новых актов, а также актов, вносящих новые положения в действующие акты.

Несмотря на достаточно подробную регламентацию осуществления данных стадий, за счёт вовлеченности многих субъектов права, исполнения решений может затягиваться из-за наличия дискреционных полномочий на принятия необходимых нормативно-правовых актов у нескольких органов власти.

Кроме того, проблемой также является восстановление прав и свобод граждан, нарушенных в результате применения неконституционной нормы, так как специальные процедуры по осуществлению данных процедур регламентированы законодателем в недостаточной степени.

Таким образом, несмотря на активное исполнение КС РФ правозащитной миссии в рамках правовой политики нашей страны, при изучении рассматриваемой темы были найдены некоторые спорные вопросы. Однако, как уже упоминалось в начале, конституционное право способно чутко реагировать на правоприменительную практику, подстраиваясь под те или иные нужды граждан, поэтому здесь камнем преткновения является лишь вопрос оперативности внесения изменений в действующее законодательство.

Литература:

1. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета. № 138 – 139. 23.07.1994.
2. Макогон Б.В. Общая характеристика процессов глобализации в правовой сфере // История государства и права. 2007. № 3. С. 2-4.
3. Макогон Б.В. Тенденции развития национального законодательства в условиях глобализации // Бизнес в законе. Международный экономико-юридический журнал. 2012. № 2. С. 32-35.
4. Мархгейм М.В., Гавришов Д.В. Проблемы развития юридического содержания права граждан на информацию // История государства и права. 2008. № 10. С. 4-5.
5. Моторова Н. В. Правоохранительная и правозащитная функции конституционного Суда Российской Федерации // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 4 (24). С. 46-51.
6. Смоленский М. Б. и др. Наследственное право. – 2011.
7. Смоленский М.Б. Трудовое право Российской Федерации. – Общество с ограниченной ответственностью Феникс, 2009.
8. Смоленский М.Б. и др. Трудовое право Российской Федерации. – 2011.
9. Карасев Р.Е. Правозащитная функция Конституционного Суда Российской Федерации // Государство и право. 2015. № 5. С. 111-113.
10. Гончаров И.В. Правозащитные полномочия Конституционного суда Российской Федерации в условиях взаимодействия национального и международного права // Пробелы в российском законодательстве. 2015. №5. С. 9-11.

Сушков Павел Алексеевич,
аспирант кафедры конституционного и
международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм
(Белгород)

ОГРАНИЧЕНИЯ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

«Принципы нельзя выдумывать, произвольно изменять, но их можно игнорировать, подменять, дискредитировать, однако, пожалуй, самое распространенное злоупотребление принципами, связанное с их иерархической, ценностной структурой, – это недооценка одних принципов и переоценка других. В таких случаях система принципов деформируется или выходит из строя. Для каждой специфической сферы деятельности необходим отбор ценностей и построение на их базе иерархии принципов, обеспечивающих успех соответствующего дела» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 662-663).

Аннотация. В статье рассмотрена роль Конституционного Суда России в формировании концепции ограничения прав и свобод человека и гражданина. Основываясь на его конкретных решениях, автором обращено внимание на принципы пропорциональности и соразмерности.

Ключевые слова: конституция, права человека, ограничения прав человека, Конституционный Суд, принцип пропорциональности, принцип соразмерности.

Ограничения конституционно гарантируемых прав и свобод человека и гражданина являются необходимой мерой, направленной на поддержание баланса частных и публичных интересов. Сложность и изменчивость взаимоотношений, касающихся ограничений прав человека, подтверждает наличие исследований в этой отрасли. Так, Г.В. Мальцев обращал внимание на появление «новых источников возвышения публичных интересов над частными» и меняющиеся «способы введения определенных ограничений для массы неорганизованных частных стремлений» [1]. При этом меняется и механизм защиты прав и свобод человека и гражданина, и суждения о допустимости вводимых ограничений.

Конституция Российской Федерации признает человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2), допуская при этом возможность

ограничения указанных прав и свобод «федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» (ч. 3 ст. 55).

Важным элементом защиты прав и свобод человека и гражданина является возможность обращения в Конституционный Суд Российской Федерации для признания федерального закона не соответствующим Конституции, если в нем предусмотрены необоснованные, по мнению заявителя, ограничения.

Важную роль в формировании концепции ограничений прав и свобод человека и гражданина играет Конституционный Суд Российской Федерации, постановления которого на национальном уровне ставят точку при решении вопроса о законности и допустимости вводимого ограничения.

Стоит отметить, что взгляд судей Конституционного Суда на пределы ограничения прав человека подвергался некоторым изменениям. Так, в Постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 1993 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 17 июля 1992 г. «О газете «Известия» и по индивидуальной жалобе членов журналистского коллектива редакции газеты «Известия» в связи с Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 17 июля 1992 г. «О газете «Известия»» указана возможность ограничения прав человека в той мере, в которой это «необходимо для защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, законных прав и интересов других людей в демократическом обществе». Позднее данная правовая позиция была дополнена положением о том, что ограничения допустимы в пределах, необходимых для «нормального функционирования демократического общества», что отражено в Постановлении Конституционного Суда РФ от 17 сентября 1993 г. № 17-п «По делу о проверке конституционности Постановлений Верховного Совета Северо-Осетинской ССР от 6 марта 1993 г. и от 26 марта 1993 г. «О Программе комплексного решения проблемы беженцев, вынужденных переселенцев и лиц, покинувших территорию Северной Осетии» и от 26 марта 1993 г. «О переговорах официальных делегаций Северо-Осетинской ССР и Ингушской Республики 18-20 марта 1993 г.».

Как видно из приведенных формулировок, для признания ограничения допустимым в качестве обязательного условия рассматривался признак необходимости применения таких мер.

В Постановлении от 04 марта 1996 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской

области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы» Конституционный Суд указывал на допустимость ограничения прав и свобод человека и гражданина федеральным законом «лишь в той мере, в какой это соответствует определенным конституционно значимым целям, т.е. пропорционально, соразмерно им», дополняя свою позицию принципами пропорциональности и соразмерности ограничений. В Постановлении от 13 июня 1996 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В. Щелухина» суд раскрывает принцип соразмерности: «публичные интересы, перечисленные в ... конституционной норме, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, если они адекватны социально оправданным целям».

На данном этапе суд ставит вопрос о соотношении частных и публичных интересов при введении ограничений, указывая на необходимость достижения баланса между ними. Однако остается открытым вопрос об интенсивности вмешательства.

Позднее правовая позиция Конституционного Суда дополняется положением о недопустимости искажения существа права, что представлено в Постановлении Конституционного Суда РФ от 23 ноября 1999 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления». Данный принцип был раскрыт в Постановлении от 01 апреля 2003 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 7 Федерального закона «Об аудиторской деятельности» в связи с жалобой гражданки И.В. Выставкиной», где указано, что возможные ограничения не должны «затрагивать само существо права, т.е. не ограничивать пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм».

В данном случае речь идет о недопустимости такого ограничения, которое ввиду своей интенсивности может выхолостить содержание основного права. В своих работах Г.А. Гаджиев, описывая подобные ограничения, указал: «Предупреждая такую угрозу Конституционный Суд РФ в ряде своих решений старался выстроить конституционно-правовую защиту, используя принцип пропорциональности и обеспечения баланса публичных и частных интересов. В этих целях суд использует понятие основного

содержания субъективного конституционного права, которое означает, что законодательное ограничение ... свободы не должно быть чрезмерным, тем самым вырабатывая от решения к решению систему критериев о пределах вторжения» [2].

В последующих решениях Конституционный Суд продолжил трансформировать концепцию ограничения прав человека и гражданина. Так, в Постановлении от 22 июня 2010 № 14-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 1 и подпункта «а» пункта 8 статьи 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Малицкого» указано: «федеральный законодатель ... обязан учитывать, что цели ограничения прав человека должны быть ... юридически и социально оправданны, а сами ограничения – адекватными этим целям и отвечающими требованиям справедливости; при допустимости ограничения федеральным законом того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения адекватны социально необходимому результату; недопустимо искажение в ходе правового регулирования самого существа конституционного права или свободы».

Однако, несмотря на изложенную позицию, имеются случаи несовпадения мнения Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) по поводу допустимости введения ограничения отдельных прав человека.

Так, в Постановлении ЕСПЧ от 21 декабря 2006 г. «Дело «Барттик против Российской Федерации» был исследован вопрос об ограничении права заявителя на выезд из Российской Федерации гражданина, имевшего допуск к государственной тайне. При рассмотрении указанной жалобы, ЕСПЧ решал следующие вопросы: «было ли обжалуемое вмешательство обоснованным»; «было ли ограничение «в соответствии с законом»; «преследовало ли такое ограничение законную цель»; «было ли такое ограничение «необходимо в демократическом обществе». В данном случае, судом было принято решение о том, что «ограничение права заявителя покидать свою собственную страну не является необходимым в демократическом обществе».

Рассматривая жалобу заявителя на положения правовых актов, положения которых были исследованы в указанном выше решении ЕСПЧ, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 7 июня

2012 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и статьи 24 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина А.Н. Ильченко» признал допустимость такого ограничения. При этом заявитель, не согласившись с указанным решением, подал жалобу в ЕСПЧ, где Постановлением от 27 марта 2018 г. было повторно указано на недопустимость введения указанного ограничения.

Анализ показал, что Европейский Суд по правам человека и Конституционный Суд Российской Федерации в представленных выше решениях указали на необходимость при рассмотрении вопроса об ограничении конституционного права на выезд из страны гражданства учитывать характер конкретной информации, составляющей государственную тайну и степень ее секретности на момент принятия решения, а также оценивать цели выезда и другие обстоятельства, наличие которых позволяет сделать вывод о допустимости применения указанного ограничения. При этом обе судебные инстанции едины во мнении о недопустимости формального подхода к рассмотрению дел указанной категории.

Таким образом, рассматривая вопрос об ограничении прав человека, Конституционный Суд Российской Федерации, учитывает особенности вводимых ограничений, оценивает допустимость и необходимость введения ограничений. При этом концепция, выработанная судом, продолжает трансформироваться, в том числе с учетом практики ЕСПЧ, для достижения необходимого баланса частных и публичных интересов, стремясь сохранить при этом само существо конституционных прав человека и гражданина.

Литература:

1. Мальцев Г.В. Проблема частного и публичного права // Социология власти. 2003. № 3. С. 20-46.
2. Гаджиев Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики. – М.: Юрист, 2004. 284 с.

Тофан Махмуд

аспирант кафедры теории и истории государства и права
юридического института НИУ «БелГУ»
(Сирия)

Научный руководитель – проф. Е.В. Сафронова
(Белгород)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ПРИНЯТИЯ КОНСТИТУЦИИ СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 1950 г.

«Право в своей социальной эволюции и в историческом существовании предстает результатом развития многих факторов и показывает множество форм своего конкретно-исторического воплощения» (Мальцев Г.В. Очерки истории раннего права и государства. М., 2010. С. 315).

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы истории принятия Конституции Сирийской Арабской Республики 1950 г. с учетом сопутствующей этому дискуссии. Сделан вывод, что она стала первым конституционным актом независимого государства, ставшим компромиссным документом, отражавшим политическое противостояние в стране.

Ключевые слова: конституция, Конституция Сирийской Арабской Республики 1950 г., учредительное собрание, суверенитет.

Проблемы, касающиеся истории принятия Конституции Сирийской Арабской Республики 1950 г., в той или иной мере отражены в работах Арефа Абу Эйда [1], Абдуллы Ханна [2], Гассана Мухаммеда и Рашада Хаддада [3], Махмуда Аль-Халди [4], Вихба Аль-Зухили [5], Мохамеда Амара [6].

В 1941 г. в истории Сирии ознаменовалась важнейшим событием – 27 сентября Франция предоставила ей независимость, оставив свои войска до окончания войны. 26 января 1945 г. Сирия вступила во Вторую мировую войну, объявив войну Германии и Японии. В 1946 г. под давлением Союза Советских Социалистических Республик, несмотря на сопротивление Соединенных Штатов Америки французские покинули территорию Сирии. Участие СССР в освобождении Сирии предопределило приоритет ее внешнеполитических отношений.

15 ноября 1949 года было избрано учредительное собрание для разработки новой конституции страны [3, с. 59]. Проект конституции, состоявшей из 177 статей, обсуждался 22 июля. Проект конституции предусматривал широкие полномочия исполнительной власти, представленной Президентом Рес-

публики, в первой статье проекта конституции упоминалось, что Сирия является «арабской республикой». Основные дискуссии проходили по следующим вопросам:

- Оставить ли Учредительное собрание Палатой представителей после принятия конституции?
- Ислам – государственная религия или религия главы государства?
- Должна ли армия оставаться нейтральной, не вмешиваясь в сирийскую политическую жизнь?
- Установить ли предел землевладения?

5 сентября 1950 года была провозглашена первая Конституция независимой Сирийской Республики, состоявшая из 166 статей [7]. По форме правления Сирийская республика была объявлена демократической парламентской республикой [7].

Статья 2 Конституции Сирии 1950 года включала определение и концепцию народного суверенитета. Вторая статья гласила:

«1. Суверенитет принадлежит народу; он не может быть присвоен каким-либо лицом или какой-либо группой.

2. Суверенитет опирается на принцип правления народа, через народ, к благу народа.

3. Народ осуществляет суверенитет в формах и пределах, установленных Конституцией» [7]. Законодательная власть в стране принадлежала двухпалатному парламенту. Первый спорный вопрос был решен утвердительно. Учредительное собрание стало Палатой представителей после принятия конституции.

Конституция гарантировала свободу выражения мнений гражданам и свободу прессы в рамках закона и право создавать политические партии. Правом голоса наделялись лица старше 18 лет.

Президент республики выбирался Палатой депутатов тайным голосованием. Он должен был получить в первом туре голосования большинство в две голоса всего числа депутатов.

Кандидат на пост Президента республики должен отвечать следующим условиям: быть сирийским гражданином в течение не менее 10 лет; обладать квалификацией кандидата по выборам в палату; иметь не менее полных 40 лет.

Срок президентских полномочий составлял пять лет, начиная с выборов президента. Он не может быть продлен до тех пор, пока не пройдет пять лет после окончания его президентства [7].

После присяги перед Палатой представителей президент принимал полномочия ратифицировать соглашения, назначать дипломатов и подписывать

указы. Президент Республики нес ответственность в случаях нарушения конституции, государственной измены, а также за обычные преступления. Президент Республики может быть судим только Верховным судом. Дело Президента Республики не может быть передано в Верховный суд, кроме как с согласия большинства от общего числа депутатов [7].

Что касается судебной власти, то конституция предусматривает независимость судебной власти [7]. Дискуссия по поводу упоминания ислама в конституции завершилась одобрением после обсуждения Конституционным комитетом и партиями 3 статьи в следующей формулировке:

- «1. Религией Президента республики является ислам.
2. Мусульманское право служит основным источником законодательства.
3. Свобода вероисповедания охраняется. Государство уважает все богооткровенные религии и гарантирует свободу отправления всех культов при условии не нарушения общественного порядка.
4. Персональный статут религиозных общин охраняется и уважается» [7].

Кроме того, было решено добавить следующий текст к введению в конституцию: «Государство заявляет о своей приверженности исламу и его идеалам, а народ заявляет о своем намерении укрепить узы сотрудничества между ним и народами арабского и исламского миров и построить свое современное государство на основе сильной этики, порожденной исламом и другими божественными религиями, и борьбе с атеизмом и моральным разложением» [7].

Спорный вопрос об исключении армии из политической жизни решен не был. Статью, в которой говорилось, что армия нейтральна и не вмешивается в политическую жизнь, в Конституции 1950 года не включили.

Не был решен вопрос и об ограничении землевладения. Дебаты по этому вопросу к голосованию, которое оставило порог владения открытым без ограничений с перевесом в два голоса [8, с. 175].

Таким образом, первая Конституция Сирийской Республики 1950 г. была первым конституционным актом независимого государства, ставшим компромиссным документом, отражавшим политическое противостояние в стране.

Литература:

1. Ареф Абу Эйд Суверенитет в исламе// <http://www.almajidcenter.org/>.
2. Абдулла Ханна Феодализм в новом платье// <https://www.alaraby.co.uk/diffah/civilisation/2018/6/22/>.
3. Гассан Мухаммед и Рашад Хаддад Документы из современной сирийской истории 1946 г-1966 г. – Аман, 2001. 254 с.

4. Махмуд Аль-Халди, Правила системы управления в Исламе. – Аман, 1983. 437 с.
5. Вихба Аль-Зухили Исламская система. – Дамаск, 1992. 484 с.
6. Мохамед Амара, Исламское государство между секуляризмом и религиозной властью // <https://foulabook.com/ar/book/>.
7. Конституция Сирийской Республики от 5 сентября 1950 // <https://worldconstitutions.ru/?p=698>.
8. Gordon H Torrey Syrian politics and the military 1945 - 1958. – Ohio State University, 1964. 438 p.

Троян Владимир Анатольевич,

аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм
(Белгород)

МАТЕРИАЛЬНЫЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В РОССИИ: СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

«В принципе, все, что нужно интересу от права, – это усиливающие гарантии. Даже очень сильный в социальном плане человек не настолько силен, чтобы пренебречь юридической помощью, поддержкой права. Самый благоприятный с этой точки зрения вариант – тот, при котором интерес получает непосредственное выражение в субъективном праве» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 343).

Аннотация. Автором осуществлена систематизация и представлена характеристика материальной разновидности конституционных гарантий субъективного избирательного права. Хронологический период исследования ограничен советским этапом развития российского государства.

Ключевые слова: избирательное право, гарантии, конституционные гарантии, возрастной ценз, депутат, выборы, избиратель.

Среди гарантий субъективного избирательного права ключевая роль отведена конституционной разновидности. Их исследование в сравнительно-правовом историческом аспекте развития российского государства в советский период и является предметом настоящей статьи. Кроме того, осуществленный анализ позволил нам разделить конституционные гарантии избирательного права на две группы – материальные и процессуальные.

В рамках конституционных материальных гарантий целесообразно говорить о тех, которые являются общими и сопоставимы с установлением абрисов активного и пассивного избирательного права человека и гражданина. Как правило, данные нормы закреплены в специальных разделах об избирательном праве, избирательной системе, а позднее о правах и свободах личности в целом (с 1992 г.).

Так, согласно ст. 64 Конституции РСФСР 1918 г. (Раздел четвертый «Активное и пассивное избирательное право») правом избирать и быть избранными в Советы пользуются независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и т.п., следующие обоюбого пола граждане Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, коим ко дню выборов исполнилось 18 лет [1]:

а) все добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом, а также лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда, как-то: рабочие и служащие всех видов и категорий, занятые в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и проч., крестьяне и казаки – земледельцы, не пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли;

б) солдаты советской армии и флота;

в) указанные категории граждан, потерявшие в какой-нибудь мере трудоспособность.

Помимо этого, из лиц, не вступивших в число российских граждан, также активным и пассивным избирательным правом, исходя из солидарности трудящихся всех наций, пользуются иностранцы, проживающие на территории Российской Республики для трудовых занятий и принадлежащие к рабочему классу или к не пользующемуся чужим трудом крестьянству (ст. 20).

В порядке примечания ст. 64 установила, что местные Советы могут с утверждения центральной власти понижать конституционно установленную возрастную норму.

Таким образом, полагаем, приведенные нормы совокупно гарантируют реализацию права с определенного возраста; невозможность дискриминации избирательного права и наделение им исчерпывающих категорий населения.

Отметим, что аналогичный подход использован Конституцией РСФСР 1925 г. В ее Главе 6 «О выборах в советы» обособлен сектор А «Об активном и пассивном избирательном праве», в котором и легализована ст. 68, идентичная приведенной ст. 64 в Конституции РСФСР 1918 г. Текстуальная разница состоит в лаконичности изложения нормы Конституции РСФСР

1925 г., а также объективной замене формулировки «красноармейцы и краснофлотцы рабоче-крестьянских Красных армии и флота» на «солдаты советской армии и флота» [2].

Появление в Конституции РСФСР 1937 г. Главы XI «Основные права и обязанности граждан» не опосредовало формализацию в ее рамках искомого субъективного права [3]. Однако таковое в совокупности с гарантированием были обнаружены в Главе XII «Избирательная система». В ее ст.ст. 138-144 на основе классических принципов избирательного права регулятивное внимание уделено и выборам депутатов разных уровней, и избирателям.

Так, в ст. 138 определено, что выборы депутатов во все Советы депутатов трудящихся ... производятся избирателями на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Далее ст.ст. 139-144, детализируя заявленные принципы, отразили возраст начала реализации активного и пассивного избирательного права (18 лет); невозможность дискриминации избирательного права. Отметим, что Конституция РСФСР 1978 г. в ст.ст. 92-95 восприняла идентичный подход [4].

Отдельно ст.ст. 141 и 142 Конституция РСФСР 1937 г. указано, что женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами, а также граждане, состоящие в рядах Красной Армии, пользуются правом избирать и быть избранными наравне со всеми гражданами.

Фактически Конституция РСФСР 1937 г. сохранила концептуальный подход ранее действовавших основных законов в заявленном гарантировании. Разница прослеживается лишь в том, что нормы 1937 г. дополнены принципами избирательного права, а также при наделении избирательным правом всех, акцент сделан на женщинах и гражданах, состоящих в рядах Красной Армии (ранее приводились исчерпывающие перечни категорий населения).

Сделаем ремарку, что с 1937 г. все исследованные конституции в своих различных структурных частях формализовали известные принципы избирательного права. Наша позиция состоит в том, что нормы-принципы следует отграничивать от гарантий, поэтому, если в искомым нормах-гарантиях наблюдается объединение с принципами избирательного права, то это не влияет на трансформацию норм-принципов. Они сохраняют свой базовый статус, подчеркивая их адресность и неотъемлемость прямым формам демократии.

К примеру, в аналогичной юридической технике сформулирована ст. 113 Конституции РСФСР 1937 г. (Глава X «Суд и прокуратура»): народные суды избираются гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании сроком на три года. Данное касается и выборов Президента Российской Федерации (ст. 121.3 Конституции РСФСР 1978 г.).

Как нами ранее было отмечено, искомые гарантии расположились в главах, посвященных правам и свободам человека и гражданин с 1992 г. Так, на основании Закона РФ от 21 апреля 1992 г. № 2708-1 ст. 47 Конституции РСФСР приобрела следующее текстуальное выражение: «Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами общества и государства как непосредственно, так и через своих представителей, свободно избираемых на основе всеобщего прямого равного избирательного права при тайном голосовании» [5]. Заметим, что в ней отсутствует характерное упоминание возраста, хотя это можно связать с тем, что в данную Конституцию включена Глава 11 «Избирательная система», структурно и содержательно копирующая аналогичную главу Конституции РСФСР 1937 г. (с уточнениями).

Так, в ст. 91 установлено, что на основе принципов избирательного права выборы народных депутатов проводятся по одномандатным или многомандатным избирательным округам.

Полагаем, для систематизации конституционных норм материальной разновидности, гарантирующих избирательное право, логична характеристика и частных избирательных гарантий, которые мы коррелируем с требованиями к субъекту реализации или активного избирательного права, или пассивного избирательного права. Уточним, что в исследованной группе конституций советского периода только нормы Основного закона РСФСР 1978 г. (в редакции) предъявили требования к Президенту Российской Федерации: гражданин Российской Федерации не моложе 35 и не старше 65 лет, обладающий избирательным правом (Глава 13.1 «Президент Российской Федерации»).

Подводя итоги осуществленного исследования, отметим, что во всех российских конституциях советского периода развития отражены материальные гарантии субъективного избирательного права, представленные в общей и частной разновидностях. Следует подчеркнуть, что рассматриваемое субъективное политическое право одно из немногих, имеет и статус конституционного, начиная с 1918 г. и располагает гарантиями высокого юридического уровня.

Литература

1. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918 г.) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
2. Постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11.05.1925 г. «Об утверждении текста Конституции (Основного Закона) РСФСР» (вместе с

«Конституцией (Основным Законом) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики») // СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.

3. Постановление Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21.01.1937 г. «Об утверждении Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» (вместе с Конституцией) // СУ РСФСР. 1937. № 2. Ст. 11.

4. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России (принята ВС РСФСР 12.04.1978 г.) (ред. от 10.12.1992 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

5. Закон РФ от 21.04.1992 г. № 2708-І «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 20. Ст. 1084.

Тульнев Михаил Анатольевич,

аспирант кафедры конституционного и международного права

юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – проф. И.Н. Куксин

РОССИЙСКИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ СВОБОДЫ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

«В самом праве, приземленном и прагматичном, постоянно размахивающем дубинкой принуждения, и в облике юриста, меркантильного субъекта, формалиста и крючкотвора, в «умелых» руках которого всякая мелочь может определить исход спорного дела, всегда было нечто такое, что могло покоробить возвышенного моралиста, вызвать антипатию со стороны человека, желающие переустроить общество, исходя из идеального начала» (Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 85).

Аннотация. В статье осуществлен анализ современных нормативных правовых актов, легализующих гарантии свободы массовой информации в России. Автором представлены и охарактеризованы современные государственные институты федерального уровня в силу общей или специальной компетенции обеспечивающие свободу средств массовой информации.

Ключевые слова: свобода средств массовой информации, Президент Российской Федерации, законотворческая деятельность, Правительство Российской Федерации, управление.

Федеральные гарантии свободы массовой информации мы связываем с функционированием государственных органов общей и специальной компетенции. Полагаем, институциональные гарантии в совокупности с иными разновидностями способствуют реализации конституционно закрепленной свободы средств массовой информации (ч. 5 ст. 29). В рамках данной работы авторское внимание уделено анализу статуса искомых государственных структур.

Итак, объективно, что в структуре Администрации Президента Российской Федерации созданы управления, деятельность которых в разной степени касается обеспечения свободы средств массовой информации.

В этом смысле специальный статус Управления пресс-службы и информации Президента Российской Федерации, которое решает задачи:

- предоставления средствам массовой информации сведений о деятельности Президента Российской Федерации, об издаваемых им актах, о заявлениях, выступлениях, встречах главы государства и других мероприятиях с его участием;
- оперативного информирования Президента Российской Федерации о позиции средств массовой информации в отношении деятельности главы государства, об откликах на нее в средствах массовой информации;
- организации и обеспечения взаимодействия Президента Российской Федерации со средствами массовой информации;
- освещения деятельности Президента Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [1].

Лишь частично современного медиaproстранства касается деятельность Управления Президента Российской Федерации по развитию информационно-коммуникационных технологий и инфраструктуры связи: формирование и внедрение новых моделей медиапотребления [2].

Кроме того, Президент Российской Федерации своими указами определяет меры по повышению эффективности деятельности государственных средств массовой информации. К примеру, Указом от 9 декабря 2013 г. № 894 в целях повышения эффективности деятельности государственных средств массовой информации были ликвидированы федеральные государственные бюджетные учреждения «Государственный фонд телевизионных и радиoproграмм», «Российская государственная радиовещательная компания "Голос России"», федеральное государственное унитарное предприятие «Российское агентство международной информации "РИА Новости"» и федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Российская книжная палата»; re-организовано федеральное государственное бюджетное учреждение «Редак-

ция "Российской газеты"» в форме присоединения к нему федерального государственного бюджетного учреждения «Редакция журнала "Родина"»; создано федеральное государственное унитарное предприятие «Международное информационное агентство "Россия сегодня"».

В качестве основного направления деятельности федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство "Россия сегодня"» закреплено освещение за рубежом государственной политики Российской Федерации и общественной жизни в Российской Федерации [3].

Конституционный статус Федерального Собрания Российской Федерации опосредовал его законотворческую деятельность, итогом которой являются законы, регулирующие, гарантирующие статус средств массовой информации [4, 5], а также определяющие ограничительные аспекты их функционирования в корреляции с правами и свободами личности [6].

В структуре палат российского парламента также обособлены специальные комитеты. В Государственной Думе в сентябре 2012 г. создан Комитет по информационной политике, информационным технологиям и связи для осуществления законодательного регулирования в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций, призванный заниматься совершенствованием законодательства в отраслях связи и масс-медиа [7].

С 2014 г. при Комитете работает экспертный совет, в котором представлены все заинтересованные в реальном сотрудничестве с законодательной властью сегменты информационной отрасли. Кроме профессиональных ассоциаций, редакций СМИ, компаний, работающих в сфере связи, информации и информационных технологий в совете представлены и организации гражданского общества. В частности, с Комитетом сотрудничает Институт развития Интернета, располагающий возможностями эффективного взаимодействия со всеми ветвями власти и любыми сегментами современной электронной экономики.

В структуре Совета Федерации в целях подготовки предложений по совершенствованию законодательства Российской Федерации, регулирующего вопросы деятельности средств массовой информации, а также повышения эффективности взаимодействия со средствами массовой информации, образована и работает Временная комиссия по информационной политике и взаимодействию со средствами массовой информации [8, 9].

В системе органов исполнительной власти, безусловна флагманская роль Правительства Российской Федерации, как органа универсальной компетенции. В гарантирующем средства массовой информации ключе можно выделить Постановление Правительства Российской Федерации от 26 января

2012 г. № 24 «О государственной информационной системе в области средств массовой информации» [10]. Данным Постановлением установлен порядок создания и функционирования государственной информационной системы в области средств массовой информации, ее структуры и условий предоставления содержащейся в ней информации.

Информационная система представляет собой совокупность актуальной информации о зарегистрированных средствах массовой информации и лицах, осуществляющих деятельность в области средств массовой информации, а также информационных технологий и технических средств, обеспечивающих обработку такой информации.

Информационная система состоит из открытой части, закрытой части и части, предназначенной для организации взаимодействия с другими информационными системами.

Важна поддержка свободы массовой информации в рамках деятельности Совета по присуждению премий Правительства Российской Федерации в области средств массовой информации (совещательный орган для рассмотрения вопросов присуждения премий ..., действующий на общественных началах), который

- устанавливает требования к оформлению материалов и документов соискателей премий;
- определяет критерии отбора заявок, представляемых на получение премий;
- проводит экспертизу материалов и документов соискателей премий;
- выдвигает кандидатов в лауреаты премий;
- представляет предложения по кандидатам в лауреаты премий Председателю Правительства Российской Федерации [11].

Специализированный орган в системе исполнительной власти – Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, созданное 15 мая 2018 г. указом Президента Российской Федерации № 215 на базе Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [12].

В числе основных итогов деятельности Министерства в 2019 г., к примеру, переход на цифровое телевидение. Министерством совместно с ФГУП «Российская телевизионная и радиовещательная сеть» проведена информационная кампания и разъяснены действия, необходимые для подключения к цифровому телевидению (приобретение современного телевизора или приставки, подключение к оператору платного телевидения); обеспечена доступность для всего населения 20 обязательных общедоступных телевизионных и

3-х радиоканалов; сокращено аналоговое вещание в населенных пунктах с численностью менее 100 тысяч человек [13].

В ведении указанного министерства находятся специализированные ведомства с различным функционалом.

Так, Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим контроль и надзор в сфере средств массовой информации, в том числе электронных, и массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, функции по контролю и надзору за соответствием обработки персональных данных требованиям законодательства Российской Федерации в области персональных данных, а также организацию деятельности радиочастотной службы [14].

Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям (Роспечать), являясь федеральным органом исполнительной власти, осуществляет функции по оказанию государственных услуг, управлению государственным имуществом в сфере печати, средств массовой информации и массовых коммуникаций, в том числе компьютерных сетей общего пользования в области электронных средств массовой информации, издательской и полиграфической деятельности [15].

Федеральное агентство связи (Россвязь) осуществляет управление государственным имуществом и оказание государственных услуг в сфере электро-связи и почтовой связи, в том числе в области создания, развития и использования сетей связи, спутниковых систем связи, систем телевизионного вещания и радиовещания [16].

В порядке резюме отметим следующее. Не конкретизируя результаты деятельности представленных государственных структур общей и специальной компетенции по отношению к средствам массовой информации, подчеркнем их комплектность в рамках конституционно закрепленного принципа разделения государственной власти. В рамках сложившейся институциональной основы, полагаем, императивно дополнение нормативными гарантиями, в совокупности гарантирующими свободу массовой информации в России.

Литература

1. Указ Президента РФ от 18.06.2012 г. № 874 (ред. от 25.07.2014 г.) «Об утверждении Положения об Управлении пресс-службы и информации Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 26. Ст. 3497.
2. Указ Президента РФ от 14.06.2018 г. № 334 «О мерах по оптимизации структуры Администрации Президента Российской Федерации» (вместе с «Поло-

жением об Управлении Президента Российской Федерации по развитию информационно-коммуникационных технологий и инфраструктуры связи») // СЗ РФ. 2018. № 25. Ст. 3646.

3. Указ Президента РФ от 09.12.2013 г. № 894 «О некоторых мерах по повышению эффективности деятельности государственных средств массовой информации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 09.12.2013 г.

4. Закон РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (ред. от 06.06.2019 г.) // Российская газета. 1992, 8 февраля.

5. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 18.03.2019 г.) // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

6. Федеральный закон от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (ред. от 01.05.2019 г.) // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

7. <http://www.komitet5.km.duma.gov.ru/Informaciya-o-Komitete> (дата обращения 11.04.2020 г.).

8. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 26.10.2016 г. № 475-СФ «О создании Временной комиссии Совета Федерации по информационной политике и взаимодействию со средствами массовой информации»;

9. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 23.10.2019 г. № 470-СФ «О продлении срока действия Временной комиссии Совета Федерации по информационной политике и взаимодействию со средствами массовой информации» // http://council.gov.ru/structure/commissions/iccf_infopol/#regulations (дата обращения 11.04.2020 г.).

10. Постановление Правительства РФ от 26.01.2012 г. № 24 «О государственной информационной системе в области средств массовой информации» (вместе с «Правилами создания и функционирования государственной информационной системы в области средств массовой информации») (ред. от 25.09.2018 г.) // СЗ РФ. 2012. № 6. Ст. 669.

11. Постановление Правительства РФ от 26.08.2013 г. № 732 «О Совете по присуждению премий Правительства Российской Федерации в области средств массовой информации» (ред. от 25.09.2018 г.) // СЗ РФ. 2013. № 35. Ст. 4518.

12. Указ Президента РФ от 15.05.2018 г. № 215 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» (ред. от 21.01.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 15.05.2018 г.

13. <https://digital.gov.ru/uploaded/2019results/home.html> (дата обращения 11.04.2020 г.).
14. Постановление Правительства РФ от 16.03.2009 г. № 228 «О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» (вместе с «Положением о Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций») (ред. от 28.02.2019 г.) // СЗ РФ. 2009. № 12. Ст. 1431.
15. Постановление Правительства РФ от 17.06.2004 г. № 292 «О Федеральном агентстве по печати и массовым коммуникациям» (ред. от 25.09.2018 г.) // СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2574.
16. Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 г. № 320 «Об утверждении Положения о Федеральном агентстве связи» (ред. от 21.03.2020 г.) // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2783.

Ченцов Сергей Дмитриевич,

аспирант кафедры конституционного и международного права

юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм

ПРАВО НА НАЦИОНАЛЬНУЮ САМОИДЕНТИФИКАЦИЮ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

«Мир, в котором живут современные люди, сложен и противоречив, он все более вязнет во вражде и недоброжелательности, расплачивается за каждый шаг материально-технического прогресса утратой духовных позиций, которые, казалось бы, надежно выработаны человечеством и освоены человеком на предшествующих этапах культурного развития. Создавать новые высокие ценности в сфере религии, морали, права обществу мешает все тот же культурный практицизм, нацеленный на деньги, власть, удовольствия, увлекающий людей в безудержную гонку соперничества и борьбу с себе подобными» (Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 281-282).

Аннотация. В статье на основе анализа теоретических подходов, конституционных и иных правовых норм рассмотрены некоторые актуальные особенности и проблемы нормативного правового закрепления и практической реализации конституционного права на национальную самоидентификацию.

Ключевые слова: конституция, национальная самоидентификация, право на национальную самоидентификацию.

В условиях интернационализации российского законодательства [1] право граждан на национальную самоидентификацию приобретает все большее значение. По мнению Е.Ю. Бахратовой, декларируемое ст. 26 Конституции России право вовсе не означает, что в любом документе, связанном с строго определенным человеком, может указываться национальность, определенная последним [2]. Подобную позицию разделяют и другие авторы, в частности, Ю.А. Дмитриев [3], Л.В. Лазарев [4].

Некоторые косвенные отсылки к возможности самостоятельного определения и указания национальной принадлежности имеют место быть в Федеральном законе от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии». Так, в статье данного правового акта национально-культурная автономия определена как форма национально-культурного самоопределения граждан, относящих себя к определенной этнической общности.

Кроме этого, в статье 2 одной из основ указанной общности определен принцип свободного волеизъявления граждан при отнесении себя к определенной этнической общности, что, думается, может быть оценено в качестве разновидности проявления ограничений для субъектов публичной власти в рамках теории широкой трактовки юридического процесса [5, 6]. В целом же рассматриваемый законодательный акт по объекту правового регулирования направлен на этнообъединение граждан, то есть на воплощение в жизнь права на объединение по этническому принципу, хотя непосредственно право на определение и указание личной национальной принадлежности раскрытия не находит.

В Федеральном законе от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» также усматриваются положения, связанные с самоопределением по национальному признаку. В частности, в нем содержатся нормы, устанавливающие, что основанием признания одной из категорий соотечественников является именно их принадлежность к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации. Для таких лиц устанавливается возможность самоидентификации, что можно рассматривать как определение национальной принадлежности (в отличие от гражданской принадлежности, определяемой законодателем как связь с государством).

В любых государственно-правовых реалиях имеются те или иные сложности, возникающие в связи с реализацией населением гражданских прав и

свобод [7]. И реализация права на национальное самоопределение, естественно, исключением не является, поскольку все еще актуальны проблемы непосредственно правового, политического, социокультурного характера.

В том числе, в заявленном контексте мы наблюдаем актуализацию подходов к конституционному праву на протест как к одной из базовых составляющих государственно-правовой системы, активно коммуницирующей с гражданским обществом [8, 9].

Одной из трудностей, которую вынуждено преодолеть лицо, желающее указать свою национальную принадлежность, является то, что паспорт гражданина Российской Федерации, являющийся основным документом, удостоверяющим личность, не содержит графы «национальность», поскольку в Положении о паспорте гражданина Российской Федерации не предусмотрено внесение в него таких сведений. Кроме этого, п. 6 данного документа указывает на то, что внесение в паспорт подобных отметок, записей повлечет за собой конкретные юридические последствия в виде признания паспорта недействительным.

Положение о паспорте было принято в целях реализации Указа Президента Российской Федерации от 13 марта 1997 г. № 232 «Об основном документе, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации» [10]. Интересно, что в данном Указе содержится положение о его временном характере. Предполагалось, что он будет действовать до принятия федерального закона, посвященного как раз документу, удостоверяющему личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации. Но соответствующий федеральный закон все еще не принят. И даже если он будет принят, положения о возможности внесения в паспорт записей, отметок о национальной принадлежности гражданина, очевидно, будут составлять лишь незначительную его часть; предмет его правового регулирования будет значительно более широким, что актуализирует развитие юридического содержания права граждан на информацию [11].

Таким образом, отсутствие в паспорте графы, касающейся национальности, видимо, все-таки ограничивает возможности реализации права на указание своей национальной принадлежности. Соответственно, есть необходимость предоставления правовой возможности указывать свою национальную принадлежность на диспозитивной (альтернативной) волевой и юридической основе, что особенно значимо в условиях агрессивной глобализации [7, 12].

Признанное Конституцией Российской Федерации право граждан на указание и определение своей национальной принадлежности возлагает на

государство обязанность обеспечения равенства каждого субъекта перед законом посредством легального закрепления правовых гарантий реализации данного права в отдельном нормативном правовом акте и приведения в соответствие с ним текущего законодательства.

Подводя итог, отметим, что сложившееся в России нормативное правовое регулирование реализации рассматриваемого конституционного права нельзя назвать достаточным и тем более идеальным. Действующие акты отличаются не только отсутствием единообразия, телеологической стройности, но и некоторой коллизионностью.

Как представляется, решению заявленной проблемы будет способствовать принятие нормативного правового акта именно уровня федерального закона, в котором будут детально прописаны условия, процедуры, принципы, гарантии реализации гражданином права на определение и указание своей национальной принадлежности.

Литература:

1. Макогон Б.В. Способы интернационализационного национального права в условиях глобализации // Общество и право. 2012. № 2 (39). С. 36-41.
2. Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.garant.ru> (Дата обращения: 09.01.2020).
3. Конституция Российской Федерации: доктринальный комментарий (постатейный) (под ред. Ю.А. Дмитриева) [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.garant.ru> (Дата обращения: 03.12.2020).
4. Комментарий к Конституции Российской Федерации (под общ. ред. Л.В. Лазарева [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.garant.ru> (Дата обращения: 25.05.2019).
5. Макогон Б.В. Методологически опорная трактовка юридического процесса // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 1 (80). С. 32-35.
6. Куксин И.Н., Мархгейм М.В. Права человека в XXI веке: ценность или имитация? // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика. 2015. С. 125-132.
7. Макогон Б.В. Понятие и процессуальные виды правовых ограничений // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 8 (39). С. 40-46.
8. Мархгейм М.В. Партийная версия интересов гражданского общества современной России // Власть. 2004. № 7. С. 41-47.

9. Мархгейм М.В. Право на протест: конституционный абрис собирательного образа // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 3 (70). С. 29-31.
10. Указ Президента Российской Федерации от 13 марта 1997 года № 232 «Об основном документе, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации» // СПС «Гарант». (Дата обращения 22.12.2019).
11. Мархгейм М.В., Гавришов Д.В. Проблемы развития юридического содержания права граждан на информацию // История государства и права. 2008. № 10. С. 4-5.
12. Макогон Б.В. Тенденции развития национального законодательства в условиях глобализации // Проблемы экономики и юридической практики. 2012. №. 2. С. 32-35.

Абарон Виолетта Витальевна,

магистрант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»

(Краснодар)

Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм
(Белгород)

ПРОБЛЕМА МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«С идеей государственного суверенитета каждый народ воспринимает себя как некий геополитический центр, где формулируются национальные идеи и претензии, происходит постоянная оценка и переоценка статуса того или иного государства в неизменно иерархическом мировом сообществе» (Мальцев Г.В. Права человека в свете современных представлений о государственном суверенитете // Сборник трудов конференции: Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов М., 2009. С. 107).

Аннотация. В статье дается обзор иммиграции в Российскую Федерацию и анализируется ситуация, с которой сталкиваются лица с мигрантским происхождением в России. Также изучается цель пребывания иностранцев в России и их влияние на российскую экономику. В исследовании рассматривается миграционная политика Российской Федерации, направленная на содействие ассимиляции иммигрантов и комфортному проживанию в России.

Ключевые слова: иммиграция, незаконная миграция, беженцы, вынужденные переселенцы.

Россия, несмотря на экономические трудности, с которыми столкнулась страна после распада Союза ССР, стала домом для многих, в том числе вынужденных переселенцев, независимо от их национальности.

Реализуя статус правопреемника в отношении бывших советских граждан, Россия уже к середине 1992 года стала принимать планомерные действия для гарантирования статуса мигрантов. Так, была создана Федеральная миграционная служба (ФМС) и осуществлено присоединение к Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 года и Протоколу к ней 1967 года. Следующим шагом было принятие 19 февраля 1993 г. законов Российской Федерации «О беженцах» (№ 4528-І) и «О вынужденных переселенцах» (№ 4530-І). Несмотря на то, что в Конституции России 1993 г. не содержалось положений о вынужденных мигрантах – беженцах и вынужденных переселенцах – был принят сопутствующий документ, касающийся помощи указанным категориям лиц, в виде Федеральной миграционной программы, одобренной Указом Президента Российской Федерации от 9 августа 1994 г. № 1668. Во исполнение данной программы было принято Постановление Правительства РФ от 18 января 1995 г. № 64 «О реализации Федеральной миграционной программы».

В результате Россия приняла у себя 1,8 млн человек со статусом беженца и других вынужденных переселенцев, а также, по меньшей мере, столько же людей без такого статуса. Россия имела положительное сальдо миграционного обмена со всеми бывшими советскими республиками, принимая помимо русских и других этнических групп Российской Федерации, возвращающихся на родину, около 1 млн мигрантов из титульных этнических групп стран СНГ и Балтии [1, с. 182].

Позднее Россия, пересмотрев основные направления миграционной политики, закономерно обратилась к ее обновлению. Указом Президента Российской Федерации от 13 июня 2012 года была утверждена Государственная миграционная концепция Российской Федерации на период до 2025 года. Официальный документ дает понять, что иммиграция иностранных рабочих – это позитивное развитие, которое необходимо для дальнейшего экономического развития России.

Проблема иммиграции в Российскую Федерацию в настоящее время широко обсуждается российским и зарубежным научным сообществом. По мнению Л.Р. Гадельшиной и Д.В. Зубайдуллиной, самыми большими проблемами трудящихся-иммигрантов в России являются: «Все заработанные ми-

грантами рубли покидают страну и расходуются за пределами России; Миграционные процессы повышают уровень безработицы среди жителей города; Большинство иностранцев, приезжающих на работу по найму, являются нелегальными мигрантами. Это значит, что работодатели эксплуатируют их и ничего не платят в бюджет. Кроме того, если есть дешевая рабочая сила, то нет необходимости в новых технологиях и дальнейшем развитии» [2, с. 112-116].

Напротив, Евразийский интеграционный исследовательский центр более позитивно оценивает нынешнюю ситуацию с иммиграцией в Россию: «В 2016 году были выданы более миллиона патентов на работу. Благодаря патентной системе региональные бюджеты получили в этом году почти 26 миллиардов рублей, что в два раза больше, чем в 2015 году» [3, с. 10]. Ю.Ф. Флоринская и Н.В. Мкртчян утверждают, что «количество рабочих документов, выданных мигрантам, не соответствует количеству людей, которые приезжают на работу. Регуляризация пребывания по-прежнему остается проблемой, которая в 2016 году стала еще более острой. По состоянию на конец сентября 2016 года только 1,8 миллиона иностранцев имели действительные документы, легализующие их трудоустройство в России. 1,3 миллиона мигрантов не легализованы. Существует также большое количество прибывших, заявляющих о частной цели визита и все же работающих неофициально. И еще меньше иностранцев официально нанимают российские работодатели. Из 900 тысяч граждан государств-членов ЕАЭС, целью которых было «работать по найму», более 60% работали неофициально» [4, с. 37-41]. Сколько мигрантов нелегально работают в России – вопрос спорный. Эксперты фонда «Миграция XXI век» предполагают, что в настоящее время в России нелегально работают от 5 до 6 миллионов мигрантов [5, с. 196-202].

Проблема иммиграции в Россию также описана зарубежными учеными. К сожалению, большинство западных авторов связывают его с политикой, не приводя адекватных фактических или статистических данных. Однако число иностранных мигрантов, приезжающих в Россию по разным причинам, растет с каждым годом, и нет никаких доказательств существования в России радикального расизма или наемного рабства.

Информация, наиболее соответствующая действительности, представлена в зарубежных научных работах Ю. Ланга. Он пишет: «В распоряжении Москвы имеется огромное количество средств для контроля над ними (трудовыми мигрантами). К ним относятся правовые и административные инструменты, угроза депортации» [6]. По мнению Л. Биссон, «нелегальная иммиграция в основном обусловлена экономическими факторами, как в России, так и в Европейском Союзе. Фактор притяжения относительно успешной экономики является главной причиной нелегальной иммиграции в мире» [7].

Таким образом, за последние несколько лет наблюдается резкий рост входной миграции в целях поиска работы в России, где уровень жизни выше, чем в большинстве стран СНГ и некоторых других соседних государствах. Это делает Россию привлекательной для мигрантов. В России сложилась определенная практика приема, расселения и интеграции иммигрантов в свою региональную экономику. Основными регионами с высокой концентрацией иммигрантов являются Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская и Новосибирская области, Краснодарский и Хабаровский края.

Миграционные процессы внутри России формируют новые элементы этнокультурной структуры. Высокий уровень иммиграции создает этнические, культурные, экономические и национальные проблемы безопасности, которые являются совершенно новыми в России и некоторых регионах. В настоящее время в России действуют стандартизированные законы, регулирующие и легализующие пребывание и работу трудящихся-иммигрантов, а также защищающие их трудовые и трудовые права.

Еще одной актуальной проблемой является неточность статистических данных об иммиграции. При подсчете таких данных необходимо сложить официальные и неофициальные цифры. Эксперты говорят, что нелегальная миграция значительно более масштабна, чем та, что зафиксировано официально. Постепенно стало ясно, что лучший способ обуздать нелегальную иммиграцию сводится к упрощению юридических процедур. Как выразился директор ФМС К. Ромодановский – «Везде, где есть ограничения, всегда есть коррупция и обман людей». [8, с. 2] Это утверждение является ярким примером нового подхода к управлению миграцией. Уже по данным ФМС, либерализация законодательства сократила нелегальную иммиграцию как минимум вдвое [9, с. 2-7].

Литература

1. Зайончковская Ж. Миграционные тенденции в СНГ: Итоги десятилетия // Миграция в странах СНГ и Балтии: от многообразия проблем к единому информационному пространству / под ред. В.И. Зайончковской. Г. Витковская, Ж. Зайончковская. Москва, 2001.
2. Гадельшина, Лучана, Губайдуллина Ринатовна и Динара Венеровна: Проблемы миграции в Российской Федерации. 2017. С. 112-116.
3. Белов Валерий, А. Кожаев, Юрий П. Горенков и В. Александр: Трудовая миграция в России. Москва, 2017.
4. Флоринская Юлия, Ф. Мкртчян и В. Никита: Миграция в России: старые тенденции и новые проблемы. Мониторинг экономической ситуации 19 (37), 2016.

5. Поставнин В. А. и Власова Н. И.: правовой статус мигрантов и его влияние на российский рынок труда. Демографический Обзор 4 (7), 2017.
6. Ланг, Юзеф: Центральная Азия: кризис миграционной модели и ее потенциальное влияние на ЕС, 2017.
7. Любовь Биссон: Иммиграционная политика России: новые вызовы и инструменты // Russie.Nei.Visions. 2016. №91.
8. Интервью журналу «Российская миграция». 2009, № 5-6 (36-37).
9. Выступление К.О. Ромодановского на расширенном заседании коллегии Федеральной миграционной службы 31 января 2008 года // Миграционное право. 2008. № 2.

Басов Олег Евгеньевич

магистрант кафедры конституционного и
международного права юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – проф. Е.В. Сафронова
(Белгород)

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ ОТ ВСЕХ ФОРМ НАСИЛИЯ В АФРИКЕ

«Мораль бескомпромиссно осуждает убийство человека человеком, но это не мешает юристам рассматривать умерщвление преступника, приговоренного к смертной казни, как юридическую обязанность палача, состоящего при королевском суде, или, как бывает в наше время, в штате тюремного учреждения. Обязанность граждан государства нести военную службу и по приказу генералов убивать врагов нации на полях сражений нисколько не утрачивает правовой действительности из-за того, что некоторые люди считают ее несовместимой с человеческой моралью» (Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 292).

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования правового и организационного механизмов защиты детей от всех форм насилия на африканском континенте.

Ключевые слова: насилие, формы насилия, дети, африканский континент, международное право, правовая защита.

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), около 40 миллионов детей в возрасте 15 лет ежегодно являются жертвами насилия. Недавно завершено исследование ООН о насилии в отношении детей, которое

было проведено по рекомендации Комитета по правам человека, подтверждает, что насилие в отношении детей существует во всех странах мира. Это также подтверждает, что в каждом регионе, в противоречие с обязательствами в области прав человека и потребности детей в развитии, насилие в отношении детей является социально одобряемым и часто как с юридической позиции, так и со стороны государства. Наиболее остро стоит проблема детей на африканском континенте.

Рассматривая понятие насилия, отметим, что, несмотря на многочисленные международные и региональные документы, которые касаются защиты детей от насилия, нет общепринятого определения насилия в отношении детей. Тем не менее, насилие, как правило, считается нарушением определенных прав, которыми обладает каждый человек – а именно: право на жизнь, безопасность, достоинство, а также физическое и психологическое благополучие. Согласно Всемирному докладу Всемирной организации здравоохранения от 2002 года «Насилие и здоровье», термин «насилие» определяется как намеренное использование физической силы или власти, потенциальное или фактическое, против самого себя, другого лица или против группы или сообщества, в результате чего имеет высокую вероятность травма, смерть, психологический вред, аномалия развития. Это определение охватывает широкий ряд результатов, в том числе психологических травм, депривации и аномалий развития – что отражает растущее признание среди ученых и практиков о необходимости включать разновидности насилия, которые не обязательно приводят к травме или смерти, но, тем не менее, представляют собой значительный вред для отдельных лиц, семей, общин и системы здравоохранения.

Насилие в отношении детей может проявляться в различных формах:

- физической;
- психической (психологической, психоэмоциональной);
- сексуальной;
- финансовой.

Физическое насилие над ребенком, как правило, включает в себя любое действие или взаимодействие в котором взрослый или другое лицо стремится причинить физическую боль ребенку. Оно может включать действия, которые не ограничиваются ударами руками, ногами, а могут быть удушением, поножовщиной и членовредительством.

Сексуальное насилие включает в себя любые действия – такие как изнасилования, нежелательные действия сексуального характера – где сексуальность ребенка используется взрослым или другим лицом для удовлетворения или выгоды.

Эмоциональное насилие включает в себя любые действия или взаимодействия, который намеренно нападают на чувства ребенка, подрывая эмоциональное состояние ребенка, в результате чего неблагоприятное воздействие негативным образом влияет на его уверенности в себе. Такие действия могут включать угрозы нанести вред ребенку, оскорбления, насильственную изоляцию от друзей и родственников, а также в разрушение его вещей.

Аналогичным образом, психическое насилие включает в себя унижения, преследования, словесные оскорбления, последствия изоляции и других практик, которые приводят или могут привести к психологическому вреду. Подчинение детей, особенно девочек, финансовое или экономическое насилие, а также структурное насилие (как упоминалось выше) также были признаны многими учеными.

Финансовое насилие предполагает отнятие заработной платы женщин или иного дохода, ограничение или запрещение доступа к семейным доходам, иные формы контроля и злоупотребления властью. Экономическое насилие в отношении девочек включается в неосновательном отказе им в доступе к ресурсам в обществе и подвергая их чрезмерным и эксплуататорским формам труда.

Эти формы насилия могут возникать в различных условиях, таких как дома или в семье, в сообществе, в школе и в альтернативных учреждениях по уходу и содержанию под стражей, места работы детей, а также в ситуациях, когда дети участвуют в вооруженных конфликтах. Для того, чтобы гарантировать, что дети защищены от насилия, важно обеспечить, чтобы законодательство, политика и программы эффективно распознавали все эти формы насилия, которым дети могут быть подвергнуты и их решения в разных ситуациях, когда они могут произойти.

Учитывая проблематику статьи, рассмотрим более детально Конвенцию о правах ребенка (КПР) и Африканскую Хартию о правах и благосостоянии ребенка (ACRWC), содержащие нормы о защите детей от различных форм насилия.

Что касается детей, то Конвенции о правах ребенка и Африканская Хартия о правах и благосостоянии ребенка (ACRWC), содержат ряд положений, касающихся защиты детей от насилия. Особое значение имеют статьи 19 Конвенции о правах ребенка и 16 из ACRWC. Статья 19(1) Конвенции о правах ребенка предусматривает, что: «Государства-участники принимают все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительные меры по защите ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное

жестокое обращение при уходе родителя (родителей), законного опекуна (ов) или любого другого лица, которое имеет уход за ребенком» [1].

Аналогичным образом, статья 16(1) из ACRWC предусматривает, что: «Государства - участники настоящей Хартии принимают конкретные законодательные, административные, социальные и воспитательные меры по защите ребенка от всех форм пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство лечения и особенно физического или психологического оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или жестокого обращения включая сексуальные злоупотребление опекунов или школьной Администрацией, или любым другим лицом, находящимся на попечении ребенка» [2].

Статьи 19 и 16 Положения об обязанности государств-участников принимать различные шаги – а именно, законодательные, административные, социальные и образовательные – обеспечить отсутствие любого вида насилия, защищать детей от всех форм насилия. Как правило, первый шаг в этом процессе включает в себя изучение существующие национальные рамки, включая законодательство и политику, чтобы определить, соответствуют ли они принципам международного права; а где их нет, чтобы согласовать их с международными принципами либо путем их отмены или пересмотра. Эти положения также требуют от государств-участников принять защитные меры, которые должны включать в себя создание социальных программ (в случае КПП) или специальные блоки мониторинга (в случае ACRWC) [1, 2].

Рассматривая ситуацию, сложившуюся в Африке, отметим, что многие дети в Африке подвергаются насилию в различных упомянутых выше параметрах. Сообщения из африканского Форума детской политики, подготовленные для второй Международной конференции по вопросам политики Африканского ребенка: насилие в отношении девочек в Африке, состоявшейся в мае 2006 года (в Аддис Абебе, Эфиопия), отражают, что в африканском контексте, это в первую очередь девочки, которые являются жертвами насилия. Это не значит, что мальчики не подвергаются насилию в доме, семье, школе или на работе, а, скорее то, что девочки часто более уязвимы перед насилием в результате культурных и структурных факторов. В решении проблемы насилия в отношении девочек, необходимы мероприятия и программы, направленные на решение базовых гендерных факторов для того, чтобы переломить такое положение дел. Следует также подчеркнуть, что некоторые формы насилия испытывали в основном женщины и молодые девушки – некоторые из них изнасилование, бытовое насилие, кровосмешение, внутреннее рабство и калечащие операции на женских половых органах [2].

Однако в то время как многие африканские страны ратифицировали КПП и ACRWC, в результате чего характеристика прав детей стала все более

распространенной и наблюдается значительное стремление в изменении законодательства, в то же время разнообразие культур привело к сохранению в правовых системах ряда культурных практик, поскольку эти системы состоят из закона, религиозных законов и африканских обычаев. Поэтому культура и культурные практики являются частью правовой системы, в рамках которой они выступают в качестве одного из препятствий для исполнения защиты прав детей на континенте. Дети в Африке до сих пор подвергается вредной культурной практике, такой как калечение женских половых органов, негигиеничное обрезание, неадекватным ритуалам посвящения, а также физическим наказаниям. Однако ученые утверждают, что культура не статична и вредные практики могут быть преодолены путем понимания причин для практики, предоставляя решение в консультации с практикующими сообществами и обеспечении адекватной социальной поддержки для лиц, решившихся отказаться от этой практики для детей.

Рассматривая ситуационные исследования, отметим, что в трех исследованиях Организации Объединенных Наций: по вопросу о насилии в отношении детей в Западной и Центральной Африке (2015 г.); по вопросу о насилии в отношении детей Ближнего Востока и Северной Африки (2015 г.); оценка распространенности насилия в отношении детей в различных регионах Африки (2016 г.) подчеркнуто о наличии ряда общих черт [3].

Во-первых, многие страны в процессе проведения обзора своего законодательства по защите ребенка, пришли к тому, что в настоящее время они не достаточно защищают детей ни в соответствии с КПР, ни с ACRWC. В большинстве стран, юридические положения, касающиеся прав детей, разбросаны по разным законодательным актам, которые также могут быть устаревшими. Кроме того, многие страны, таких как Южная Африка, Замбия, Уганда, Малави, Мадагаскар, Эфиопия и Коморские острова, включили права детей в положения их конституций, и в этом имеет важное значение в обеспечении защиты и поощрения прав детей.

Во-вторых, трудно определить точные масштабы насилия в отношении детей. Информация о насилии в семьях (насилие в данном контексте включает в себя физическое, сексуальное, эмоциональное, отсутствие заботы и вредную традиционную практику) плохо документирована и об этом, в целом, мало что известно. Достоверная информация о насилии в домах признана пробелом и является серьезной проблемой для большинства стран [3].

Физические наказания детей по-прежнему широко распространены в учреждениях по уходу за детьми, следственных изоляторах, часто применяются сотрудниками полиции в момент задержания и во время заключения, где дети часто содержатся вместе со взрослыми. Даже в странах, где телесные

наказания в школах были отменены законом, практика все еще продолжается. Кроме того, использование физического насилия в семье как форма дисциплинарного метода широко распространена, учитывая, что это юридически допустимо. Характерно, что общее почти для всех стран является убеждение, что дети традиционно предназначаются, чтобы быть покорными и, в соответствии с этой верой, физическая дисциплина рассматривается как важный и необходимый элемент воспитания ребенка и не рассматривается как проблема.

Кроме того, трудно определить степень психологического и психического насилия детей, так как последствия могут быть непосредственными или скрытыми, и они варьируются в зависимости от контекста и возраста ребенка. Тысячи детей также становятся уязвимыми заболеваниями ВИЧ/СПИДа и часто страдают от психологического стресса, который усугубляется стигматизацией и дискриминацией, которая приводит к полной изоляции от общества.

Основными факторами, которые способствуют насилию в отношении детей, являются: экономические факторы, связанные с тяжелыми экономическими условиями семей в результате роста нищеты и безработицы; социальные факторы, например, неблагополучные семьи, семейные конфликты, супружеские конфликты, большие семьи и многоженства; преобладают культурные традиции, которые отражаются в отношениях к воспитанию детей, которым признано, что в какой-то степени физическое и словесное насилие может быть полезным; недостаточная осведомленность в отношении методов воспитания ребенка; роль средств массовой информации и программ, которые поощряют насилие; отсутствие норм в законодательстве, нацеленных на защиту детей, и, в случаях, когда эти положения существуют, их ненадлежащее исполнение.

Кроме того, Доклад по Африке показывает, что во многих странах Западной и Центральной Африки дети страдают от войны, нищеты, болезней и возрастающей урбанизации, имеющей тенденцию к увеличению насилия в отношении детей.

Таким образом, учитывая статистику международных исследований, разработка правового и организационного механизма борьбы против насилия с целью обеспечения максимальной защиты детей, должна осуществляться при учете всех вышеназванных факторов.

Литература

1. Африканская хартия о правах и благополучии детей (Хартия африканских детей) 1990 г. // [www//novainfo.ru](http://www.novainfo.ru)

2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml
3. Реформа законодательства и осуществление Конвенции о правах ребенка // Веб-сайт: www.unicef-irc.org

Голубева Софья Юрьевна

студентка юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – В.В. Гелуненко

(Белгород)

НАРОДНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ИДЕАЛ

«Право, как об этом можно судить, опираясь на положения конституций демократических государств, служит человеку, народу, обществу, высшим гуманитарным ценностям – благу людей, справедливости. Все, что оно продвигает, в том числе и рыночные отношения, должно иметь смысл, восходящий к этим ценностям» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 512)

Аннотация: Настоящая публикация посвящена вопросам народного суверенитета. В статье автор анализирует понятия государственного и народного суверенитета. На основе этого он приходит к выводу, что проявление народного суверенитета, находится в рамках государственного суверенитета. Поэтому, для осуществления конституционного идеала народного суверенитета необходимо устранить препятствия для непосредственной реализации народной воли.

Ключевые слова: конституция, права и свободы, суверенитет, народо-властие, государственный суверенитет, народный суверенитет, избирательное право.

Демократия, стоящая в основе российского государственного строительства, напрямую связана с такими правовыми категориями, как «народо-властие» и «народный суверенитет», вопросы теории и практики которых в последнее время имеют особое значение не только для конституционного права, но и всей юридической науки в целом. Так, одной из главных проблем, является то, что, несмотря на конституционно закрепленное право народа на осуществление власти, он при решении общегосударственных задач не ощущает себя носителем народного суверенитета. Также народный суверенитет

для своего осуществления встречает значительные препятствия, выражающиеся в повсеместно распространяющейся коррупции, недостаточной гласности и прозрачности процедур государственного управления, несовершенства системы сдержек и противовесов. В связи с этим перед нами встает вопрос о реализации народного суверенитета как основополагающего конституционного принципа,

который, по мнению российского ученого-правоведа В.Т. Кабышева, составляет сердцевину конституционного строя России [5, с. 39].

Исторически понятие народного суверенитета и вытекающего из него народовластия связывается с философом эпохи Просвещения Ж.Ж. Руссо. Мыслитель утверждал, что суверен – это не отдельное лицо, являющееся представителем народа, а сам народ, заключивший общественный договор. «Суверен, по словам философа, – это «политический организм», «коллективное существо», «условная личность», появляющаяся вследствие заключения гипотетического «первого соглашения», благодаря которому народ начинает воспринимать себя как народ. С этого момента у народа и появляется неотчуждаемый суверенитет» [8, с. 10]. «Подобно тому, как природа наделяет каждого человека неограниченной властью над всеми членами его тела, общественное соглашение дает политическому организму неограниченную власть над всеми его членами, и вот эта власть, направляемая общей волей, носит, как я сказал, имя суверенитета» – писал мыслитель. Как мы видим, учение Ж.Ж. Руссо предполагает сохранение за народом всей полноты власти вне зависимости от каких-либо внешних условий.

Своеобразным «общественным договором», закрепляющим народный суверенитет, по мнению выдающегося российского ученого, юриста Н.В. Витрука, является Конституция Российской Федерации. Именно основной закон нашей страны обеспечивает общественно-политический компромисс и правовой консенсус [3, с. 14] при согласовании экономических, политических и иных интересов, представленных различными политическими силами, а также устанавливает фундаментальные основы взаимоотношений между народом и государством [3, с. 3]. Н.В. Витрук убежден, что Конституция Российской Федерации выполнила задачу по достижению состояния согласия общественно-политических сил в российском обществе, открыла путь к формированию рыночной экономики, институтов демократии и правового государства, в конечном итоге – к обеспечению достоинства человека, его прав и свобод в качестве высшей ценности [3, с. 14]. По-настоящему суверенный народ – это тот, в котором каждый человек обладает реальными правами и свободами [4, с. 3], которые являются не только законодательно обеспеченными, но и внедренными в правоохранительную деятельность государства.

Часть 1 статьи 3 Конституции Российской Федерации гласит: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Основываясь на данной норме, мы можем сделать вывод о том, что существует всего один носитель суверенитета, каким является многонациональный народ России. Не допускается существование какого-либо иного носителя ровно так же, как любого другого суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации.

Ф.И. Валяровский утверждает, что государственный суверенитет нашей страны есть выражение народного суверенитета и является производным от него. Профессор выявляет такую закономерность: если народ утрачивает суверенитет, то и государственная власть автоматически утрачивает свой суверенный характер [4, с. 2], что иллюстрирует существование прямой зависимости государственного суверенитета от народного. «Только суверенитету народа принадлежит высшее право определять экономическую, социальную и политическую системы страны» [4, с. 2] – говорит Ф.И. Валяровский. Именно воля народа легитимирует публичную власть [5, с. 5], которая обязана выступать реализатором социальных нужд и осуществлять функцию служения обществу.

Если говорить о границах проявления народного суверенитета, то стоит сказать, что в данном вопросе мнения многих ученых разошлись. Д.М. Худoley говорит о неограниченности этого государственно-правового феномена, являющегося основанием демократии. Народ вправе создать государство, вправе изменить его форму. В конце концов, народ вправе разрушить государство, свергнуть деспотического правителя и др. [6, с. 49] Противоположного мнения придерживается Б.С. Эбзеев. Ученый утверждает, что суверенитет народа нельзя отождествлять с неотчуждаемой и неограниченной верховной властью [5, с. 4]. Скорее он является организационно-политическим принципом осуществления публичной власти, ограниченным в своей реализации установленными законом формами. Власть народа, оформленная конституционно, становится частью правового порядка, установленного конституцией [5, с. 4]. Воля народа, как считает Б.С. Эбзеев, не может легитимировать разрушение сложившегося правопорядка или санкционировать анархию и разрушение социума [5, с. 4]. Советский и российский ученый В.С. Нерсисянц придерживался мнения, что термины «народовластие», «непосредственная власть народа», «народный суверенитет» в современном государстве – это фикции, призванные легитимировать реальное господство политических элит. По его мнению, идея народовластия и понятие народного суверенитета искажают смысл государственной власти, создают впечатление дуализма власти народа и власти государства (публично-властной организации народа) [7, с. 614].

Для наиболее полной реализации народного суверенитета как конституционного идеала Н.В. Витрук предлагал следующий ряд мер: во-первых, необходимо в соответствии с общемировыми стандартами законодательно обеспечить право граждан на проведение референдумов по особо значимым вопросам жизни народа и на участие в них, избирательные права, реализуемые в процессе систематически проводимых выборов Президента Российской Федерации, Государственной Думы, представительных (законодательных) органов государственной власти в субъектах Российской Федерации, представительных органах местного самоуправления [3, с. 17], во-вторых, выборы должны проводиться свободно и честно, без использования административного прессинга на избирателей, без манипулирования общественным сознанием через средства массовой информации, без фальсификаций и подлогов; и, в-третьих, функционирование органов публичной власти и их должностных лиц должно происходить во имя общего блага, социальной справедливости, обеспечения интересов всех слоев населения, каждого индивида [3, с. 17]. Однако перед нами стоит вопрос, соблюдаются ли эти условия в реалиях современной политико-правовой действительности.

Как нам известно, народ реализует свою власть в двух формах демократии: прямой (непосредственной) и представительной (опосредованной, т.е. через органы государственной власти и органы местного самоуправления). Этот факт закрепляется в ч. 1 ст. 32 Конституции Российской Федерации, которая гласит: «граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей». И, как отмечает В.Т. Кабышев, эффективное осуществление народной власти возможно только при сочетании этих двух форм.

Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы [8, с. 107], право на участие, в которых принадлежит только гражданам России, представителям многонационального народа. Прямое волеизъявление граждан, как это вытекает из ч. 2 ст. 130 Конституции России, возможно и в других формах, хотя они в Конституции не раскрываются [8, с. 107]. К ним относятся собрания избирателей, собрания граждан какой-то территориальной единицы (села, района), петиции, индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления [8, с. 107]. Основываясь на данных государственно-правовых реалиях, В.Т. Кабышев производит деление форм непосредственной реализации власти народа на институты осуществления власти, носящие императивный характер (выборы, референдум), и институты участия во власти, носящие, в свою очередь, консультативный характер (митинги, демонстрации, обсуждения, обращения граждан), но имеющие не меньшую степень

влияния по сравнению с первыми, поскольку именно в них находит выражение воля народа. Игнорирование данных институтов есть признак имитационной системы, замкнутой лишь на саму себя [1, с. 43].

Опосредованное осуществление народной власти происходит посредством органов государственной власти и органов местного самоуправления, которые прямо или косвенно формируются самим народом, то есть на основе либо принципа выборности, либо подчиненности выборным органам. Несмотря на то, что в данном случае народная власть осуществляется через представителей, воля народа остается системообразующим фактором [8, с. 109]. Ученый-правовед М.В. Баглай отмечал, что данная форма выражения воли народа является косвенной, но тем не менее достаточно легитимной.

По мнению Н.В. Витрука, в нашей стране недостаточно развиты институты непосредственной демократии как конституционно-правовых форм выражения народного суверенитета и народовластия. Они, хоть и законодательно закрепленные на всех уровнях (федеральном, региональном и местном), слабо используются на практике. Подтверждая это, ученый говорит о крайне усложненном порядке выдвижения инициативы проведения общероссийского референдума, о неоправданном исключении ряда значимых для подлинного осуществления народовластия вопросов, об отсутствии эффективных средств правовой защиты инициатив тех или иных групп о проведении референдума [3, с. 19-20].

В.Б. Романенко также отмечает некоторые недостатки российской государственно-правовой действительности, препятствующие осуществлению народного суверенитета и народовластия. Во-первых, победа на выборах во многом связана с количеством средств, затраченных на предвыборную кампанию, что автоматически лишает малоимущих претендентов каких-либо шансов на достижение успеха в политической борьбе [9, с. 140]. Во-вторых, практически всегда в выборах участвуют не все лица, обладающие активным избирательным правом, из-за чего в результате приходится признавать легитимность выборов при явке избирателей не многим более половины от общего числа избирателей; а во втором туре, если он проводится, и того меньше половины, из-за чего победитель получает поддержку меньшинства населения страны [10, с. 98]. В-третьих, в большинстве своем средства массовой информации, которые должны быть независимыми по своей сущности, попадают под влияние тех или иных политических групп, вследствие чего события, напрямую касающиеся народа, но освещение которых невыгодно для этих групп, не доходят до общественности. Как мы можем заметить, все это приводит к росту протестного движения среди населения, выраженного в нескрываемом недовольстве проводимой государством политики. Программы всех

политических партий и протестного движения выдвигают требование постоянной общественной дискуссии о путях строительства новой России, эффективного диалога власти с оппозицией [3, с. 25].

Достаточно остро стоит вопрос объективности выборов, проводимых на различных уровнях в Российской Федерации. Казалось бы, о каком справедливом выражении народной воли и реализации народовластия может идти речь, когда в выборах не участвует даже половина от общего числа избирателей. Политико-правовая действительность сложилась таким образом, что большинство населения просто не верит в то, что его голос будет на самом деле преобразован в решение, основанное на народной воле, принятое именно в его интересах, а не интересах элитарных групп, обладающих значительными финансовыми, административными и иными ресурсами. Складывается такая ситуация, когда граждане считают лучшим выходом «промолчать» при решении тех или иных вопросов, полагая, что таким образом государство не сможет манипулировать ими в своих целях.

Таким образом, мы можем сказать, что народный суверенитет как основополагающий конституционный принцип народовластия, несмотря на формальную закреплённость в современных условиях, на практике реализовывается не в полной мере в связи с особенностями российской политико-правовой действительности. Проявление народного суверенитета, который по сути своей намного шире государственного, находится в его рамках, установленных законодательством, прежде всего Конституцией Российской Федерации. Для осуществления конституционного идеала народного суверенитета необходима разработка такого пути государственного развития, при котором, с одной стороны, будут устранены препятствия для непосредственной реализации народной воли, и, с другой стороны, государственное управление посредством своих органов будет происходить из учета интересов не политической элиты, а всего многонационального народа России.

Литература:

1. Кабышев В.Т. Народовластие в системе конституционного строя России: конституционно-политическое измерение // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. №. Дополнительный. С. 39-45.
2. Сергунин А.А. Суверенитет: эволюция концепта // Политическая экспертиза: Политэкс. 2010. Т. 6. №. 4. С. 5-21.
3. Витрук Н.В. Народный суверенитет и народовластие в конституционном тексте модернизации российского общества // Конституционно-правовые основы народовластия в России и Украине : сб. науч. трудов. Х. : Право. 2012. С. 12-28.

4. Валяровский Ф.И. Суверенитет в конституционном строе Российской Федерации : автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Москва. 2003. 26 с.
5. Эбзеев Б.С. Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика // Избирательное законодательство и практика. 2016. №2. С. 3-12.
6. Худолей Д.М. Суверенитет или автономия? // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. №. 2. С. 48-57.
7. Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов / Под общ. ред. академика РАН. д. ю. и., проф. В.С. Нерсисянца. М.: Норма. 2004. 832 с.
8. Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Конституционное право Российской Федерации. М. : НОРМА-ИНФРА. М. 1999. 512 с.
9. Серегин А.В. Актуальные проблемы теории государства: Опыт русского консервативного мышления в начале XXI века. Ростов-на-Дону, 2006. 272 с.
10. Романенко В.Б. Системный анализ институтов «народовластие», «демократия», «народный суверенитет», «разделение властей»: их взаимосвязь и соотношение // Философия права. 2010. №. 2. С. 97-101.

Коссова Алина Вячеславовна

студентка юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм

(Белгород)

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ «ПРЕОБРАЗОВАНИЯ» КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

«Удивительно, но укорененные в природе человека нормы действуют как бы на базе принципа «золотой середины», стремятся к оптимальному режиму. Они не являются строго фиксированными, неподвижными точками в пространстве, подвержены изменению, подвижкам и в то же время сохраняют устойчивость пределов, дальше которых эти изменения идти не могут» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 517).

Аннотация: в статье рассматриваются основные положения «преобразования» Конституции Российской Федерации 1993 года в результате внесения поправок, которые затрагивают социальную сферу жизни общества. Проводится анализ мнения людей относительно нововведений.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, граждане, народ, дети, Президент.

На сегодняшний день одной из актуальных тем для обсуждения остается вопрос изменения Конституции Российской Федерации [1]. 2020 год начался с ежегодного послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, в ходе которого Владимир Владимирович Путин предложил внести поправки в Конституцию Российской Федерации. Как сообщают источники, именно народ на общероссийском голосовании, которое пройдет 22 апреля 2020 года, будет решать, будут ли данные поправки приняты или нет [2].

Многие граждане нашей страны скептически настроены по поводу столь либеральных реформ. Они считают, что во многом данные меры не принесут результатов, которых так ждут, что в стране достаточно трудно навести порядок путем принятия только поправок к Конституции [3].

Другие же граждане уверены, что России необходимо развиваться и первым шагом логично будет реформировать именно основной закон нашей страны, что станет определенным «толчком» к переменам [4].

Прошло более четверти века с момента принятия Конституции нашего государства. Поэтому логичным является непосредственное введение изменений в данный закон, ведь меняется как политическая власть, так и общественная жизнь в государстве. Предложение Владимира Владимировича, внести поправки в Конституцию Российской Федерации, было вполне ожидаемо. Основным направлением в работе по изменению Конституции Российской Федерации будет являться именно социальная сфера.

На наш взгляд, безусловным достоинством данной реформы является изменение положений ст. 75 Конституции, которые касаются социальных гарантий населения России. Президент уверен, что необходимо закрепить положения об индексации пенсий и об уравнивании минимального размера оплаты труда с прожиточным минимумом. Данное предложение, по нашему мнению, будет способствовать защите граждан от так называемых «недобросовестных» работодателей. Многие скажут, что закрепление данной нормы все равно не наведет порядок относительно заработных плат населения. Но мы считаем, что законодательное урегулирование данного вопроса именно на уровне Конституции Российской Федерации поможет решить данную проблему раз и навсегда.

Также необходимо отметить, что теперь в Конституции 1993 года будет прописано положение детей в нашем государстве с законодательным закреплением, что дети являются будущим Российской Федерации. Эта конституционная норма будет являться своеобразной направляющей линией политики нашего государства по обеспечению и защите прав детей, их воспитанию.

Беспрецедентным является закрепление в базовом законе нашей страны веры в Бога. Некоторые граждане достаточно критично отнеслись к данной поправке, так как, по их мнению, это нарушает принцип светского государства, каким Российская Федерация себя провозглашает в основах конституционного строя [5]. Но, на наш взгляд, данная норма, скорее, закрепит то, что в любом вероисповедании есть Бог, в которого люди верят. Будь вы буддистом, мусульманином, христианином, католиком, – вы будете верить в Бога. Поэтому нет ничего плохого в закреплении данного положения в Конституции.

Нельзя не отметить, закрепление в ст. 72 Конституции понятия брака как союза именно мужчины и женщины. По данному вопросу до сих пор ведутся горячие споры среди юристов, политологов, граждан. Однако, по нашему мнению, разумно поставить точку в дискуссиях на эту тему. Наша страна должна вести политику, способствующую росту демографических показателей, основная цель которой заключается в устранении угрозы вымирания россиян. Более того, в основных законах должны находить место только проверенные веками и отвечающие национальным интересам традиции.

В Конституции Российской Федерации предложено прописать гарантии обеспечения защиты и поддержки соотечественников, а не только российских граждан за рубежом. Что также, скорее, плюс.

Огромное внимание уделяется вопросу культурного наследия нашей страны, поэтому неудивительно, что законодатель решает закрепить обязанность обеспечения защиты и поддержания данной сферы. Кроме того, безусловным достоинством является указание на, так называемую, историческую правду в подвиге русского народа в Великой Отечественной войне. Это, полагаем, верная реакция России на неприкрытые попытки искажения истории, ее «переписывания». Будущее поколение имеет право на правду.

Подытоживая, отметим, что изменение Конституции Российской Федерации является шагом к изменению нашей жизни.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. №31. Ст. 4398.
2. Сайт системы обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7> (дата обращения: 12.03.2020)
3. Сайт Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/693466> (дата обращения: 12.03.2020)

4. Сайт вedomosti. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/02/09/822584-popravki-v-konstitutsiyu> (дата обращения: 12.03.2020)
5. Сайт РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/03/2020/5e5d010e9a794718c0f57783> (дата обращения: 12.03.2020)
6. Сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/47985/> (дата обращения: 12.03.2020)
7. Сайт новая газета. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/02/26/84077-vas-sprosit-reshili> (дата обращения: 12.03.2020)

Крайнюкова Анастасия Андреевна

студентка 2 курса юридического института НИУ «БелГУ»,
член Молодёжной избирательной комиссии Белгородской области
Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм
(Белгород)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬ- НЫХ ПРАВ И ДОСТУП К КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ИНВАЛИДОВ НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

«Конечно, уверенный взгляд в будущее человек обретает в результате действия многих благоприятствующих факторов, но политика благосостояния и соответствующие меры, проводимые государством, имеют с этом отношении преимущественное значение» (Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 260).

Аннотация. В статье рассматриваются конституционные гарантии реализации прав инвалидов на участие в управлении делами государства и доступ к культурным ценностям.

Ключевые слова: инвалид, избирательные права, учреждения культуры, культурные ценности.

Признание прав и свобод человека высшей ценностью (ст. 2 Конституции России) означает, что личность по отношению к государству является равноправным субъектом, реализующим свои конституционные права [1]. Конституция Российской Федерации гарантирует своим гражданам социальную справедливость, благополучие и социальную защищённость, обеспечивает государственную поддержку инвалидов и пожилых граждан (ст. 7), что

согласуется с современными тенденциями развития права «цивилизованных» государств [2].

«Инвалид – лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость социальной защиты» [3]. В настоящее время в России проживает около 12,1 млн. инвалидов (около 9% населения страны) [4]. Вопросы реализации государственной политики в отношении социальной защиты инвалидов, их трудовых прав [5; 6] являются приоритетными направлениями развития социальной сферы Российской Федерации. С целью обеспечения равного доступа людей с ограниченными возможностями к объектам инфраструктуры; создания правовых, экономических, институциональных гарантий участия маломобильных групп населения в общественной жизни; повышения качества уровня жизни в Белгородской области реализуется государственная программа «Доступная среда». Основная цель — реализация конституционных прав инвалидов, в частности право на участие в управлении делами государства (ст.32); право на социальные выплаты, пенсии, пособия по инвалидности (ст.39); право на жилище (ст.40), медицинскую помощь (ст.41), получение образования (ст.43), а также право на доступ к культурным ценностям и участие в культурной жизни страны и своего региона (ст.44) и т.д. Рассмотрим некоторые из них.

Право участвовать в выборах адресовано каждому гражданину России, достигшему на день голосования возраста 18 лет, не ограниченному в дееспособности и не содержащемуся в местах лишения свободы по вступившему в силу обвинительному приговору суда. Право избирать и быть избранным является всеобщим, равным и прямым, и не зависит от состояния здоровья человека. В Белгородской области избирательные комиссии особое внимание уделяют созданию необходимых условий для участия в процедуре голосования инвалидов всех категорий. На избирательных участках размещаются кабины для голосования, предназначенные для голосования инвалидов-колясочников; устанавливаются дополнительное освещение, информационные стенды, позволяющие инвалидам по зрению узнать необходимую информацию.

В основном избирательные участки располагаются на первых этажах зданий и учреждений, по возможности, оборудованными перилами, пандусами, обеспечивающим доступ инвалидам. В день выборов в помещениях для голосования работают волонтеры, которые оказывают помощь пожилым лю-

дям и людям с ограниченными возможностями. Для избирателей с нарушением опорно-двигательного аппарата организовывается голосование вне помещения (на дому).

Не менее важным правом является «право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям», закреплённое в статье 44 Конституции Российской Федерации. Права человека в области культуры — неотъемлемое право каждого гражданина, включающее, в том числе и право на приобщение к культурным ценностям, на доступ к государственным музейным и библиотечным фондам, а также иным собраниям во всех областях культуры [7].

В Белгородской области продолжается работа по созданию доступной среды в учреждениях культуры. В регионе сеть учреждений культуры, обслуживающих лиц со статусом инвалидов, состоит из следующих учреждений культуры: 3 государственные и 610 муниципальных библиотек, 1 государственное и 695 муниципальных культурно-досуговых учреждений, 63 организации дополнительного образования в сфере культуры, 7 государственных и 37 муниципальных музеев, 3 государственных и 2 муниципальных театра, государственная филармония [8].

В городе Белгороде более 60 лет функционирует государственное казённое учреждение культуры «Белгородская государственная специальная библиотека им. В.Я. Ерошенко». Библиотека ориентирована на слепых и слабовидящих людей и активно взаимодействуют с общественными объединениями инвалидов. В библиотеке установлена система звукового оповещения, предназначенная для ориентирования в учреждении [9].

Учреждениями культуры в 2019 году было проведено 243 718 мероприятий с участием инвалидов. С целью создания условий доступности для инвалидов таких услуг, как посещение кинозалов и осуществление показа субтитрированных и тифлокомментированных полнометражных национальных фильмов, в 2019 году приобретены и установлены системы тифлокомментирования в следующих кинотеатрах и кинозалах муниципальных учреждениях культуры области: муниципальные бюджетные учреждения культуры «Ровеньский центр культурного развития», «Вейделевский Центр культурного развития», «Ракитянский Центр культурного развития «Молодежный». Автономное учреждение культуры «Майский районный Дворец культуры» Белгородского района [8].

Вместе с тем, несмотря на положительные тенденции, наблюдаемые в последние годы, в обеспечении реализации избирательных прав и доступ к культурной жизни инвалидов, нельзя говорить о решении данной задачи ор-

ганами государственной власти, государственными органами в полном объеме. Ещё не все учреждения культуры оснащены пандусами, кнопками вызова. Требуется дополнительной проработки и вопрос обслуживания людей – инвалидов по слуху и зрению, необходимо получение ими услуг тифло- и сурдоперевода. Эти вопросы носят комплексный характер, ведь большинство избирательных участков расположены в учреждениях образования и культуры. Решению данных вопросов призвана способствовать государственная программа «Доступная среда».

Литература

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Макогон Б.В. Тенденции развития национального законодательства в условиях глобализации // Бизнес в законе. Международный экономико-юридический журнал. 2012. № 2. С. 32-35.
3. Федеральный закон от 24.11.1995 №181-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст.4563.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.03.2019 № 363 (ред. от 28.12.2019) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» // [Электронный ресурс]. СПС Консультант Плюс, 2020.
5. Смоленский М.Б. Трудовое право Российской Федерации. – Общество с ограниченной ответственностью Феникс, 2009.
6. Смоленский М.Б. и др. Трудовое право Российской Федерации. – 2011.
7. Иванец Г.И., Калинин И.В., Червонюк В.И. Конституционное право России: энцикл. словарь / под общ. ред. В.И. Червонюка. М.: Юрид. лит. 2002. 432 с.
8. Официальный сайт управления культуры Белгородской области // <http://www.belkult.ru/> (Дата обращения: 11.03.2020)
9. Официальный сайт Белгородской государственной библиотеки им. В.Я. Ерошенко <http://www.belgorodbiblioteka.ru/> (Дата обращения: 11.03.2020)

Педько Мария Сергеевна,
магистрант юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – доц. А.Е. Новикова
(Белгород)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ПРИЗНАНИЯ ГОСУДАРСТВ

«Отношения между нормой и фактом проникнуты преобразовательным духом. Факт нуждается в норме, подобно тому, как сущее притягивается к должному, которого еще нет, но которое мыслится в потенции и обладает ценностной привлекательностью» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 526).

Аннотация: В международном праве первичными субъектами выступают государства, свойством которых является международная правосубъектность. Государство обладает необходимым для осуществления своих функций и задач механизмом управления, территорией, населением и суверенитетом. Одним из старейших институтов в международном праве является институт признания, а вопросы признания связаны с проблемой международной правосубъектности. Настоящая статья посвящена проблемам международно-правового признания государств, ставшим особенно актуальными в последние годы.

Ключевые слова: международное право, международно-правовое признание, международная правосубъектность, государство, субъект международного права, критерии признания государств.

На протяжении нескольких веков вопросы, касающиеся признания государств, не теряют своей актуальности и становятся предметом исследования отечественных и зарубежных ученых. Это связано с появлением новых государств, претендующих на их признание как независимых. Только с конца 20 века на политической карте мира появился ряд новых государств, среди которых 15 бывших республик СССР, Чехия, Словакия, а также 6 государств, возникших на территории Социалистической Федеративной Республики Югославия – Сербия, Черногория, Хорватия, Босния и Герцеговина, Словения, Македония.

При образовании нового государства и его международно-правовом признании всегда происходит столкновение интересов участников международных отношений. Единой точки зрения относительно определения понятия

«признание государства» на сегодняшний день не существует, что существенно затрудняет функционирование данного института в международном праве. Это объясняется прежде всего тем, что данный институт имеет тесную связь с политикой. Трансформация международной системы также меняет его содержание [1, с. 178].

Согласно трудам Д.И. Фельдмана, признание нового государства – это политико-правовой акт, в котором выражается намерение признающего государства вступать в стабильные международно-правовые отношения с признаваемой стороной, характер и объем которых зависит от вида и формы признания [2, с. 8]. Близкую к данной точке зрения имеет К.А. Бекашев, определивший признание как «акт государства, которым констатируется возникновение нового субъекта международного права и с которым этот субъект считает целесообразным установить дипломатические и иные основанные на международном праве отношения» [3, с. 80].

Иной точки зрения придерживаются некоторые зарубежные ученые. Так, Г. Кельзен утверждал, что признание включает в себя два совершенно разных акта: политический и правовой. Политическое признание, такое как установление дипломатических отношений, означает, что признающее государство готово вступить в политические отношения с признанным государством. Юридическое же признание является составной частью государственности. Это юридическое заключение о том, что территориальное образование отвечает международно-правовым требованиям государственности. Посредством правового акта признанное государство становится законным для признающего, и, таким образом, международное право становится применимым к отношениям между этими государствами [4, с. 607].

Следует отметить, что в настоящее время институт признания не кодифицирован, вследствие чего между субъектами международного права нередко возникают разногласия по поводу того или иного события. Неоднозначность толкования и формирование разных подходов к оценке одного и того же процесса порождают двойные стандарты. Решение вопросов признания основывается на общепризнанных принципах международного права, при этом дипломатические документы отдельных государств, двусторонние и многосторонние договоры, решения международных организаций регламентируют отдельные аспекты признания.

Одним из основных вопросов для дискуссий, касающихся института признания, является вопрос, связанный с теориями признания: декларативной и конститутивной.

Декларативная теория представляет собой формальное признание. Она основана на автоматическом присвоении государству при его возникновении

статуса субъекта международного права. Государство через признание не наделяется международной правосубъектностью, признанием она констатируется, что способствует вхождению нового государства в систему межгосударственных отношений.

Напротив, постулатом конститутивной теории является отрицание автоматического возникновения статуса субъекта международного права у государства при его возникновении. Государство становится таковым только после получения признания со стороны других государств.

Таким образом, международная правосубъектность государства зависит от его признания другими государствами. Государство, являющееся непризнанным, не может в полной мере устанавливать межгосударственные отношения, то есть фактически оно находится за пределами международного общения. В качестве примера можно рассмотреть процесс возникновения Южной Осетии. Её независимость от Грузии 26 августа 2008 года первой признала Россия, за которой последовали Никарагуа, Венесуэла и Науру. За границей было открыто несколько дипломатических представительств и консульских учреждений Южной Осетии. Также 29 мая 2018 года независимость республики была признана Сирийской Арабской Республикой. В данном случае согласно декларативной теории, Южная Осетия признана, так как здесь есть место всем признакам государства. Но с позиции конститутивной теории Южная Осетия не является государством, по причине того, что большинство государств не признают её в качестве субъекта международного права, и, соответственно, не может в полной мере участвовать в международных отношениях.

Таким образом, положение непризнанных государств в современной системе международных отношений является неоднозначным. В попытке реализовать право на самоопределение они выступают в роли дестабилизирующего фактора в развитии мировой политики.

Анализируя международную практику по проблемам признания государств, доктрины и теоретические аспекты данного вопроса, стоит отметить все же, что на сегодняшний день институт признания играет важную роль в международном праве. С возникновением новых прецедентов возникает необходимость совершенствования положений института признания и выработки эффективных политико-правовых механизмов решения существующих проблем.

Литература

1. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник. М.: Волтерс Клувер, 2007. 415 с.

2. Фельдман Д.И. Признание государств в современном международном праве. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1965. 258 с.
3. Международное право: учебник для бакалавров / отв. ред. К.А. Бекяшев. Москва: Проспект, 2014. 780 с.
4. Kelsen H. Recognition in International Law: Theoretical Observations // The American Journal of International Law. 1941. Vol. 35. № 4. P. 607.

Рощупкин Игорь Николаевич

магистрант юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм

(Белгород)

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

«Две ипостаси нормы (должное и сущее) неотделимы друг от друга, не следует преувеличивать значение одной из них за счет другой. Когда юрист игнорирует смысл должного в понимании нормы, он оставляет открытым вопрос о том, откуда она получает силу и способность упорядочивать общественную жизнь, судить человеческие поступки и человеческую историю. Этическое оправдание (легитимация) функций юридической нормы лежит в плоскости нравственного должного» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 564).

Аннотация. Для созидания гражданского общества и правового государства, а также определения прав человека как высшей ценности демократического строя государства национальные выборы по праву можно считать главным рычагом реализации этой цели, а такой инструмент как наблюдение за избирательным процессом является гарантом прозрачности, а вследствие чего и легитимности результатов голосования. В данной статье рассматривается институт международных наблюдателей как механизм, с помощью которого совершенствуется как национальное избирательное право в отдельных странах, так и международные избирательные стандарты в целом.

Ключевые слова: международные наблюдатели, избирательное право, международные избирательные стандарты, национальные выборы.

Наблюдение – один из важнейших механизмов контроля за ходом голосования и подтверждение легитимности результатов выборов, выражение конститутивного принципа взаимодействия [1], проводник версий интересов

гражданского общества [2]. Субъектом данного процесса являются наблюдатели, назначаемые кандидатами, партиями либо субъектами общественного контроля. Также для удостоверения в легитимности и демократичности выборов и принятия результатов другими странами и международными организациями данная роль передана, так называемым, международным наблюдателям.

В конечном итоге, можно говорить об институте, посредством которого реализуется право на протест (как собирательный образ) [3] на международном уровне.

Основой и площадкой для становления наблюдательного процесса за ходом голосования и подсчетом голосов как международного института является образование в 1945 года Организации Объединенных Наций и принятие 10 декабря 1948 года «Всеобщей декларации прав человека». Согласно п. 3 ст. 21 этой декларации «Воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования» [4].

В современных условиях глобализации [5; 6] такие инструменты международного уровня, как институт международных наблюдателей позволяет международным организациям осуществлять контроль за выборами с целью увидеть реальную картину с избирательных участков, отражающую действительность, убедиться в установлении честных результатов, которые являются одним из главных показателей демократии в стране, не имитационного, но ценностного отношения к правам человека [7]. Для осуществления таких целей присутствие именно иностранных наблюдателей является самым эффективным механизмом, поскольку именно они являются самыми беспристрастными «судьями», потому как не имеют принадлежность ни к партии, ни к кандидату, ни к выборам различного уровня в целом.

После принятия Всеобщей декларации прав человека был принят ряд документов, обозначающих статус международных наблюдателей, а также организующих их деятельность: Декларация принципов международного наблюдения за выборами от 27 октября 2005 года, Руководство по наблюдению за выборами ОБСЕ/ БДИПЧ (Варшава, 2010 год, переизданных в шести изданиях (Опубликованный в Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) Al. Ujazdowskie 19 00-557 Warsaw Poland www.osce.org/odihr), Руководство Европейского Союза по наблюдению за выборами (Европейская комиссия, 2008) Положение о Миссии наблюдателей от

Шанхайской организации сотрудничества на президентских и/или парламентских выборах, а также референдумах (Утвержденного решением Совета министров иностранных дел государств – членов Шанхайской организации сотрудничества от 15 мая 2006 года № 8), Критерии для наблюдения за выборами: Руководство для избирательных наблюдательных миссий Организации американских государств (март 2008), Резолюция 1771 (2010) «Международно признанный статус наблюдателей за выборами» (12 ноября 2010 года) и т.д.

Одной из основных международных организаций, главной деятельностью которой преимущественно определена организация наблюдения за выборами, является Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. ОБСЕ выдвигает на первый план цель поддержки прав человека, демократии и верховенства права на всей территории Европы, Центральной Азии и Северной Америки.

Вышеуказанная международная организация, представители которой являются приверженцами уважения прав человека, демократии и верховенства права, придает особое значение легитимным выборам как основному фактору длительной безопасности и стабильности.

Все страны-члены ОБСЕ возложили на себя обязательство и закрепили в национальном избирательном законодательстве приглашать на свои выборы иностранных наблюдателей от других государств-участников ОБСЕ, от БДИПЧ и Парламентской ассамблеи ОБСЕ [8]. Поддерживая такую интонацию, государства-участники международной организации признают, что наблюдение международными субъектами повышает прозрачность и подотчетность выборов, а также укрепляет доверие населения к избирательной кампании.

Факт допущения иностранного пула наблюдателей должным образом является поддержанием развития демократии и содействием государствам-участникам в преследуемой ими цели – организации демократических избирательных процессов и достижения легитимных результатов выборов согласно принятым на себя обязательствам ОБСЕ. Работа Бюро по демократическим институтам и правам человека по направлению наблюдения за прозрачностью выборов заявляет стремление ОБСЕ помочь государствам-участникам в становлении надежных и работоспособных институтов демократии.

Традиционно сложилось, что международные наблюдатели осуществляли свою деятельность в основе своей за выборами на территории стран, которые находились на этапе становления демократии, но также нельзя недооценивать работу данного международного института за избирательными

процессами и в уверенно движущихся в демократическом векторе государствах, которым международное наблюдение в свою очередь приносит пользу в виде подтверждения чистых выборов как основы демократии.

Необходимо отметить, что, согласно нормативным документам, все 57 стран-участников связаны определенными обязательствами, которые в должной мере должны выполнять. Цель любых мероприятий БДИПЧ направленных на наблюдение за избирательным процессом состоит в том, чтобы дать оценку, в какой мере данный те или иные выборы соответствуют обязательствам стран-участников ОБСЕ и другим международным стандартам легитимации выборной кампании, закреплены ли такие стандарты в избирательном законодательстве стран и в какой степени эти обязательства соблюдаются и выполняются. Еще одной главной задачей наблюдения за проведением выборов также является выявление правовых коллизий и недостатков в урегулировании тех или иных отношений избирательного процесса, а также разработка стратегических рекомендаций для восполнения законодательных пробелов и качественного улучшения правовой основы отдельных институтов легитимности избирательного процесса.

В 1990 году ОБСЕ была принята Копенгагенская Декларация, согласно которой страны-участники ОБСЕ приняли на себя обязательство приглашать на выборы наблюдателей из любых других государств-участников ОБСЕ, а также из международных организаций, для наблюдения за ходом голосования. Также вышеупомянутый документ делает акцент на деятельность неправительственных организаций в рамках обеспечения соблюдения конституционных прав и основных свобод человека, и на реализацию и создание государствами-участниками условий для деятельности таких организаций по укреплению «теплых» контактов и сотрудничеству с иностранными наблюдателями [9].

В последнее время стремительно возрастает в ОБСЕ роль БДИПЧ в области наблюдения за проведением выборов, которое трактует необходимость своевременного реагирования на заключения вышеуказанного Бюро с результатом наблюдения за выборами, а также исполнения рекомендательных мер. В целях обеспечения гласности выборов, национальное избирательное законодательство должна четко определить роль и место наблюдателей в избирательном процессе, в том числе субъектов международного наблюдения, а также представителей СМИ, политических партий, и кандидатов на всех этапах выборной кампании.

Положения Копенгагенской Декларации ОБСЕ делают акцент на то, что главная задача стран-участников организации состоит не в формальном под-

ходе в части закрепления международных рекомендаций в национальном избирательном законодательстве, а в обеспечении условий для максимальной эффективности их реализации на территории государств-участников [10].

Следует отметить, что еще одной важной особенностью Копенгагенского документа является тот факт, данная Декларация выступает гарантом возможности осуществления наблюдения за избирательным процессом любыми возможными субъектами общественного контроля, как национальными, так и международными. Принятие данной нормы дает возможность неправительственным организациям участвовать в избирательном процессе в качестве субъекта наблюдения за выборами и освобождает их от необходимости соответствия обременительным требованиям аккредитации, необходимой для доступа на избирательные участки [11].

Таким образом, институт международного наблюдения за выборами является не только индикатором оценки соответствия избирательного процесса международным избирательным стандартам и уровня выполнения и соблюдения их, но и проявлением показателя заинтересованности мирового сообщества в прозрачности и легитимности выборов как основы демократии. Институт международных наблюдателей позволяет обеспечить контроль соблюдения прав человека и верховенством закона путем имплементации международных избирательных стандартов, а также применения и реализации их в национальном избирательном праве. Базовая интонация международного наблюдения состоит в том, что никто, кроме населения страны, в конечном итоге, не вправе решать вопрос о легитимности хода голосования и результатов выборов.

Литература

1. Мархгейм М.В. Взаимодействие как конституционный принцип // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1 (92). С. 54-56.
2. Мархгейм М.В. Партийная версия интересов гражданского общества современной России // Власть. 2004. № 7. С. 41-47.
3. Мархгейм М.В. Право на протест: конституционный абрис собирательного образа // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 3 (70). С. 29-31.
4. Всеобщая декларация прав человека // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 02.02.2020 г.)
5. Макогон Б.В. Современное государство в условиях глобализации // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 29-31.

6. Макогон Б.В. Тенденции развития национального законодательства в условиях глобализации // Бизнес в законе. Международный экономико-юридический журнал. 2012. № 2. С. 32-35.
7. Куксин И.Н., Мархгейм М.В. Права человека в XXI веке: ценность или имитация? // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика. 2015. С. 125-132.
8. Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению ОБСЕ и Приложение (1990) // URL: <https://www.osce.org/ru/odihr/elections/14304?download=true> (дата обращения 16.02.2020 г.)
9. Шлюндт Н.Ю., Подворчан И.А. История института международных наблюдателей / сборник материалов международной научно-практической конференции (г. Сочи, 23 июня 2017 г.). Иркутск: «Научное партнерство «Апекс», 2017. С. 72-75.
10. Существующие обязательства в отношении демократических выборов в государствах участниках ОБСЕ / Опубликовано Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ (БДИПЧ) // URL: www.osce.org/odihr (дата обращения 14.02.2020 г.)
11. Международные избирательные стандарты: Сборник документов и материалов. Выпуск пятый / Отв. ред. кандидат юридических наук И.Б. Борисов и доктор юридических наук В.И. Лысенко. М.: Российский общественный институт избирательного права, 2017. С. 670-699.

Черепанов Михаил Алексеевич

студент юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – доц. А.Е. Новикова

(Белгород)

ГЕНЕЗИС КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«Как и социальному порядку в целом, многим институтам, его составляющим, присущ так называемый эмерджентный характер. Результат почти никогда не бывает таким, каким его предусматривали; в нем всегда есть неожиданное, что вызывает приятное или неприятное удивление. Нельзя сказать, что юридические институты совершенно лишены эмерджентных качеств, в известной мере естественных для институциональной сферы, но «юридический разум» активно протестует, когда образ и форма нового института отличаются от того, что предполагали, ожидали, проектировали.

Юристы склонны видеть в этом просчеты и ошибки, допущенные в ходе правотворчества, и потому ищут и обычно находят «вину законодателя» (Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 407)

Аннотация. В статье раскрыто развитие конституционно-правовой основы регулирования Совета Безопасности в российском государстве; рассмотрены некоторые особенности аналитической работы в связи с составлением специальных прогнозов в различных сферах деятельности государства.

Ключевые слова: конституция, национальная безопасность, национальные интересы, Совет Безопасности, стратегическое планирование, аналитика.

Кардинальные изменения, произошедшие в конце XX века во всех сферах государственной и общественной жизни России, обуславливают внимание к проблеме обеспечения безопасности в национальном аспекте [1, с. 127-129; 2, с. 6].

В данной связи в статье рассмотрен генезис конституционно-правового регулирования деятельности Совета Безопасности в российском государстве.

В историческом срезе следует обратить внимание на прообраз нынешнего Совета Безопасности, действовавшего еще в СССР. Впервые в нашей стране образование такого органа было предусмотрено Законом СССР от 26 декабря 1990 г. № 1861-1, внесшим изменения и дополнения в Конституцию (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик в связи с совершенствованием системы государственного управления [3].

Совет Безопасности СССР занимался разработкой решений для военно-политического руководства Советского Союза, которые в свою очередь носили рекомендательный характер. Среди таких решений были программы в области обороны страны, обеспечения целостности и неприкосновенности территории, поддержания государственной, экономической, экологической безопасности, а также разработка необходимых и актуальных алгоритмов действия при возникновении чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий [4].

Дальнейшее историческое формирование фундамента для деятельности Совета Безопасности Российской Федерации заложили следующие нормативные правовые акты хронологического ряда: Указ Президента РСФСР от 19 июля 1991 г. № 9 «О Совете Безопасности РСФСР» [5], Закон РФ от 5 марта 1992 г. «О безопасности», в котором были определены порядок формирования и состав Совета Безопасности Российской Федерации, его ключевые направления и формы деятельности [6], Указ Президента РФ от 3 июня 1992 г. № 547 «Об образовании Совета Безопасности Российской Федерации» [7].

После принятия 12 декабря 1993 г. Конституции Российской Федерации [8], а также на основании пп. 2 и 3 указов Президента РФ от 7 октября 1993 г. № 1598 и от 24 декабря 1993 г. № 2288 соответственно, были признаны недействующими законы, их отдельные части. Среди них и положения Закона РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-І «О безопасности» [9, 10].

В итоге процедура определения состава Совета Безопасности Российской Федерации, а также его постоянных членов-участников была передана в ведение Президента. Таким образом, Совет Безопасности обрел статус конституционного органа государственной власти при Президенте Российской Федерации.

В настоящее время базовыми документами, определяющими статус Совета Безопасности Российской Федерации, являются: п. «ж» ст. 83 Конституции Российской Федерации; федеральные законы от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» и от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [11, 12]; указы Президента РФ от 6 мая 2011 г. № 590 «Вопросы Совета Безопасности Российской Федерации»; от 25 мая 2012 г. № 715 «Об утверждении состава Совета Безопасности Российской Федерации» и др.

Исходя из приведенных нормативных установлений, Совет Безопасности Российской Федерации является конституционным совещательным органом, осуществляющим подготовку решений Президента Российской Федерации по вопросам обеспечения безопасности, организации обороны, военного строительства, оборонного производства, военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами, по иным вопросам, связанным с защитой конституционного строя, суверенитета, независимости и территориальной целостности Российской Федерации, а также по вопросам международного сотрудничества в области обеспечения безопасности.

К основным задачам Совета Безопасности Российской Федерации отнесены:

- обеспечение условий для осуществления Президентом Российской Федерации полномочий в области обеспечения безопасности;
- формирование государственной политики в области обеспечения безопасности и контроль за ее реализацией;
- прогнозирование, выявление, анализ и оценка угроз безопасности, оценка военной опасности и военной угрозы, выработка мер по их нейтрализации;
- координация деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по

реализации принятых Президентом Российской Федерации решений в области обеспечения безопасности;

– оценка эффективности деятельности федеральных органов исполнительной власти в области обеспечения безопасности.

Президент Российской Федерации также может возложить на Совет Безопасности иные задачи и функции в соответствии с национальным законодательством.

С точки зрения юридической доктрины, трактовка Совета Безопасности Российской Федерации выглядит более лаконично, но охватывает все его статусные грани конституционного органа, осуществляющего подготовку решений Президента Российской Федерации по вопросам обеспечения защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, проведения единой государственной политики в области обеспечения безопасности.

Что касается системы стратегического планирования, то в настоящее время она проходит стадию формирования. Комплекс решений и усилий, принятых на основе федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ, был направлен главным образом на создание документальной базы для исполнения стратегического планирования. Вместе с тем, как считает заместитель Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации С.А. Вахруков, проведение аналитической работы и работы по стратегическому планированию необходимы, в первую очередь, для обеспечения системного подхода к решению ряда вопросов, к которым относятся подготовка документов стратегических программ и их реализация, а также ряд вопросов по обеспечению социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [11].

В порядке резюме отметим, что существующая правовая база, заложенная в начале 2000-х годов, без сомнений позиционирует Совет Безопасности Российской Федерации как важнейший и неотъемлемый государственный орган, способствующий достижению защиты и обеспечению национальных интересов в системе институтов безопасности.

Литература

1. Карпов В.И., Павлов Д.Б. Основы обеспечения безопасности личности, общества и государства. М., 1999.
2. Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / под ред. А.В. Опалева. М., 2004.
3. Закон СССР от 26.12.1990 г. № 1861-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР в связи с совершенствованием системы

государственного управления» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 1. Ст. 4.

4. Толстых В.В. Совет Безопасности Российской Федерации: правовые основы деятельности // <https://cyberleninka.ru/article/n/sovet-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii-pravovye-osnovy-deyatelnosti/viewer> (дата обращения 26.04.2020 г.).

5. Указ Президента РСФСР от 19.07.1991 г. № 9 «О Совете Безопасности РСФСР» // <http://www.yeltsincenter.ru/docs/ukaz-prezidenta-rsfsr-9> (дата обращения 27.04.2020 г.)

6. Закона РФ от 05.03.1992 г. «О безопасности». Документ утратил силу в связи с принятием федерального закона от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ // Российская газета. 1992, 6 мая.

7. Указ Президента РФ от 03.06.1992 г. № 547 «Об образовании Совета Безопасности Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 24. Ст. 1323.

8. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2014, 23 июля.

9. Указ Президента РФ от 07.10.1993 г. № 1598 «О правовом регулировании в период поэтапной конституционной реформы в Российской Федерации». Утратил силу с 25.12.1993 г. в связи с изданием Указа Президента РФ от 24.12.1993 г. № 2288. // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 41. Ст. 3919.

10. Указ Президента от 24.12.1993 г. № 2288 «О мерах по приведению законодательства Российской Федерации в соответствие с Конституцией РФ» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 52. Ст. 5086.

11. Интервью заместителя Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации С.А. Вахрукова к 25-летию Совета Безопасности РФ // <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/2228/> (дата обращения 26.04.2020 г.).

**Право и государство в современном мире:
состояние, проблемы, тенденции развития :**
Материалы международной научно-теоретической конференции
(Белгород, 24-25 апреля 2020 г.)

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 0 лет.

Подписано в печать 17.05.2020 г.
бумага офсетная. Усл. печ. листов 14,6
тираж 100 экз. Заказ 1028

Отпечатано в типографии ООО «ГиК»,
г. Белгород, ул. Калинина, 38-А,
тел. (4722) 58-71-25
www.gikprint.ru
girichev69@mail.ru
Св-во 001071155 от 13.04.2005 г.